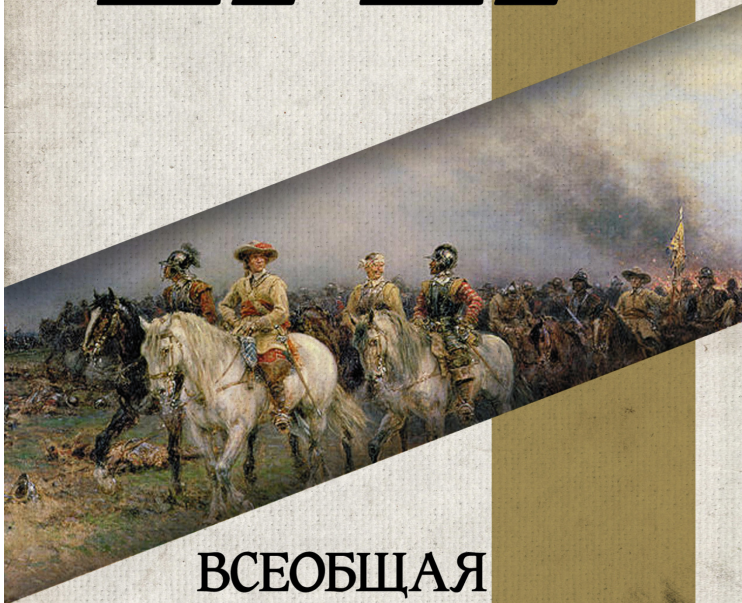

Оскар

ЕГЕР

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ СТРАН
И НАРОДОВ
МИРА

вся история
в одном томе

Оскар Егер
С. Н. Полторац
А. В. Зотова
Светлана Тевельевна Махлина
Всеобщая история
стран и народов мира
Серия «**Вся история в одном томе**»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66136292
Всеобщая история стран и народов мира: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-123368-6, 978-5-17-139247-5

Аннотация

Труд известного немецкого ученого Оскара Егера содержит в себе материалы по мировой истории, которые условно можно поделить на 4 периода: «Древний мир» – от возникновения первых государств до разрушения Римской империи (в 476 г.); «Средние века» – от основания варварских государств в Италии до эпохи Реформации (от 476 г. по 1517 г.); «Новая история» – от начала Реформации до 1789 г.; и «Новейшая история» – от 1789 г. до конца XIX века.

Разные исторические события представлены автором увлекательно, образно и просто. Оскар Егер дает интересные

характеристики историческим личностям, которые предстают в ярких, живых и запоминающихся зарисовках, подчеркнутые обилием фактического материала.

Книга известного историка дана в сокращении и представляет большой интерес для широкого круга читателей.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Феномен Оскара Егера	6
Том 1. Древний мир	13
Книга I. Египет и Междуречье	13
Глава первая	13
Глава вторая	33
Книга II. Персы и эллины	60
Глава вторая	60
Происхождение эллинов	61
Дорийцы и ионийцы; Спарта и Афины	74
Общая картина жизни эллинов около 500 г. до н. э	104
Книга IV. Век Александра Великого	118
Глава третья	118
Книга V. Италия и Запад	152
Глава первая	152
Глава третья	174
Книга VI. Рим и Карфаген	226
Глава первая	226
Конец ознакомительного фрагмента.	231

Оскар Егер

Всеобщая история

стран и народов мира

© С.Н. Полторак, составление, 2021

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

*** * ***

Феномен Оскара Егера

Оскар Егер (Йегер) во всемирной исторической науке – явление выдающееся. Он оказался вполне конкурентоспособным с самыми яркими и глубокими историками XIX века.

Позапрошлое столетие стало периодом новаторского осмысления лучшими умами человечества европейской и, частично, мировой цивилизации, в том числе – ее прошлого.

XIX век подарил человечеству великое множество талантливых историков, среди которых, например, были Ч.К. Адамс, А. Берр, М. Блок, Я. Буркхардт, Т.Н. Грановский, И. Дройзен, Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, Т. Моммзен, Ч. Моррис, А. Пиренн, Л. фон Ранке, С.М. Соловьев, А. Тойнби, Л. Февр, О. Шпенглер, С. Элиот и многие другие. Каждый из них внес заметный вклад в развитие исторической науки. Некоторые известны не только как исследователи, но и талантливые педагоги и популяризаторы исторических знаний. Правда, далеко не всем было интересно взглянуть на исторический процесс цивилизации в целом или попытаться изучить историю своего государства в контексте мировой цивилизации.

О. Егер был одним из немногих, кто посягнул на осмысление и описание мирового исторического процесса. Будучи уроженцем Германии, он, разумеется, вольно или невольно

поставил историю немецкого народа в центр описываемых событий. Эта «диспропорция» освещения мировой истории нисколько не преуменьшает вклада этого выдающегося исследователя в изучение и описание исторических событий.

Феномен О. Егера, человека посягнувшего на осмысление динамики мирового цивилизационного процесса, как и любой феномен – большая загадка. Однако подступиться к ее разрешению может помочь размышление над биографией немецкого историка.

Будучи поздним ребенком (к моменту рождения Оскара его отец, Георг Фридрих фон Егер, уже давно был профессором химии и естественных наук), он с раннего детства воспитывался в среде ученых. Это не могло не повлиять на его внутренний мир и формирование образа мыслей. На выбор профессии историка, скорее всего, заметно повлияло то обстоятельство, что профессор Г.Ф. фон Егер кроме всего прочего был автором авторитетных трудов по палеонтологии. Такой факт из научного творчества отца не мог не сказаться на стремлении Оскара осмыслить окружающий мир сквозь призму минувших событий.

Не исключено, что свою лепту в мировосприятие Оскара Егера внес и его дядя по матери – известный поэт Густав Бенъямин Шваб, написавший «Саги классической древности». Это поэтическое произведение стало одним из наиболее заметных литературных произведений Германии того времени, которое было посвящено древним мифам. Ро-

мантичность дяди-поэта, помноженная на прагматизм отца-ученого, вероятно, способствовали формированию личности будущего известного историка.

За скобками произведения Оскара Егера остались его колоссальные усилия, которые были нацелены на изучение трудов его предшественников. К сожалению, Оскар Егер не оставил своим читателям секретов собственной творческой лаборатории, поскольку в четырехтомнике своей всемирной истории он не делал ссылок на труды других историков. Примечания, которые были сделаны автором к каждому тому, были столь несущественными, что составители настоящего издания посчитали вполне возможным удалить их из текста.

В просвещенной Европе, так же как и в Соединенных Штатах Америки XIX века, было много талантливых исследователей. Но труд Оскара Егера выгодно отличался от многих глубоким знанием мировой историографии, непредвзятым осмыслением минувших событий. Ярким и образным оказался язык повествования, который даже при переводе на русский язык не утратил удивительного сочетания простоты изложения с глубиной проникновения в суть описываемых проблем.

Оскар Егер – фигура весьма сложная. Будучи швабом по рождению, он не мог не ощущать влияние находившихся рядом французских, швейцарских, итальянских земель. Бывшие поблизости Эльзас и Лотарингия являлись своеобразным стимулом к размышлению над извечной проблемой

франко-германского пограничья. Но при этом, как отмечают многие исследователи, по своим общественным взглядам он был сторонником политики Пруссии. То есть были в его сознании и некие ростки великодержавности, которые не могли не сказаться на процессе осмысления истории германцев в лоне Европы.

Нельзя не заметить, что научные интересы Оскара Егера были весьма разнообразны. Его нельзя считать только историком, поскольку у него были заметные труды по проблемам педагогики, образования, культурологии и науки в целом. Возможно, сказалось его образование, полученное в Тюбингенском университете, где будущий ученый изучал теологию и филологию. Кстати, именно это образование и сформировало в Оскаре Егере его «фирменный» стиль изложения материала. С одной стороны, его язык был безукоризненно правильным и отличался легкостью и прозрачностью изложения мыслей, с другой – ученый постоянно тяготел к более подробному и глубокому изучению и описанию проблем теологического характера. В его трудах, особенно во «Всеобщей истории стран и народов мира», заметен ощутимый перевес в сторону изложения событий, касавшихся истории церкви, особенно происходивших в ней перемен.

Нельзя не обратить внимания и на методическое мастерство Егера-педагога. За свой долгий жизненный век (1830–1914) этот ученый и педагог сменил немало мест преподавательской деятельности. Долгое время он был директором

гимназии в Кёльне, около 20 лет возглавлял Ассоциацию немецких гимназий, преподавал во многих других городах Германии, а завершил свою научно-педагогическую практику в Боннском университете, где получил звание почетного профессора.

Структура произведения Оскара Егера свидетельствует об основательности авторских подходов к изучению прошлого цивилизации. С одной стороны, автор при изложении истории мировой цивилизации пошел по классическому принципу, сделав акцент на истории Египта, Греции и Рима. С другой стороны, он уделил внимание не только процессу развития германской, французской и английской государственности, но и постарался не обойти стороной историю других регионов Европы и Азии. В фундаментальном труде историка есть и фрагментарные описания истории американского континента.

Особенностью книги стало то, что Оскар Егер весьма подробно описал историю Руси, России, сделав акцент на ее взаимоотношениях со многими государствами Европы и Азии и, в первую очередь, с Польшей и Турцией.

Придирчивый читатель обратит внимание на то, что в работе есть заметные лакуны историко-географического характера. В частности, нет упоминания территорий современных Прибалтики, Украины, Молдавии и даже целого континента – Австралии. В этом трудно винить историка, поскольку в XIX веке исторические процессы воспринимались не

так, как они воспринимаются в начале XXI века. Были другими доминанты общественного развития, что в свою очередь порождало и специфический взгляд на прошлое цивилизации.

Существует расхожее выражение: «Ломать – не строить». Оно не всегда правомерно. Особенно в тех случаях, когда возникает задача представления читателям какого-либо фундаментального исторического труда, которое в силу огромного его объема необходимо представить в несколько сокращенном виде. Как сберечь квинтэссенцию произведения, не нарушив главной его идеи, сохранив его дух и информационную насыщенность? На этот вопрос нет точного ответа. Мы, как составители настоящего издания, исходили из принципа целесообразности. Понимая, что в произведении Оскара Егера нет второстепенных вопросов, мы, тем не менее, были вынуждены сократить те фрагменты работы, которые представляли собой определенные длины или повторы, а иногда создавали некоторую диспропорцию труда в целом. Не скроем, что часть удаленных фрагментов оказалась за пределами сокращенного издания в результате продолжительных и острых споров среди коллектива составителей. Однако, как нам кажется, мы сумели достичь компромисса в представлении читателям выдающегося труда талантливого немецкого историка. Его фундаментальный труд не имеет аналогов среди попыток историков «вознестись» над бездной прошлого, чтобы посмотреть на историю цивилизации

ВЗГЛЯДОМ НЕПРЕДВЗЯТЫМ, НО ВСЕ ЖЕ ЛЮБОПЫТСТВУЮЩИМ.

Авторы-составители

Том 1. Древний мир

Книга I. Египет и Междуречье

Глава первая Страна и народ в Египте

Египет. Нил

Это известное древнейшее государство возникло в северо-восточной части Африки – материка наименее исторического – и возникло именно там, где Африка ближайшим образом примыкает к Азии. Громадные горы Африки, расположенные вблизи экватора, своими потоками питают несколько обширных озер или внутренних морей: из них истекает Белый Нил (Бар-эль-Абьяд), который под 16° сев. шир. сливается с Голубым Нилом (Бар-эль-Азрек), текущим с востока и берущим начало в тех же широтах и при одинаковых с Белым Нилом природных условиях. Горные хребты пересекают путь реки, образовавшейся из этих двух притоков, Нил преодолевает все преграды, ниспадая с них бесчисленными

водопадами. Последнее препятствие встречается на его пути близ Сиены (24° сев. шир.), и затем Нил спокойно катит свои волны до самого моря на протяжении 900 км, по долине, которая нигде не расширяется более чем на четыре часа пути и представляет собой ложину, пролегающую между аравийской цепью гор на востоке и ливийской – на западе. Под 30° сев. шир. горы с обеих сторон отступают от Нила, и он, тремя большими и бесчисленным множеством малых рукавов, пересекает создавшуюся из его наносов дельту. Все, что здесь произрастает, – дар Нила, дар его вод... «Слава тебе, о, Нил! – гласит один из древнеегипетских гимнов. – Ты этой стране откровение и оживление Египту!»

Страна

Горные цепи справа и слева от Нила служат границами стране, которую эта река, не принимающая в себя никаких значительных притоков, как бы объединяет в одно целое; притом бесплодная пустыня, простирающаяся за этими горами, как прямая противоположность плодоносной речной долине Нила, пробуждает в человеке невольное сознание особенного благословения богов, которое излилось на него именно здесь, в этой долине.

Откуда и когда явились сюда первые поселенцы – вопрос не исследованный; вероятно, они принадлежали к кавказскому племени, и культура шла здесь с севера на юг вверх по

реке, а не обратно. Из первых поселенцев образовались отдельные общины, многочисленные округа, с наследственными князьями и рабами, которые появились вследствие порабощения первоначального туземного населения. Однако поселенцы, откуда бы они ни пришли, должны были подчинить свой быт Нилу и все устроить сообразно с явлениями его ежегодной оплодотворяющей деятельности. В конце июля он выходит из берегов. Быстро, заметно для глаза, вздуваются его стремительные волны, вносят прохладу в воздух и орошают раскаленную южным солнцем почву. Через три месяца вода начинает спадать; в почву, влажную, утучненную наносным нильским илом, бросают семена, из которых в последующие четыре месяца появляется дивная, щедрая жатва. Растительное царство здесь весьма ограничено; пальмы, смоковницы, гранатовые деревья, акации служат украшением садов; болота и озера, остающиеся на пространстве разливов Нила, переполнены водяными растениями – папирусом и лотосом; воды кишат рыбами, а на поверхности реки в изобилии плавают полезные человеку водяные птицы: гуси, утки и т. д. Всякие овощи, кормовой горох, бобы, чечевица, всевозможные хлебные злаки нарождаются в огромном количестве при самой незначительной затрате труда. Население плодородной и своеобразной страны стало быстро размножаться, и уже очень рано в его среде выражением единства и национальности стала царская власть.

Древнейшая история

Необходимость постоянного уравнивания земельных владений, которые беспрерывно видоизменялись вследствие разливов Нила, постепенно должна была придать этой царской власти особенное значение и, вероятно, подчинить ей местную знать, хотя, конечно, ничего достоверного об этих отношениях не известно. Значение царской власти послужило утверждению в стране строгого порядка, который был здесь особенно необходим, поэтому река непрерывно меняла всю земельную собственность жителей, то увеличивая, то сокращая ее размеры.

Первым в числе царей в 1500 г. до н. э. местные историки-жрецы почитали Мину, который, как предполагают, начал царствовать в 3892 г. до н. э.

Его считают основателем Мемфиса, города, который был выстроен на Ниле, у самого выхода его из долины, в том месте, где он разветвляется на два рукава дельты. В течение тысячелетий этот город был естественной столицей страны. Десять династий правили, одна за другой, в течение тысячи лет, и нет в истории другого примера столь продолжительной эры, в течение которой какому бы то ни было народу была дана подобная возможность развивать свой оригинальный быт без всякой помехи извне. В течение того же тысячелетия постепенно начинает выступать из мрака и Южный (или Верх-

ний) Египет. Во главе его город, построенный на сто миль выше Мемфиса на Ниле, так называемые Фивы (Уиса), является вторым известным центром египетской жизни. Возможно, эти два отдельных царства, Мемфис и Фивы, некоторое время существовали рядом самостоятельно. Это можно заключить по тому, что короны Верхнего и Нижнего Египта, белая и красная, постоянно различаются на изображениях памятников. Впоследствии оба царства несомненно соединились, и целый ряд фараонов продолжал мирно править страной, которая могла существовать сама по себе, ни в ком не нуждаясь. Только на юге, в отношении к земле Куш, фараонам приходилось проявлять некоторую воинственную деятельность и бороться за свои границы, между тем как с востока укрепления, протянутые от Красного моря до Нила, от нападения бродячих племен пустыни защищал Египет.

Культура. Царская власть

В это время и здесь успела развиться культура, имевшая огромное значение для человечества и во все века признававшаяся чудом. Природные условия страны требовали определенной работы, которая, переходя от отца к сыну, вскоре должна была создать необычайно устойчивые общественные отношения. Страна очень рано была разделена на правительственные округа или номы и, вероятно, правление в ней или, по крайней мере, управление было хорошо устро-

ено.

Известна надгробная надпись одного из областных правителей, правившего Гермополем при одном из царей славной 12-й династии, Усеркафе (2380–2371 гг. до н. э.). Эта надпись, восхваляя качества честного чиновника, в то же время дает возможность заглянуть в трудовую жизнь народа. «Амени (так звался правитель), – гласит надпись, – любил свою область, передавал подати с нее царю и постоянно поддерживал в ней трудовую деятельность; при нем ни разу не было голода, все поля были обработаны, и никто не встречал в работе никаких препятствий; сильным мира он не давал преимуществ перед слабыми». Кроме того, надпись упоминает о том, что «Амени сопровождал фараона в его победоносном походе в страну Куш». Царская власть, необходимая этой стране, как главная основа общественного порядка, имела громадное значение. Цари носили титул фараонов, т. е. сыновей солнечного бога Ра. Почитаемые народом как боги, цари в то же время были представителями народа перед богами, и даже жрецы были им подчинены, как и весь остальной народ. Неразрушимый и почти страшный памятник эта царственная власть воздвигла себе в тех семидесяти громадных островерхих кирпичных пирамидах, которые непрерывным рядом тянутся на запад от Мемфиса. Сколько бы ни было высказано догадок об истинном значении этих памятников, можно предположить, что это именно гробницы царей, воздвигнутые единодушным желанием всех егип-

тян – создать несокрушимые усыпальницы для боготворимых ими правителей.

Три величайшие из этих пирамид возвышаются над прахом трех царей 4-й династии: Хеопса, Хафры, Менкауры. Пирамида Хеопса высотой 146,7 метра заключала в себе миллионы кубических метров каменной кладки. Греку Геродоту, который видел этот памятник 2,5 тысячи лет спустя после его построения, египетские жрецы рассказывали, что на нем написано, сколько именно строившие его тысячи рабочих съели редьки, луку и чесноку. Это дает достаточно ясное представление о положении низших классов населения, которое едва ли улучшилось и впоследствии. И позднейшие сооружения, воздвигнутые царями 12-й династии, например, Аменемхетом III, представляющие собой целую систему водяных сооружений в Фаюме, предназначенную для управления разливами Нила, известную под названием Меридово озеро, и рядом с ним громадный царский дворец, прозванный греками лабиринтом, развалины которого еще сохранились до нашего времени, – все подобные сооружения предполагают существование в Египте такого общественно-го строя, при котором правитель мог неограниченно распоряжаться рабочей силой массы низших слоев народа.

Памятники. Иероглифы.

С жизнью и бытом египетского народа знакомят изобра-

жения и надписи катакомб (гробниц, сеченных в горах) Бени-Хасана в Верхнем Египте (27° сев. шир.). Жизнь более достаточных классов представлена в полном ее разнообразии. Сев и жатва, земледелие, скотоводство, ремесло в его различных проявлениях, от башмачника до оружейника, от горшечника до стеклянщика, охота и рыбная ловля, война, пляски, игры, – все проходит в пестрой картине.

Самостоятельные аристократические элементы представлены в этих изображениях очень слабо, хотя отдельные номы издревле проявляют в некоторой мере признаки самостоятельной жизни, в богослужбных церемониях, в особых божествах, в своеобразных религиозных обрядах и воззрениях. Воины подчинялись воле царя, жрецы преклонялись перед фараоном, и все чиновники были его слугами. Некоторого рода благосостояние, по-видимому, было широко распространено во всех слоях общества, и даже роскошь развита в значительной степени. Эта роскошь высших классов составляла резкую противоположность быту народной массы. Сверх своих богатств, накопление которых значительно облегчалось местными условиями страны, высшие классы обладали искусством, которое давало им громадные преимущества: им было доступно письмо, вначале, вероятно, весьма затруднительное и чрезвычайно скудное по выразительности. От вещевого письма, изображавшего солнце в виде кружка, а месяц в виде серпа и т. д., впоследствии легко перешли – может быть, в среде замкнутого кружка жрецов, за-

нимавшихся новым искусством, – к символическому письму, которое изображало понятие жажда в виде прыгающего теленка с проведенными под ним тремя волнообразными чертами.

От этих двух способов письма, вероятно, очень рано перешли к третьему, звуковому способу – к обозначению определенных звуков известными знаками или изображениями известных предметов. А это было уже громадным успехом: такие письма давали возможность в точной форме пересылать на дальние расстояния волю повелителя и, закрепляя слова и понятия, передавать потомству воспоминания о минувшем. Это искусство должно было необычайно возвысить могущество и сознание собственного достоинства правящих. Из времен 12-й династии дошла запись, в которой перечисляются различные роды занятий ремеслами: кузнец, каменотес, цирюльник, матрос, каменщик, ткач, башмачник упоминаются с некоторым презрительным юмором. В противоположность им восхваляется свободное призвание писца или ученого, которое представляется более важным, чем все ремесла. Это искусство возвысило даже национальное сознание всего народа, доставив ему возможность иметь свою историю. Громадная масса сохранившихся памятников, покрытых этими столь мудренными иероглифическими письмами, доказывает, какое высокое значение египтяне придавали истории. С другой стороны, ясно, что эти письма, хотя и были могущественным орудием для передачи мысли, в

значительной степени связывали пищущего. Глядя на них, убеждаешься, что на воспроизведение затрачивалось столько труда и умственного напряжения, что внутреннее содержание изображенного письмена было стеснено до крайности. Подобные письма неизбежно должны были навязывать мышлению этих людей известного рода формализм, медлительность и условность и таким образом окончательно придали египетской жизни характер строгой правильности и стеснительной ограниченности, которые и без того уже лежали в основе условий местной жизни.

Жизнь народа. Религиозные воззрения

Как бы то ни было, невозможно представить, чтобы народная жизнь под безоблачным небом Египта и на берегах Нила носила на себе особенно мрачный или даже серьезный отпечаток. Даже религия, в которой точнее всего отражаются жизненные воззрения народа, при всей своей торжественности носила оптимистический характер: слишком уж явной была благодать божества, постоянно изливаемая на эту страну, и опасение перед Высшим, Непостижимым Существом играло незначительную роль в религиозности египтян. Главным, высшим божеством в Египте почитался дух света, бог солнца, известный под различными именами. В Фивах его называли Амон, в Гелиополе – Ра, в Мемфисе – Птах. Предполагают, что последнее название составной частью входит

в общее название страны Хет-ка-Птах – страна поклонения богу Птаху – Египет.

Грекам, в гораздо более поздние времена вошедшим в контакт с Египтом, казалось особенно странным поклонение египтян священным животным: кошкам, крокодилам, священным птицам. Есть основание думать, что в более раннюю эпоху эти звери почитались не иначе как в связи с божествами, которым они были посвящены, и что их культ еще держался в доступных пониманию границах. Несомненно, весьма древним было также почитание мертвых, около которого группировался весь необширный запас мифологических элементов древнеегипетской религии. Бедных после смерти ожидала общая могила. Гробница богатого состояла из двух комнат – одной, по стенам покрытой изображениями его деяний, и другой, заключавшей в себе саркофаг, в котором покоилось искусно набальзамированное тело.

Похоронное шествие, похоронные песнопения, свита, сопровождавшая покойного – были те же, что и везде; но гроб покоился на челне: корабль, игравший такую важную роль в быту египтян, служил, по их понятиям, и для переселения в царство мертвых.

Уже на саркофагах этой отдаленной эпохи можно найти высеченные изображения суда над мертвыми, на которых душа покойного представляется на суде держащей папирусный свиток, с полным списком всех его грехов. Такой список помещался в гроб каждого покойника. При этом нельзя не за-

метить, что хотя вера в бессмертие души существовала у египтян с древнейших времен, их представления о загробной жизни были весьма ограничены.

Господство гиксосов

Эти поколения жили мирно в течение многих веков, как вдруг около 2100 г. до н. э. важное происшествие нарушило плавное течение их жизни. Союзу кочевников, живших в восточной пустыне, удалось ворваться в Египет, и «князья пастухов», иначе – гиксосы, в течение 500 лет господствовали в Египте. Нашествие гиксосов, как и все нашествия варваров на цивилизованную страну, сопровождалось всякого рода ужасами – убийствами, пожарами и грабежами.

Но поработенный гиксосами Египет вскоре поработил завоевателей, навязав им свою культуру, которую, впрочем, они могли воспринять лишь до некоторой степени.

Хотя гиксосы неоднократно получали подкрепления в виде новых наплывов степных кочевников, их число все же было незначительно, и пробужденное бедствиями чувство национального самосознания побудило египтян дать им наконец суровый отпор.

Освобождение от ига этих чужеземных завоевателей началось с Верхнего Египта, в котором власть гиксосов не была прочной: после некоторой борьбы Амасису I (1684–1659 гг. до н. э.) удалось отбить у гиксосов Мемфис – резиденцию

их правителей. Эта война за освобождение вызвала, конечно, многие геройские подвиги: сохранилась надгробная надпись о том, что один из мужественных сподвижников Амасиса I, еще будучи молодым человеком, уже дважды успел заслужить военную награду – «ожерелье за храбрость». Еще раз, объединенными силами, гиксосы пытались удержать за собой власть над Дельтой. Но здесь они потерпели последнее поражение, и после 150-летней борьбы Египту была возвращена его самостоятельность. Храмы в Мемфисе и Фивах были восстановлены, и Амасис I провозгласил себя царем Верхнего и Нижнего Египта (1684 г. до н. э.). С него и началась 18-я династия, о которой дает сведения главный греческий источник, произведение жреца Манефона, и эти сведения подтверждаются египетскими источниками, местными памятниками.

Освобождение от ига. Фиванское царство

Освобождение страны исходило из Фив, и этот город остался средоточием царства в ближайшую, достославную эпоху. Храмы и блестящие дворцы возникли по обоим берегам Нила. Греки обозначают эту эпоху нового подъема духа – обычно следующую за счастливой освободительной войной – одним общим именем Сесостриса, и много сказаний сообщают о походах этого государя, простиравшихся далеко в Азию и в Европу. В сущности, все эти рассказы не более чем

отражение деяний целого ряда государей, принадлежавших к 18, 19 и 20-й династиям, – Аменхотепа, Тутмоса, Рамсе-са, Сети, Мернептаха. Среди них славнейшим из всех был, по-видимому, Тутмос III (18-й династии); его история сохранилась довольно полно. Но Египет никогда не составлял обширного, мирового государства, как это одно время думали, полагаясь на греческие известия. По тем летописным источникам, которые представляют надписи на развалинах дворцов и храмов, официальным слогом прославляющие деяния фиванских фараонов, можно прийти к убеждению, что эти цари придерживались весьма умеренной и разумной «внешней политики», вполне соответствующей с географическим положением Египта. Эта политика стремилась только к большему обеспечению границы на юге, и действительно, эта граница была несколько продвинута внутрь страны кушитов, а отво-еванная у них страна подчинена правильному и спокойному управлению. На севере эта политика, как ясно с первого взгляда на карту и как доказывает вся последующая история Египта, должна была стремиться к обладанию Сирией, составляющей в различных отношениях необходимое дополнение к Нильской низменности. В этих видах египетские цари и воюют преимущественно с сирийскими народами, обитающими в южном Ханаане.

Крайней границей их завоевательных стремлений является Месопотамия и побережья Евфрата. То, что политика египетских царей задавалась лишь весьма недалекими и

определенными целями, доказывает договор, заключенный Рамсесом II с одним из хеттских князей, – древнейший из известных подробных и обстоятельных дипломатических актов. Он немногим отличается от подобных актов новейшего времени. Вечный мир и дружелюбие на вечные времена устанавливаются этим актом по всем правилам международной вежливости между Рамсесом II, великим египетским царем, и Хаттусилисом III, великим князем хеттов. В нем обусловлено, что если какой-нибудь враг вздумает напасть на подчиненные египетскому царю земли и царь пошлет к хеттскому князю, говоря: «приди, приведи с собою воинские силы против моего врага», то князь должен так поступить: «если сам не может прийти, то по крайней мере должен прислать своих стрелков с луками и свои военные колесницы».

Соответствующие этому условия принимает на себя и египетский царь, вступая с князем в оборонительный союз. В тот же договор включено и несколько дополнительных статей, касающихся обоюдной выдачи беглых преступников, бежавших или насильно увезенных работников и тому подобных людей. В то же достославное и весьма продолжительное царствование царя Рамсеса II, правившего Египтом в течение 67 лет, в Египте появился военный флот, существование которого было возможно только при вполне обеспеченном положении египтян в Сирии. В связи с этим нововведением был прорыт канал из Нила на восток, законченный гораздо позднее, в последующие царствования.

Времена 20-й династии

С 1244 по 1091 гг. до н. э. один за другим следуют 12 царей с именем Рамсес, по-видимому, царствовавших вполне мирно. Обычной резиденцией этих государей 20-й династии и, следовательно, столицей всей страны был г. Фивы, отстоящий от дельты Нила на 630 км.

Слава этого отдаленного, стовратного города разносилась далеко. Древнейшие из греческих писателей сохранили много рассказов о Фивах, а развалины громадных зданий, возведенных вблизи арабских деревень Луксор и Карнак Тутмосами I и II, Сети I, Рамсесом II, и донныне производят на путешественника чарующее впечатление.

Фантазия, увлекаемая в далекое прошлое, лишь с величайшим трудом восстанавливает то время и ту действительность, когда среди этих громадных колоннад, среди этих необъятных зал, дворов, покоев и сеней двигались шумные толпы живых людей. Стены этих громадных развалин покрыты изображениями и надписями, большей частью прекрасно сохранившимися и свежими по краскам. Эти изображения и надписи, в связи с богатой добычей бытовых предметов и папирусных свитков из ближайших к Фивам катакомб, доставляют пытливому исследователю богатейший материал для изучения повседневной жизни высших классов египетского общества.

Условия народной жизни

Жизнь этого третьего периода египетской истории по сути мало чем отличалась от жизни древнейшего периода, когда столицей Египта был Мемфис, впоследствии утративший свое былое значение. Царская власть осталась та же; обоготворение священной особы фараонов, пожалуй, усилилось. Государь, унаследовавший престол, воздвигает храм в честь своего обоготворенного предшественника: фараон служит как бы живым звеном, связующим народ с богами. Царь назначает и смещает чиновников и правителей; он управляет неограниченно; повелевает и жрецами, которые без него не имеют никакого значения, получают от него и содержание, и деньги на издержки, сопряженные с их культом.

Нет около царя воинственной знати, но есть особые отряды телохранителей и постоянное войско в его распоряжении, которое прекрасно содержится и расположено гарнизонами, подразделенными на сотни и тысячи. Среди этого войска: воины, сражающиеся на колесницах, пехотинцы и стрелки, вооруженные луками, занятые стрельбой в цель, как видно на стенных изображениях. Консервативное течение в этом периоде, как и в древнейшем, проходит через всю египетскую жизнь, заметно только ревностное стремление к искоренению любых воспоминаний о временах иноплеменного владычества. Сын наследует отцу в его занятии, достигая таким

образом значительного совершенства в производстве. Но из этого вовсе не следует, что разделение на касты имело какое-нибудь значение в египетской жизни. Переход от одного состояния к другому не был затруднителен.

В сущности, это была прекрасно управляемая страна, с иерархией строго надзираемых чиновников. Она была разделена на 44 сравнительно небольших административных округа, – нечто вроде департаментов во главе с префектами, которым сверх того были приданы царские судьи и писцы, а в случае нужды в их распоряжении было и царское войско. Они наблюдали за порядком в работах, общественной безопасностью, взиманием податей. Кроме того, существовал еще и высший царский суд, члены которого имели в распоряжении писанный закон – кодекс, состоящий из 8 книг. В этом периоде письменность, значительно упрощенная, уже получала большое распространение. Из древних, весьма мудреных иероглифических письмен образовалось нечто вроде скорописи, служившей для передачи живого народного языка. Стебли папируса доставляли удобный для письма материал, на котором, в частной жизни, писались демотическими письменами письма и все, не относившееся к официальной письменности.

Религия и литература

Все в этот период египетской истории начало развиваться

– искусства, вызванные роскошью, наблюдательные и опытные науки. Для развития искусства, в высшем значении этого слова, местные условия не были благоприятны. Искусство было подчинено религии, поэтому держалось определенных, выработанных форм и, не развиваясь, оставалось неподвижным. Жизнь же высших классов допускала известного рода тонкость и изящество вкуса: видно изображение домов с галереями, дач с аллеями, беседками, бассейнами, цветниками, повозками, носилками и гондолами; на тех же изображениях видна игра в мяч, в шашки, танцы, музыкальные инструменты; многочисленные храмы – в тесной связи со школами; есть основание думать, что не было недостатка и в литературе, по-своему богатой.

В руках жрецов находились 42 священные книги, среди которых были и медицинские. Искусство врачевания в Египте было особенно развито, преимущественно славились врачи-окулисты, столь необходимые в стране, где воспаление глаз – явление обыкновенное. Среди целительных средств не последнее место занимали заклинания злых духов.

Религиозные воззрения в этот период развиты сильнее, чем в предшествующие; даже Египет не был избавлен от религиозных войн. Один из царей 18-й династии, Аменхотеп IV (Эхнатон) увлекся пристрастием к новому культу – одному из многих местных культов, существовавших рядом с преобладающим поклонением богу солнца. Общая сокровищница поэтических сказаний человечества пополнилась

из египетских религиозных верований мифом об Осирисе и Исиде, который служит выражением своеобразных условий местной жизни. Миф заключается в том, что женское и мужское благодетельные божества подвергаются преследованиям божества губительного, Сета, олицетворяющего жгучий ветер пустыни. Осирис от него погибает, а Исида, глубоко опечаленная, ищет его труп... Но Осирис оставляет по себе сына и мстителя, Гора, а сам воскресает для новой жизни. Подобный миф, изображающий в лицах очевидное для всех и в то же время таинственное чередование обычных явлений природы – в более или менее измененной форме встречается у всех народов. Была у египтян и светская литература: и у них были свои поэты! Один из них, Пентаур, в замечательно восторженном произведении восхвалял своего государя, Рамсеса II, за личную храбрость, выказанную им в критическую минуту его упорной борьбы с хеттами. Наглядно и горячо поэт передает весь ужас этой минуты: фараон попал в засаду, «и ни один из подвластных ему князей, ни один из его тысяченачальников или военачальников и витязей – не был при нем»; но он призывает своего отца, бога Амона, который значит более, нежели 100 тысяч воинов – и побеждает! Тогда враги падают перед ним ниц и восклицают: «Баал вселился во все части его тела – он не простой смертный!» – и они молят его оставить им хотя бы дыхание жизни.

Это упоминание чуждого божества особенно удивляет именно в произведении египетского поэта, потому что егип-

тяне и в древний мемфисский, и в позднейший фиванский период держались очень далеко от всего иноземного. Вообще египтяне представляются народом весьма самодовольным и склонным даже гордиться своей религиозностью и чистотой, древностью своих учреждений и превосходством своей культуры. Считая себя избранным народом, они, по возможности, старались не есть за одним столом с иноземцами, и хотя они занимались торговлей, хотя постепенно стали допускать иноземцев в некоторые из своих гаваней, – сами они очень редко или даже совсем не выезжали из своей страны. Однако же пришли, наконец, такие времена, когда и египтяне, волей или неволей, должны были выйти из своей замкнутости.

Глава вторая

Семиты. – Аравия, Месопотамия, Сирия. – Финикийцы; история израильского народа до смерти Соломона

Семиты. Южные семиты

Если от низовьев Нила обратиться на восток и северо-восток, то вступишь в область, населенную семитским племе-

нем. Первоначальным отечеством семитов следует считать большой Аравийский полуостров, с двух сторон омываемый Персидским и Аравийским заливами. Громадное пространство внутри полуострова – пустынные, песчаные равнины, скалистые горные хребты и обнаженные возвышенности – мало пригодно для обработки; только горные террасы, спускающиеся к берегам Индийского океана, да узенькая полоска земли, непосредственно прилегающая к Аравийскому заливу, позднее известная под названием «Счастливой Аравии», обладают плодородной почвой. Это – страна ладана и сахарного тростника, кофейного кустарника, финиковой пальмы и фигового дерева. «Кто приставал к этим берегам, тому казалось, что он вкушает амброзию» – так выражается об этих берегах один из позднейших греков. Только здесь, на юге, семиты пришли к более прочным государственным формам. Остальные, кочевые племена пустыни, жизнь которых и теперь течет так же, как 500 лет тому назад, оставались вне области истории, пока и для этого народа, гораздо, впрочем, позднее, не настал его час... Большая часть семитского племени в ту отдаленную эпоху жила еще в условиях простейшего родового быта.

Богатства их составляли стада верблюдов, а позднее – табуны коней. Богами и высшими духами, которым они поклонялись, были ярко блестящие звезды – их исконные путеводители в пустыне; общими для всех семитов божествами были высший бог Баал и богиня Асират. Вся их жизнь про-

ходила в племенных усобицах, постоянно возрождавшихся вследствие обязательств, налагаемых обычаем кровной мести. Эти арабы, грубые и чувственные, как и все семиты, обладали и некоторыми благородными сторонами человеческой природы – рыцарским гостеприимством, стремлением к независимости и любовью к свободе. Их положение между двумя большими низменностями, Нилом и Евфратом – Тигром, представляло для них большие удобства: торговые пути, соединявшие Южную Аравию, Египет, Сирию и Месопотамию, шли через их землю, и они извлекали из этого положения свои выгоды, – то взимая плату за проводы караванов, то нападая на них для грабежа.

Восточные семиты. Страна Тигра и Евфрата

Более завидный жребий выпал на долю восточных семитов, обитавших в долине Тигра и Евфрата, между Сирийским плоскогорьем и Иранскими горами. Обе реки берут начало в горах Армении и, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга, стремятся в Персидский залив, охватывая своими извилами значительную область – так называемую Месопотамию. Эта страна находится в такой же полной зависимости от Тигра и Евфрата, как Египет от Нила. Верст за 700 выше их устья начинается низменность, которая при местном бездожде была бы, конечно, бесплодна, если бы обе реки (Тигр – в начале июня, Евфрат – месяцем позже) не выступали из

берегов и не захватывали низменность своими разливами. Эти разливы распределяются не так равномерно, как разливы Нила: необходимы искусственные сооружения, чтобы совладать с избытком воды в этих реках, и область, оплодотворяемая ими, значительно больше области разливов Нила.

Царство Элам. Вавилонское государство

Известия греков об этих странах, очень сбивчивые и малоправдоподобные, имеют второстепенное значение, т. к. из развалин местных древних городов теперь уже извлечены целые библиотеки кирпичей, покрытых письменами, которые начинают довольно свободно разбирать. Первые начала культуры в этом междуречье можно проследить за 3 тысячи лет до н. э. За 2,5 тысячи лет до н. э. на восток от Тигра, в стране Элам, наблюдается правильное государственное устройство и цари. Некоторые из них, как и упоминаемый в первой книге Моисея Кедорлаомер, распространяли свое владычество даже до Сирии. На запад от Эламского царства образовалось Вавилонское государство, города которого – Бабилим (Вавилон), Ур, Урук (Эрех), Сиппар и мн. др., раскинуты на обширной равнине.

Надписи, во множестве находимые среди развалин, представляют важное явление в истории этого народа: они указывают на то, что жрецы и сановники Вавилонии обладали письменами, которые остроумно придуманным видоизмене-

нием одной основной формы клина или наконечника стрелы давали возможность передавать и звуки, и отдельные слоги. Эти клинообразные надписи сообщают имена царей и богов, повествуют о постройке храмов и укреплений, о войнах с родственным по составу населения царством Ассирия, возникшим на севере от Вавилонского царства, на Тигре. Семитский народ калду, или халдеи, пришедшие в эту местность с запада, развили основы местной, предшествовавшей им культуры до такой высоты, что их культура почти могла соперничать с египетской культурой.

В астрономии они пошли далее египтян; их система мер и весов вошла во всеобщее употребление у соседних народов, а целой сетью искусно устроенных водяных сооружений они закрепили за собой обладание страной, которую они, в полном смысле слова, подобно египтянам, извлекли из воды. В их религии сохранились следы этой борьбы с водой за землю; среди божеств – рыбообразный Дагон, и древнейшее сказание о потопе, связанное с именем царя Зиусудры, спасшегося в ковчеге, – почерпнуто, по-видимому, из тех же воспоминаний об отдаленном прошлом. Важнейшие божества тесно связаны с созвездиями, блиставшими на горизонте; сюда следует отнести и высшего бога халдеев Энлиля (поклонение ему в различных видах распространилось по всему семитскому миру), и высшее женское божество Инанну, богиню вечерней звезды, поклонение которой сопровождалось непристойными обрядами. К этим божествам примыка-

ли и другие планетные божества: Адад (Сатурн), Набу (Меркурий), Нергал (Марс) и богиня разрушения Иштар. Храмы, воздвигнутые в честь этих божеств, имели вид башен, сложенных из кирпича. Собираясь в них на молитву, они были ближе к звездам, которым подчиняли все течение своей жизни. Геродот описывает знаменитейшую из этих башен, служившую храмом Баала (на юго-восток от Вавилона): то было здание в 8 этажей, воздвигнутое в середине огражденного пространства в 4 кв. стадии.

Восстановление этого громадного здания, затеянное Александром Великим, не удалось: от замысла пришлось отказаться после того, как два месяца сряду 10 тысяч рабочих расчищали мусор на месте развалин храма.

Западные семиты. Ханаанеяне

Если действительно целью строителей этого храма было желание прославиться среди народов, как о том рассказывается в еврейской истории, то эта цель была достигнута: халдейский народ прошел свой исторический путь не бесследно и не бесславно. Гораздо большее значение в истории приобрели западные семиты, поселившиеся в более разнообразной по местности и примыкающей к Средиземному морю стране. Ее знают под общим названием Сирии. Узкая долина, протегающая от верховьев р. Оронт до берегов Красного моря, разделяет сирийскую горную страну на две части, из кото-

рых западная издревле слывет под названием Ханаан. Почва этой страны не везде одинакова: весьма плодородные полосы чередуются здесь с такими, которым справедливо придается характерное название «Мертвого моря». Поскольку страна отовсюду открыта и доступна каждому, то она, конечно, уже очень рано стала целью для всяких переселенцев, притекавших сюда с востока и запада, а позднее – полем великих битв, на котором сталкивались сыны Юга и Востока.

Здесь египетские цари сражались с сирийскими племенами, о которых подробно сообщают египетские надписи. Ханааняне были многочисленны, вели оседлую жизнь и пользовались благами городской культуры. Наследственные князья управляли небольшими областями: преобладающим по могуществу племенем были хетты, далеко распространившие свои завоевания и набеги на северные и западные окружающие страны. Но в середине XIII в. до н. э. на первый план выдвигается другое племя, амореи. Это замещение одного племени другим оттеснило часть побежденных к северу, в страну, простиравшуюся между Ливаном и морем, известную грекам под названием Финикии (страны финиковой пальмы и пурпура), где в это время уже процветал ряд богатых городов; в другом месте того же побережья, южнее, поселилось в то же время племя филистимлян, пришедших с запада, чуть ли не с о. Крит.

Финикийцы

Из этих племен и народов финикийцы приобрели наибольшее значение. Им принадлежит честь пересадки приобретений культуры восточного мира на Запад. В их плодородной стране, с одной стороны примыкавшей к морю, а с другой постепенно повышавшейся к лесистым вершинам Ливана, на протяжении 36–45 км береговой полосы, не богатой хорошими гаванями, появился ряд цветущих городов, от Цуру (или Тира) на юге, до Арвада (Аридос по-гречески) на севере.

В этом ряду городов Сидон, город рыбаков, был древнейшим. В 36 км от финикийского берега лежит остров Кипр – первая из множества прекрасных гаваней на удобном морском пути, который пролегает по Средиземному морю и как бы заманивает корабль от острова к острову, от берега к берегу, от отдаленнейшего Востока до «Геркулесовых столпов» – естественного выхода из Средиземного моря в необъятный океан, через которые неоднократно проплывали финикийские корабли.

Следы обширной торговой и колониальной деятельности этого народа находятся всюду на западе: у населения, которое финикийцы встречали на островах и берегах Средиземного моря, они за бесценок добывали сырые продукты почвы, привозили домой для обработки и потом, уже в обра-

ботанном виде, развозили далее на юг и восток. Таким образом, на узкой полосе Финикии вскоре скопились громадные богатства. По своему существу народ оставался тем же, чем был прежде. Воззрения на жизнь, особенности характера, религиозные убеждения у финикийцев были те же, что и у остальных семитов (особенно ханаанеян), и если они чем-либо и превосходили их, то уж никак не высшими доблестями, а только материальным благосостоянием, коммерческой изворотливостью и ловкостью, городским изяществом и умелостью. Важнейшая основа богопочитания у этих ханаанейских племен та же, что у вавилонян. Они поклонялись высшему мужскому богу Баалу и женскому божеству Асират. Рыбы, голуби – существа, отличающиеся большим плодородием – были посвящены этим богам, жертвы которым приносились на горах, в рощах и лесах. И Баал, и Асират – божества творческой силы и плодородия; им противопоставляются разрушающие божества – Молох и Астарта: первый был солнечным богом и обычно изображался в виде быка или с бычьей головой; Астарта – богиня любви и войны, изображалась с рожками.

Хотя в общих основах религия финикийцев сходилась с религиями восточных семитов в Вавилонской равнине, культ западных семитов отличался необычайной нравственной распущенностью и жестокостью, и постепенно стал выражаться в самых отвратительных формах, возбuditельно действовавших на воображение и чувственность. Исключе-

ние в этом смысле, по своей большей скромности, составлял культ тирского бога Мелькарта, путеводителя мореплавателей на море, их постоянного спутника на чужбине.

Израильский народ. Авраам

В среду этих народов вступило чуждое и своеобразное племя, первоначально обитавшее в низовьях Евфрата – область Ур в Вавилонии, и затем переселившееся в область Харан (к востоку от среднего течения Евфрата), когда часть этого племени, под предводительством главы племени Авраама, двинувшись на запад, вступила в долину Иордана. Ханаанеяне дали им название пришельцев – иври (израильтян), или евреев. Они принесли с собой нечто совершенно новое: издревле существовавшее у них почитание Единого, Всмогущего Бога. Сами себя они называли по имени одного из своих патриархов, сынами Израилевыми; в древнейших преданиях, упоминая об арабах, эдомитянах, моавитянах, аммонитянах, а также вавилонянах, ассирийцах, они называют их родственными себе племенами. Еврейское племя в то время было еще весьма немногочисленно. В 1591 г. до н. э., побуждаемое голодом, оно переселилось в Египет, и здесь, несмотря на ненависть египтян к пастушеским племенам, получило разрешение поселиться в стране Гесем.

По библейскому рассказу, это произошло вследствие того, что один из них, за свой разум и заслуги, попал в ми-

лость к фараону; но, может быть, это произошло и потому, что еврейское племя не походило на родственные ему пастушеские племена, на старых врагов Египта. В Египте им было хорошо; их положение изменилось вследствие причин, которые в данное время невозможно выяснить. Царь Рамсес II, построив города Питом и Пер-Рамсес, обратил их в рабство и обязал определенной тяжелой работой; по-видимому, быстрое увеличение этого племени внушало ему некоторое опасение. Тогда у евреев появилось желание избавиться от гнета египтян; нашелся и решительный, мощный духом вождь – Моисей.

Моисей

Моисей, человек, посвященный во все тонкости высоко-развитой египетской культурной жизни, оставался все же сыном своего народа, и был первым, провидевшим его будущее великое назначение. Он завязал отношения с мидианитянами, что было важным ручательством за успех его смелого предприятия. Воспользовавшись междуцарствием в Египте, евреи двинулись из его пределов, из области Гесем (Мицраим), в которой они жили. Это случилось, как полагают, в 1320 г. до н. э., после 230-летнего пребывания в Египте. Они намеревались вновь овладеть той страной, которой, по еще живым между ними преданиям, некогда владел их праотец Авраам. От преследования египтян евреи ушли благополуч-

но; но цели своего странствования они достигли не скоро. Долго пришлось им, кочуя, бродить по Синайскому полуострову. Они одолели там господствовавшее племя амаликитян, и у подножия громадной горы Синая – среди грома и молнии – их вождь возвестил им закон, по которому они должны были устроить свою дальнейшую жизнь, и который, конечно, дошел со многими позднейшими дополнениями. Нет сомнения в том, что они развили свои религиозные воззрения, в сильнейшей степени противопоставив их всему, что они видели вокруг себя в Египте. Ревностно заботились они об охране своей старины; их Бог, Бог их отцов, выведший их из страны Гесем, во время их долгих и трудных странствований по пустыне, приобрел еще большее значение для народа, который постепенно разделился на колена, назвавшиеся именами 12 сыновей одного из их праотцев, Иакова. Не сразу, однако, удалось достигнуть цели их странствований: им пришлось при движении туда обойти область враждебно настроенных против них эдомитян, одолеть амореев – и только тогда уже осесть по равнине, на востоке от Иордана.

Завоевание Ханаана

Моисей видел «обетованную землю» только издали, с вершины горы Нево (Фасги). Он умер, не вступив на нее, – по преданию, в наказание за то, что он однажды усомнился, однажды дерзнул возроптать против Иеговы: кому свыше да-

но столь великое назначение, тот не должен впадать в сомнения, хотя бы и однажды. Осев на месте, они выказали себя мужественными воинами; некоторая часть колен Рувима, Гада и половина колена Манассии поселилась в стране, на востоке от Иордана; другие перешли за Иордан, взяли город Иерихон, одержали значительную победу над амореями при Гиввевфоне. Часть ханаанского населения подчинилась евреям и вступила с ними в договор; другая, покорившаяся безусловно, была безжалостно истреблена.

Таким образом, постепенно была завоевана и занята евреями область в 400 кв. миль; их национальная святыня, ковчег Иеговы и скиния Завета – остановились на половине пути между морем и средним течением Иордана, в долине города Силома. Колено Ефремове достигло морского побережья, но берега в этом месте не представляли удобных гаваней, и потому мореплавание не получило никакого значения в жизни этого народа, который навсегда остался исключительно сухопутным народом.

Положение страны после смерти Иисуса Навина. Времена судей

В западной части страны, занятой евреями, преобладало земледелие и виноделие; в восточной – скотоводство. Центр их жизни находился главным образом в западной части страны, где на евреев должна была в значительной степени вли-

ять сильно развитая культура финикийцев. Но в народе не было тесной связи – чувствовался недостаток в руководителе. Окруженный враждебными племенами, во многих местах подвергнувшийся слиянию с чуждыми элементами, народ стал клониться к анархии. Лишь изредка тяжкие общественные бедствия или нападение внешнего врага побуждали к тому, что выискивался в его среде сильный, энергичный вождь, – «судья» вроде Гедеона или прославленного преданиями Самсона; около него собиралась большая или меньшая часть народа. Врага изгоняли, иногда наносили ему даже поражение – но тем дело и оканчивалось; вождь терял затем всякое значение, и жизнь опять вступала в свои права... Хуже всего было то, что понемногу стало слабеть среди евреев сильнейшее связующее начало – религия. В разных местах их земли воздвиглись алтари языческих богов, общих всем ханаанейским племенам; рядом с поклонением Иегове, Богу отцов, появилось поклонение и Баалу, и Астарте. Около Сихема образовался союз городов, воздвигнувший Баалу всенародное святилище. Среди общего разлада и усобиц являлись, правда, один за другим, то судьи, то пророки, которым удавалось победить внешних врагов и образумить толпу; но положение народа все же становилось хуже и хуже, внешние враги, пользуясь раздорами отдельных колен, все более одолевали евреев, и около 1070 г. до н. э. случилось, что даже священный кивот Завета попал в руки филистимлян, которые нанесли евреям страшное поражение и так обезоружили

их, что нечем было оковать даже соху для пашни.

Царь Саул. 1055 г.

При этих тягостных условиях народной жизни в массе постепенно выработалось сознание необходимости сильной, единой царской власти. Вскоре нашелся человек, достойный избрания в цари: Саул, сын Киса, из колена Вениаминова. Этот храбрый, мужественный, представительный человек принял на себя тяжелую и ответственную обязанность; сначала, поощряемый к тому пророком Самуилом, он нес ее твердо и смело; собрав около себя значительную часть народа, одержал победу над филистимлянами, отбил у них кивот Завета. Затем, вспоможествуемый своими храбрыми сыновьями, он разбил и амаликитян, но вскоре не поладил с Самуилом, который не хотел допустить, чтобы царская власть могла быть наследственной. Это несогласие поощрило честолюбивые планы высокоталантливого юноши из колена Иудина: то был Давид, сын Иессея, сначала пользовавшийся милостями Саула и даже женившийся на его дочери. Тайно поощряемый к тому Самуилом, Давид составил себе партию; затем некоторые города Иудина колена приняли его сторону, и около него собралось небольшое войско. Однако борьба с Саулом была ему еще не по силам – он вынужден был бежать к филистимлянам. При их помощи он победил Саула, который пал в битве с тремя своими сыновьями.

Долго еще пришлось после этого Давиду бороться с сыновьями и приверженцами Саула, хитрить перед филистимлянами и восстанавливать свое истощенное царство. Но наконец все эти препятствия были устранены, даже старшие колена еврейского народа подчинились власти Давида, и весь народ, собравшись в Хевроне, избрал его в цари (1025 г. до н. э.).

Царь Давид. 1025 г. Завоевания

Так он достиг высшей цели своих стремлений и выказал себя вполне достойным своего высокого назначения. И его современники, и потомство, дивясь его величию и необычайным способностям, какие он проявил, великодушно простили ему все то дурное, что было им сделано в жизни, за то, что он, истый представитель своего народа, сумел в короткое время поднять его на верх славы и могущества. Царь Давид избрал для своего нового царства новую резиденцию – крепкий город Иерусалим, в колене Вениаминовом, близ границы колена Иудина. Отсюда ему пришлось вести упорную борьбу с филистимлянами, которые никак не могли примириться с мыслью, что они сами создали себе такого мощного противника; но Давид разбил их и «сломил рог их могущества». Точно так же он разбил и совершенно уничтожил племя амаликитян; затем победил моавитян и аммонитян, и других ближайших соседей.

С побежденными он поступал с чисто семитской жестокостью: их давили железными колесницами, жгли в громадных железных кирпичных печах, рубили топорами и раздирали зубьями пил. Недаром, воспевая его подвиги, народ восклицал в восторге: «Саул побил тысячи, а Давид – тьмы».

Внутреннее устройство царства

Вскоре владения царя Давида распространились от берегов Красного моря до важного города Дамаска, стоявшего на пересечении торговых путей с востока на запад и с юга на север. Всю свою военную добычу царь обращал на постройку и украшение своего столичного города, а посередине его, на горе Сион, воздвиг сильные укрепления. Его царский дворец был построен рабочими, присланными к нему от тирского царя Хирама, с которым он состоял в дружественных отношениях. С замечательной энергией, постоянно прибегая то к хитрости, то к силе, по обычаю всех восточных владык, Давид принялся создавать прочное государство среди своего разрозненного народа, издавна склонного к демократизму. Давид настойчиво и осторожно стремился к своей цели, сумел собрать значительную государственную казну, создал себе надежную воинскую силу, в состав которой вступили те смельчаки, которые некогда вели с ним скитальческую жизнь, полную тревог и опасностей. Они получили название «мужей сильных» (гибборим) – их было около 600 человек,

кроме слуг и оруженосцев. Личную стражу царя составляли иноземные телохранители, нанятые на о. Крите или в земле филистимлян. К этой сплоченной воинской силе, в случае нужды, примыкало, по древнему обычаю, всенародное ополчение, которого набиралось около 300 тысяч человек, способных носить оружие.

Иерусалим – столица

Под влиянием различных мероприятий Давида в народной жизни израильского народа многое изменилось. Высшим почетом пользовались те, кто служил при царском дворе; чиновники, назначаемые на места самим царем, постепенно стали заменять выборные власти в среде народа. Не упустил царь из вида и наиболее могущественное средство к единению своего народа: древнее святилище – скиния с кивотом Завета – было перенесено в новую столицу и в полной безопасности поставлено на Сионе. При святилище были приставлены священнослужители для постоянной службы, и всему их сословию была придана прочная организация. Среди этого сословия, признательно относившегося к памяти царя-организатора, о Давиде сохранилось воспоминание как о религиозном герое и творце величавой религиозной лирики – как о «псалмопевце».

Восстания

Но Израильское царство не избегло и обычных явлений народной жизни всех восточных государств. Гарем и многоженство, обычные при дворе израильского царя, как и при всех восточных дворах, внесли в него характерные черты восточного быта. Один из сыновей Давида, Авессалом, кровью отомстив за честь своей сестры старшему сыну Давида (от другой матери), сам стал законным наследником престола. Но отец, на его взгляд, слишком уж долго зажился, и Авессалом, воспользовавшись недовольством, которое возбуждало его правление, затеял против него восстание. Старейший царь Давид был застигнут этим восстанием врасплох и должен был бежать за Иордан. Медлительность возмущившегося сына доставила ему возможность собраться с силами и одолеть врага. Полководец царя Давида, Иоав, разбил Авессалома наголову и, преследуя его по пятам, убил во время бегства. Тот же полководец помог Давиду усмирить и еще одно восстание и принес к его ногам голову главного зачинщика смуты. Несмотря на все эти удачи, последние годы жизни Давида протекли беспокойно. Он был еще жив, а кругом придворные партии уже тягались за наследование его престола: Соломон, сын наложницы Давида Батшебы (Вирсавии), и другой его сын Адония были готовы вступить в спор из-за наследства. Около этих двоих претендентов сгруппи-

ровались все важнейшие сановники, полководцы, первосвященники, и, между тем как Давид лежал на смертном одре, обе стороны готовились к решению спора мечом. Партия Соломона оказалась более подготовленной к этому, и Соломон, достойный престола своего отца, вступил на престол. Адония и глава его партии Иоав, полководец Давида, были умерщвлены у подножия алтаря Иеговы, где они искали себе спасения (993 г. до н. э.).

Царь Соломон. 993 г. до н. э. Мирная политика

Бурная жизнь и долгое правление такого величавого правителя, как Давид, глубоко запечатлелись в памяти народа на вечные времена. Соломону удалось удержать за собой то, что было приобретено его отцом. Он подавил мятежные замыслы народов-данников и с одной стороны даже расширил границы Давидова царства: на востоке от Дамаска он завоевал оазис Тадмор, через который шел один из торговых путей к Евфрату. В правлении он шел по следам своего отца, дополнил и усилил укрепления Иерусалима, увеличил войско, возвысил доход от налогов на 660 киккар золота и обеспечил себе еще другие вспомогательные средства за счет дружбы с одним из союзников своего отца, царем Хирамом Тирским. Вместе с ним он снаряжал в Красном море флот в торговую экспедицию, отправляемую в отдаленный Офир (в южной Аравии или близ устья Инда) и сулившую большие вы-

годы. При Соломоне древнеизраильская жизнь стала быстро видоизменяться; прежняя простота и дешевизна уступили место роскоши и дороговизне возникающего торгового и промышленного государства. Царская власть усилилась, и страна оказалась разделенной не на 12 колен, а на 12 округов, управляемых царскими чиновниками. Народ высокими пошлинами оплачивал царскую роскошь и блеск двора, при котором было и обычное украшение всех восточных дворов – великолепный гарем. Жемчужиной гарема Соломона была дочь правившего тогда в Египте фараона. Уже эта родственная связь указывает на то, как успела возрасти в значении власть израильского царя, которая при Сауле проявлялась в таких простых формах.

Постройка храма

Соломон продолжал политику своего отца и в религии. Уже Давиду приходила в голову мысль построить храм Иеговы в Иерусалиме. Но он встретил препятствия в исполнении этой мысли. Соломон смело взялся за это и, при помощи финикийских рабочих и зодчих, в течение 7,5 лет закончил здание храма, предназначенного для того, чтобы еще сильнее привязать народную жизнь, в религиозном смысле, к главному господствующему центру.

Этот храм действительно до такой степени поразил современников Соломона своим великолепием, что даже идеаль-

ное представление о нем и в более поздние эпохи служило для евреев высшим символом национального единства.

Упорядочение культа

С постройкой храма была связана религиозная реформа, которая выделила священство из среды общества и внутренне его видоизменила. В связи с древними преданиями еврейского народа, со времени построения храма одному из израильских колен, Левиеву, стали приписывать особенную святость и возложили на него особую миссию служения в храме. Каждый левит посвящал себя этому служению с 28-летнего возраста. Только не имеющий никаких телесных недостатков мог быть посвящен в это служение и с этого времени уже надевал особую одежду из белого виссона, с трехцветной перевязью. Во главе этого священства со всеми его степенями стоял первосвященник, приносивший жертвы за весь народ на жертвенник в одном из дворов храма. Сану первосвященника была присвоена и особая одежда из голубого виссона, с кистями и бубенчиками, белый, наброшенный на плечи, плащ (эфод), повязка на лбу и сума, украшенная 12 драгоценными камнями; в той суме лежали жребии, по которым первосвященник узнавал волю Иеговы. Он один, и никто другой, один раз в год, в великий праздник очищения, имел право вступать внутрь храма, в «святая святых», где стоял ковчег Завета и не было никакого другого образа,

ни подобия Божества.

Колено Левиево не имело особой земельной собственности; левиты получали свое содержание из десятины и строго определенной части от жертв, приносимых в храм. Весь культ в эту эпоху, последовавшую за построением храма, получил более роскошную обстановку и вообще больше определенности. То, что прежде было только обычаем, теперь вылилось в торжественные и нерушимые формы обряда. Любопытно, что именно с этой поры странный обычай обрезания обратился в обряд, который совершался над всеми безусловно, как бы для того, чтобы наложить на иудеев печать, отличающую их от других народов, хотя тот же обычай наблюдается и у многих диких племен. Строго отделилось иудейство от всяких иных культов, и даже брачные союзы с иными племенами были отныне воспрещены: только царь разрешал себе подобные союзы, и Соломон допустил этим поклонение чуждым богам в самом Иерусалиме. Он возбудил против себя всеобщее недовольство тем, что сам воздвиг здесь жертвенники богам Амону, Моаву, Молоху и Хамосу. В это же время и древние народные празднества, совпадавшие с наступлением весны, жатвой и проходами лета, были приурочены к историческим событиям. Последний из вышеупомянутых – праздник кушей – должен был сохранять воспоминание о временах странствования в пустыне, когда весь Божий народ жил в шатрах; а Пасха – напоминать о том моменте перед исходом из Египта, когда Иегова, за противление

фараона, истребил всех первенцев у египтян, а свой народ пощадил. Иегове был посвящен один день в неделю, который называли Саббат (т. е. покой, отдохновение) и стали праздновать полным воздержанием от всякой работы – обычаем, с которым никак не могли свыкнуться соседние народы. Понятие о служении Иегове приобрело теперь весьма определенное и строгое значение. Служение это непрерывно производилось в храме, где пылали неугасимые жертвенные огни, а священнослужители непрерывно орошали алтари кровью закалываемых жертв, ибо все жертвы должны были отныне совершаться в Иерусалиме, перед храмом, во дворах народного святилища, которое таким образом приобрело значение, небывалое ни в какие времена, ни у какого иного народа.

Религиозные верования

Собственно владыкой всей земли почитался Иегова, и отношение к нему народа было облечено в понятие союза (завета) с божеством. Религиозная реформа, исходившая от священства и им же проведенная в жизнь, естественно выразилась в целом ряде правил, касающихся соблюдения нравственной и физической чистоты, а также действий, которыми человек эту чистоту мог нарушить и вновь возвратить себе. Нельзя сказать, чтобы эти правила имели значение только внешним образом соблюдаемых формальностей: еврейский народ был глубоко проникнут жаром религиозного чувства.

Вся эта сложная кодификация недаром была освящена именем величайшего из деятелей израильской истории – Моисея. Закон, приписываемый Моисею, вообще довольно гуманный, выказывает заботливость о поденщиках, о бедных, о рабах: «Не забывай, – говорится в нем, – что и ты тоже был рабом в Египте»; и к чужеземцам этот закон предлагает относиться внимательно и справедливо... Только женщина, по этому закону, не получила никаких прав. Ее положение у евреев было не лучше, чем у других восточных народов: многоженство было допущено, обратилось в обычай и сопровождалось своими обычными последствиями. Права были даны только мужчине, а женщина обязывалась быть неколебимо верной только ему, не требуя и не ожидая верности от мужчины. Мужчина – один глава дома; после его смерти все права переходят к его сыну-первенцу.

Распад царства. 953 г. до н. э.

Эта религиозная реформа, подчинившая всю жизнь народа простейшей и вместе с тем поразительной идее «вечного завета с Богом отцов» и в то же время сосредоточившая все религиозное мышление и чувства народа в стремлении к одной общей святыне, пережила ту шаткую царскую власть, которая вызвала к жизни эту реформу. Уже со смертью Соломона (953 г. до н. э.) царство распалось на две неравные части, которые уже никогда более не воссоеди-

нились. Правление Соломона было мирное и во многих отношениях благодетельное; слава всеобъемлющей мудрости, приписываемая Соломону не только еврейскими, но и всеми восточными преданиями, конечно, не даром выпала на долю этого замечательного государя. Изменения, внесенные царской властью в народную жизнь, были полезны и разумны. Благодаря ей создался внутренний порядок, оживилась промышленная деятельность и даже деспотизм одного правителя, как бы он ни был тягостен временами, был все-таки гораздо более сносен, чем предшествовавшая ему неурядица и произвол многих мелких местных тиранов. Но в еврейском народе никогда не смолкали исконные демократические стремления, направленные против новой царской власти. К этому примешивалась, отчасти, зависть некогда сильнейшего из колен, Ефремова, к преобладавшему при царях колену Иудину.

Все это привело к тому, что ближайший наследник Соломона, его сын Ровоам, уже не мог удержать царства в своих руках. Народ, испытавший на себе власть царей, находил ее слишком тягостной и попытался ее ограничить. Часть народа осталась верной Ровоаму, другая избрала себе в цари Иеровоама, из колена Ефремова, и так одно царство распалось на два – Иудейское и Израильское, в состав которого вошло большинство колен. Это гибельное для еврейского народа событие произошло как раз в то время, когда в долине Тигра и Евфрата долгая борьба между государствами Асси-

рией и Вавилонией начала клониться в пользу Ассирии, которая быстро стала переходить от одного успеха к другому.

Книга II. Персы и эллины

Глава вторая

Эллины. – Происхождение и история нации до столкновения с персами

Восток и Запад

Переходя от обзора различных сторон быта громадного Персидского царства к истории Запада, невольно поражаешься той полнейшей противоположности Востоку, которая встречается во всех проявлениях исторической жизни. На Востоке государство, организация и порядок идут, если можно так выразиться, сверху, вследствие чего создается некоторый механически правильный общественный строй, обычно приводящий к непомерному развитию власти того, кто в этом строе составляет главную основу и опору, т. е. царя. Права народа оказываются там совершенно ничтожными перед волей монарха, и самого понятия о законе, о государственном праве в западном значении этого слова там не существует.

На Западе другое: здесь сила, создающая государство,

идет *снизу*, от единицы; единичное благо есть постоянная и главная цель, созидающая и связующая общество. Здесь только и могло сложиться понятие о личной свободе, которое и как понятие, и как слово, напрасно искать в древних языках и надписях Востока или даже в самом Ветхом Завете. Эллинам впервые удалось сознательно провести это понятие в общественную жизнь и тем придать новую силу нравственной деятельности человека: в этом заключается их всемирно-историческая заслуга, в этом и вся сущность их истории.

Происхождение эллинов

Переселения из Азии

Основным и первоначальным событием в истории той части света, которую называют древним семитским названием *Европы* (полуночной страны), было нескончаемо долго длившееся переселение в нее народов из Азии. Предшествовавшее этому переселению покрыто полнейшим мраком: если и было где до этого переселения туземное население, то оно было очень редким, стояло на самой низкой ступени развития, а потому и было вытеснено переселенцами, поработщено, истреблено. Этот процесс переселения и прочного поселения на новых сельбищах стал принимать форму исторического и разумного проявления народной жизни, ранее все-

го – на Балканском полуострове, и притом в южной его части, к которой со стороны азиатского берега как бы проведен мост в виде почти непрерывного ряда островов. Действительно. *Спорадские* и *Кикладские* острова лежат так близко друг к другу, что как бы заманивают переселенца, привлекают, удерживают, указывают ему дальнейший путь. Римляне называли жителей южной части Балканского полуострова и принадлежащих к ней островов *греками* (граеси); сами же они называли себя впоследствии одним общим именем – *эллыны*. Но они приняли это общее название уже в довольно позднюю эпоху своей исторической жизни, когда сложились в своем новом отечестве в целый народ.

Эти жители, переселившиеся на Балканский полуостров, принадлежали к *арийскому* племени, как это положительно доказывается сравнительным языкознанием. Та же наука в общих чертах объясняет объем культуры, вынесенной ими из их восточной прародины. В круг их верований входили бог света – Зевс, или Дий, бог всеобъемлющего небесного свода – Уран, богиня земли Гея, посол богов – Гермес и еще несколько наивно-религиозных олицетворений, воплощавших силы природы. В области быта им была известна необходимейшая домашняя утварь и земледельческие орудия, обыкновеннейшие домашние животные умеренного пояса – бык, конь, овца, собака, гусь; им было свойственно понятие об оседлости, прочном жилище, о доме, в противоположность с переносным шатром кочевника; наконец, они обла-

дали уже весьма развитым языком, свидетельствующим о довольно высокой степени развития. Вот с чем вышли эти переселенцы из старых мест поселения и что они принесли с собой в Европу.

Их переселение было совершенно произвольное, никем не руководимое, не имевшее никакой определенной цели и плана. Оно совершалось, без сомнения, подобно европейским выселениям в Америку, происходящим в настоящее время, т. е. переселялись семьями, толпами, из которых большей частью уже спустя много времени в новом отечестве складывались отдельные роды и племена. В этом переселении, как и в современном переселении в Америку, принимали участие не богатые и знатные, и не самый низший слой населения, менее всего подвижный; переселялась наиболее энергичная часть бедняков, которая при выселении рассчитывает на улучшение своей участи.

Природа страны

Территорию, избранную для поселения, они нашли не совсем пустой и безлюдной; они встретили там первобытное население, которое впоследствии называли *пеласгами*. Между древними названиями различных урочищ этой территории встречаются многие, носящие на себе отпечаток семитского происхождения, и можно предположить, что некоторые части территории были заселены семитскими племена-

ми. Те переселенцы, которым пришлось вступить на Балканский полуостров с севера, наткнулись там на другого рода население, и дело не везде обошлось без борьбы. Но об этом ничего не известно, и можно только предположить, что первоначальное пеласгическое население территории было немногочисленно. Новые переселенцы искали, видимо, не пастбищ и не торжищ, а таких мест, где они могли бы прочно осесть, и вот местность на юг от Олимпа, хотя и не особенно богатая большими и плодоносными равнинами, показалась им особенно привлекательной. С северо-запада на юго-восток здесь тянется по всему полуострову горный хребет Пинд с вершинами до 2,5 тысяч метров, с проходами в 1600–1800 метров; он и составляет водораздел между Эгейским и Адриатическим морями. С его высот, обратясь лицом к югу, с левой стороны к востоку видна плодоносная равнина с прекрасной рекой – страна, впоследствии получившая название *Фессалии*; на запад – страна, изрезанная горными цепями, параллельными Пинду, – это *Эпир* с его лесистыми высотами. Далее, под 49° с. ш. простирается страна, позднее получившая название *Эллады* — собственно Средняя Греция. Эта страна, хотя и есть в ней горные и довольно дикие местности, а в середине ее поднимается двухвершинный Парнас, возвышающийся на 2460 метров, все же была очень привлекательна на вид; чистое небо, редко выпадающие дожди, много разнообразия в общем виде местности, немного подальше – обширная равнина с озером посередине,

изобилующим рыбой – это позднейшая Беотия; горы всюду были обильнее покрыты лесом в то время, нежели позднее; рек немного и они мелководны; на запад везде до моря – рукой подать; южная часть представляет собой гористый полуостров, почти вполне отделенный водой от остальной Греции – это *Пелопоннес*. Вся эта страна, гористая, с резкими переходами климата, имеет в себе нечто такое, что будит энергию и закаляет силу, а главное, самим устройством своей поверхности она благоприятствует образованию отдельных небольших общин, вполне замкнутых, и тем способствует развитию в них горячей любви к родному углу. В одном отношении страна имеет действительно несравненные преимущества: весь восточный берег полуострова чрезвычайно извилист, в нем не менее пяти больших бухт и притом со множеством разветвлений – следовательно, он везде доступен, а изобилие дорого ценившегося в то время пурпурного моллюска в некоторых заливах и проливах (например, Эвбейском и Сароническом), а в других местностях изобилие корабельного леса и минеральных богатств уже очень рано стали привлекать сюда иноземцев. Но иноземцы никогда не могли далеко проникнуть в глубь страны, т. к. ее, по самому характеру местности, всюду легко было защитить от внешнего вторжения.

Финикийское влияние

Впрочем, в то далекое время первых поселений арийского племени на Балканском полуострове только *один* народ мог бы помешать естественному росту и развитию арийцев, а именно – *финикийцы*; но они и не помышляли о колонизации в больших размерах. Их влияние однако было весьма значительно и, вообще говоря, даже благотельно; по преданию, основателем одного из греческих городов, города Фив, был финикиец Кадм, и это имя действительно носит на себе семитский отпечаток и обозначает «человек с Востока». Поэтому можно предположить, что было такое время, когда финикийский элемент был среди населения преобладающим. Он доставил арийскому населению драгоценный подарок – письмена, которые у этого подвижного и оборотистого народа, постепенно развиваясь из египетской основы, обратились в настоящее *звуковое письмо* с отдельным знаком для каждого отдельного звука – в *алфавит*. Конечно, в этом виде письмена послужили могучим орудием для дальнейших успехов развития арийского племени. И религиозные представления, и обряды финикийцев также оказали некоторое влияние, которое нетрудно признать в отдельных божествах позднейшего времени, например, в Афродите, в Геракле; в них нельзя не видеть Астарту и Баала-Мелькарта финикийских верований. Но и в этой области финикийское влияние проникало

неглубоко. Оно только возбуждало, но не овладевало вполне, и всего яснее выказывалось это в языке, который впоследствии сохранил и усвоил лишь весьма незначительное число слов семитского характера, и то преимущественно в виде торговых терминов. Египетское влияние, о котором также сохранились предания, конечно, было еще слабее финикийского.

Образование эллинской нации

Эти соприкосновения с чуждым элементом были важны именно тем, что показали пришлому арийскому населению его своеобразный характер, особенности его быта, довели их до сознания этих особенностей и тем самым способствовали их дальнейшему самостоятельному развитию. О деятельной духовной жизни арийского народа, на почве его новой родины, свидетельствует уже то бесконечное множество мифов о богах и героях, в которых выказывается творческая фантазия, сдерживаемая разумом, а не расплывчатая и необузданная на восточный образец. Эти мифы представляют собой отдаленный отголосок тех великих переворотов, которые придали стране ее окончательный вид и известны под названием *«странствования дорийцев»*.

Дорийское странствование и его влияние

Эту эпоху переселений приурочивают обыкновенно к 1104 г. до н. э., конечно, совершенно произвольно, потому что у подобного рода событий никогда нельзя определенно указать ни их начало, ни конец. Внешний ход этих переселений народов на небольшом пространстве представляется в следующем виде: племя фессалийцев, осевшее в Эпире между Адриатическим морем и древним святилищем Додонского оракула, перешло через Пинд и овладело на востоке от этого хребта плодородной страной, простирающейся до моря; этой стране племя и дало свое имя. Одно из племен, потесненных этими фессалийцами, потянулось на юг и одолело минийцев в Орхомене и кадмейцев в Фивах. В связи с этими передвижениями или даже ранее их третий народец, дорийцы, поселившиеся было на южном склоне Олимпа, тоже двинулся в южном направлении, завоевал небольшую гористую область между Пиндом и Этой – *Дориду*, но не удовольствовался ею, потому что она показалась тесна этому многочисленному и воинственному народцу, а потому он и заселил еще южнее гористый полуостров *Пелопоннес* (т. е. остров Пелопса). По преданию, этот захват оправдывался какими-то правами дорийских князей на Арголиду, область на Пелопоннесе, правами, перешедшими к ним от их родоначальника, Геракла. Под начальством трех вождей, подкрепившись

по пути этолийскими толпами, они вторглись в Пелопоннес. Этолийцы осели на северо-востоке полуострова на равнинах и холмах Элиды; три отдельные толпы дорийцев в течение известного периода времени овладевают всем остальным пространством полуострова, кроме лежащей в центре его гористой страны Аркадии, и таким образом основывают три дорийские общины – *Арголиду*, *Лаконию*, *Мессению*, с некоторой примесью покоренного дорийцами ахейского племени, первоначально жившего здесь. И победители, и побежденные – два различных племени, не два разных народа – образовали тут некоторое подобие маленького государства. Часть ахейцев в Лаконии, которым не по сердцу пришлось их порабощение, устремились на ионийские поселения северо-восточного побережья Пелопоннеса при Коринфском заливе. Вытесненные отсюда ионийцы выселились на восточную окраину Средней Греции, в Аттику. Вскоре после того дорийцы попытались было двинуться на север и проникнуть в Аттику, но эта попытка не удалась, и они должны были удовольствоваться Пелопоннесом. Но Аттика, не особенно плодородная, не могла выносить слишком большого переполнения населением. Это повело к новым выселениям за Эгейское море, в Малую Азию. Переселенцы заняли там среднюю полосу берега и основали известное количество городов – Милет, Миунт, Приену, Эфес, Колофон, Лебедос, Эритры, Теос, Клазомены, и единоплеменники стали собираться для ежегодных празднеств на одном из Кикладских

островов, *Делосе*, на который сказания эллинов указывают как на место рождения солнечного бога Аполлона. Берега на юг от занятых ионийцами, а равно и южные острова Родос и Крит были заселены переселенцами дорийского племени; местности же к северу – ахейцами и другими. Само название *Эолида* эта местность получила именно от пестроты и разнообразия своего населения, для которого также известного рода сборным пунктом был остров Лесбос.

Гомер

В этот период упорной борьбы племен, положившей основание последующему устройству отдельных государств Греции, дух эллинов нашел выражение в героических песнях – этом первом цветке греческой поэзии, и эта поэзия уже очень рано, в X–IX вв. до н. э., достигла высшей степени своего развития в Гомере, которому удалось создать из отдельных песен два больших эпических произведения. В одном из них он воспел гнев Ахиллеса и его последствия, в другом – возвращение Одиссея домой из дальних странствий, и в обоих этих произведениях гениально воплотил и выразил всю юношескую свежесть отдаленного героического периода греческой жизни.

О его личной жизни ничего неизвестно; только его имя сохранено достоверно. Несколько значительных городов греческого мира оспаривали друг у друга честь называться ро-

диной Гомера. Многих способно сбить с толку часто употребляемое по отношению к Гомеру выражение «народный поэт», а между тем его поэтические произведения создавались уже, видимо, для избранной, благородной публики, для господ, если можно так выразиться. Он превосходно знаком со всеми сторонами быта этого высшего сословия, описывает ли он охоту или единоборство, шлем или иную часть вооружения, во всем виден тонкий знаток дела. С удивительным умением и знанием, основанным на зоркой наблюдательности, он рисует отдельные характеры из этого высшего круга.

Но это высшее сословие, описываемое Гомером, вовсе не было замкнутой кастой; во главе этого сословия стоял царь, правивший небольшой областью, в которой он был главным землевладельцем. Ниже этого сословия шел слой свободных земледельцев или ремесленников, которые на время обращались в воинов, и у всех у них было свое общее дело, общие интересы.

Важной чертой быта за это время является отсутствие тесно сплоченного сословия, нет и обособленного сословия жрецов; различные слои народа еще близко соприкасались между собой и понимали друг друга, вот почему и эти поэтические произведения, если даже они и были первоначально предназначены для высшего сословия, вскоре сделались достоянием всего народа как истинный плод его самосознания. Гомер усвоил от своего народа способность обуздывать и художественно умерять свою фантазию, точно так же, как

унаследовал от него сказания о его богах и героях; но, с другой стороны, ему удалось облечь эти сказания в такую яркую художественную форму, что он навсегда оставил на них печать своего личного гения.

Можно сказать, что со времен Гомера греческий народ стал яснее и отчетливее представлять себе своих богов в виде отдельных, обособленных личностей, в виде определенных существ. Палаты богов на неприступной вершине Олимпа, высший из богов Зевс, ближайшие к нему великие божества – супруга его Гера, гордая, страстная, сварливая; темно-кудрый бог морей Посейдон, носящий на себе землю и потрясающий ее; бог преисподней Аид; Гермес – посол богов; Арес; Афродита; Деметра; Аполлон; Артемида; Афина; бог огня Гефест; пестрая толпа богов и духов морских глубин и гор, источников, рек и деревьев – весь этот мир благодаря Гомеру воплотился в живые, индивидуальные формы, которые легко усваивались народным представлением и легко облекались выходившими из народа поэтами и художниками в осязательные формы. И все высказанное применяется не только к религиозным представлениям, к воззрениям на мир богов... И людей точно так же определенно характеризует поэзия Гомера, и, противопоставляя характеры, рисует поэтические образы – благородного юноши, царственного мужа, многоопытного старца, – притом так, что эти человеческие образы: Ахиллес, Агамемнон, Нестор, Диомед, Одиссей навсегда остались достоянием эллинов, как и их божества.

Такого литературного достояния всего народа, каким «Илиада» и «Одиссея» стали в короткое время для греков, до Гомера, насколько известно, еще нигде и никогда не бывало. Не следует забывать, что эти произведения, преимущественно передаваемые устно, были произносимы, а не читаемы, вот почему в них, кажется, и до сих пор еще слышится и чувствуется свежесть живой речи.

Положение низших классов общества. Гесиод

Не следует забывать, что поэзия – не действительность и что действительность той отдаленной эпохи для большинства тех, кто не был ни царем, ни вельможей, была очень суровой. Сила тогда заменяла право: маленьким людям жилось плохо даже там, где цари относились к своим подданным с отеческой мягкостью, а знатные стояли за своих людей. Простой человек подвергал опасности свою жизнь на войне, которая велась из-за такого дела, которое непосредственно и лично его не касалось. Если его похищал всюду подстерегавший морской разбойник, он умирал рабом на чужбине и ему не было возврата на родину. Эту действительность, по отношению к жизни простых людей, описал другой поэт, *Гесиод* — прямая противоположность Гомеру. Этот поэт жил в беотийской деревне у подножия Геликона, и его «Труды и дни» поучали земледельца, как ему следовало поступать при севе и жатве, как надо было прикрывать уши от холодного ветра

и зловредных утренних туманов.

Он горячо восстает против всех знатных людей, жалуется на них, утверждая, что в тот железный век на них нельзя было найти никакой управы, и очень метко сравнивает их, по отношению к низшему слою населения, с коршуном, который в своих когтях уносит соловья.

Но как бы ни были основательны эти жалобы, все же большой шаг вперед был сделан уже в том, что в результате всех этих передвижений и войн всюду образовались определенные государства с небольшой территорией, городскими центрами, государства с определенными, хотя и суровыми для низшего слоя правовыми порядками.

Из них в европейской части эллинского мира, которому была дана возможность в течение довольно долгого времени развиваться свободно, без всякого внешнего, иноземного влияния, возвысились до наибольшего значения два государства: *Спарта* на Пелопоннесе и *Афины* в Средней Греции.

Дорийцы и ионийцы; Спарта и Афины

Спарта

Мужественным дорийцам подчинились ахейцы и в Лаконии, самой крайней юго-восточной части Пелопоннеса. Но

подчинились они не скоро и не вполне. Напору дорийской военной силы, которая двигалась вниз по долине Эвроты, ахейский город Амиклы (в низовьях Эвроты) оказал упорное сопротивление. Из воинского лагеря, расположенного на правом берегу той же реки, возник город *Спарта*, который и в последующем развитии образовавшегося около него государства сохранил характер воинского лагеря.

Один из граждан Спарты *Ликург*, происходивший из царского рода, сделался законодателем своей родины и впоследствии был почитаем в особом, посвященном его памяти святилище, где ему воздавались почести как герою. Много рассказывали впоследствии о его путешествиях, об изречениях оракула, который указывал на него народу как на избранника, и, наконец, о его смерти на чужбине. Задача законодателя заключалась в том, чтобы собрать и сосредоточить силу спартиатов – дорийской военной аристократии, противопоставляя ее многочисленному слою подданных, принадлежавших к другому племени и притом в довольно обширной стране. Эти подданные – ахейцы – распались на два класса: *перизков* и *илотов*. Последние были, судя по названию, военнопленные, принадлежавшие к населению тех ахейских городов и городков, которые сопротивлялись завоеванию до последней крайности и с которыми поэтому поступили по всей строгости военных законов. Они стали собственностью государства и его властью были предоставлены в рабство тем или другим аристократам. В качестве рабов они, сами

безземельные, обрабатывали землю для своих господ и получали половину жатвы на свое содержание. Некоторые из них, предоставленные в личное распоряжение своих господ, сопровождали их на войну, носили их оружие и съестные припасы и таким образом приобретали некоторое военное значение. Их различить было нетрудно по особой одежде и кожаным колпакам и по всем внешним признакам людей, свергнутых в рабство. Единственная защита закона, на которую они имели право, заключалась в том, что господин, пользовавшийся ими как рабочей силой, нес на себе некоторую ответственность за них перед государством, которое в данном случае являлось собственником, поэтому он не мог ни убивать их, ни уродовать, не мог ни отпустить на свободу, ни продать. Положение периеков было лучше. Они происходили от той, значительно большей, части ахейского населения, которое вовремя успело вступить в переговоры с победителем и добровольно признало над собой его господство. Они были большей частью мелкими землевладельцами и ремесленниками и пользовались личной свободой. В своей трудовой деятельности они не были стеснены ничем, платили подати, несли на себе воинскую повинность; в различных унижительных формах они должны были проявлять свое преклонение перед знатным сословием и не имели никаких политических прав. Вопросы войны и мира решались помимо их воли представителями высшего класса Спарты, и периеки узнавали об этом только из уст своих *гармостов*, или

старшин, также принадлежавших к высшему сословию.

Законодательство Ликурга

Что касается *спартиатов*, т. е. дорийской аристократической общины, то она постоянно сохраняла свою строго военную организацию, как и во времена завоеваний. Они жили в разбросанных по берегам Эвроты домах своего неогражденного стенами города Спарты, как войско в лагере. Впрочем, и положение города было такое, что исключало всякую возможность открытого нападения: на западе отвесная стена Тайгета, на востоке и юге – побережье без единой гавани, и на нем всюду, в тех местах, где берег приступен, расположены гарнизоны; к северу гористая местность с тесными проходами, которые нетрудно было заградить. Притом все их войско могло быть собрано в несколько часов. Во главе войска стояли по какому-то древнему обыкновению, происхождение которого неизвестно, два царя из двух различных родов. Двоевластие, может быть, еще с ахейских времен, следовательно, уже с самого основания – власть весьма слабая, только в военное время, как военачальники, оба эти царя приобретали некоторое значение. Хотя и в мирное время им были воздаваемы внешние почести и они обладали всякими преимуществами, руки у них были связаны советом старейшин, так называемой *герусией* — совещательным собранием из 28 старцев (*геронтов*), которые избира-

лись народом из стариков не моложе 60 лет. В этом высшем правительственном совете царю принадлежал только один голос, как и всякому другому геронту. Ежемесячно, в полнолуние, все благородные спартиаты созывались на общее народное собрание, на котором, однако, никакие свободные прения не допускались. Говорить могли только одни должностные лица; восклицание или молчание, более или менее громкий крик – вот чем выражалась воля народа. В случае необходимости получения более ясного решения отрицающих и подтверждающих заставляли расходиться в противоположные стороны. Тщательно охранялись народные обычаи и поддерживались все обыкновения лагерной жизни. Тяжко налагало государство свою руку на домашнюю жизнь спартиатов и на воспитание юношества. Кто не вступал в брак, тот подвергался *атимии*, т. е. лишению почетных прав; совершению неравных браков старались воспрепятствовать, иногда за них даже наказывали; слабых детей изгоняли к илотам или даже просто убивали. С 7-летнего возраста мальчики уже воспитывались за счет государства. Платье, стрижка волос, содержание – все это было строго определено, соответственно с древнедорийскими обычаями. Юноши, разделенные на *агелы* (или *илы*), отдавались на обучение особым учителям гимнастики и доводились до такого совершенства в воинских упражнениях, что в то время никто не мог с ними в этом равняться. Они приучались к перенесению всех возможных трудностей – голода, жажды, к затруднительным пе-

реходам, к беспрекословному, быстрому, молчаливому повиновению, и в то же время вместе с этим воспитанием воспринимали непомерно высокое чувство собственного достоинства, которое основывалось столько же на национальной гордости, сколько на сословной спеси и на сознании своего воинского совершенства. Это общественное воспитание продолжалось до 30-летнего возраста. Следовательно, можно предполагать, что молодой человек уже неоднократно мог выказать свое мужество на войне, прежде чем его принимали в одну из *сисситий*, т. е. шатерных товариществ или застольных товариществ, представлявших собой одно из замечательных учреждений этого воинственного государства. В каждой подобной сисситии было 15 участников. Прием нового члена производился посредством известного рода баллотировки; такие товарищества обязаны были обедать вместе и во всем, даже в кушаньях, строго держаться старых обычаев.

Воспитание юношества даже старались простейшим образом дополнить, заставляя юношей присутствовать за этим обедом в качестве зрителей или слушателей, дабы они могли слышать застольные беседы мужей, постоянно вращавшиеся около двух неисчерпаемых тем: войны и охоты. При таких условиях, конечно, для домашней жизни оставалось немного времени, и государство заботилось также о воспитании молодых девушек. Оно производилось не публично, но в основу его полагалась та же строго определенная точ-

ка зрения – возвращение воинственного, физически крепкого потомства, и это было обставлено рациональными правилами и подвергалось строгому наблюдению. А между тем женщины, как и во всякой аристократической среде, пользовались большим почетом и влиянием. В остальной Греции обращали внимание на то, что их здесь называли «госпожами» (деспойнэ).

Положение Спарты в Пелопоннесе

Это общественное устройство Спарты, заключавшееся главным образом в обновлении и окончательном закреплении древнедорийских обычаев, относится к 840 г. до н. э. Оно дало Спарте превосходство над всеми, и слава ее могущества распространилась даже в самых отдаленных странах. Подобное военное государство, конечно, не могло оставаться бездеятельным; оно начало с того, что покорило прекраснейшую из греческих земель, страну, лежавшую по ту сторону Тайгета – *Мессению*. После геройской борьбы часть мессенцев выселилась из своей страны, остальная была обращена в илотов. Последовавшее затем нападение на *Аркадию*, лежавшую в центре Пелопоннеса, оказалось не вполне удачным. Однако же важнейший из городов Аркадии, *Тегея*, вступил со Спартой в договор, по которому обязался во время войны предоставлять Спарте известный отряд воинов по команде спартанского военачальника. Еще более жесто-

ченными и еще менее удачными были войны Спарты с *Аргосом*, также заселенным дорийцами. Эти войны длились долго, возобновлялись много раз, и все же ни к чему не привели... Аргос остался независимым от Спарты. Точно так же власть спартанцев не распространилась на полуионийские и ахейские города на северном побережье Пелопоннеса: на Коринф, Сикион, Эпидавр, Мегару и др. Тем не менее, однако же, около 600 г. до н. э. исторические обстоятельства сложились так, что в Пелопоннесе ничто не могло произойти без воли и участия Спарты, а т. к. государства Средней Греции тогда еще не достигли самостоятельного значения, то Спарта, бесспорно, должна была представляться иноземцам могущественнейшей из держав на материке Греции.

Дальнейшее развитие внутреннего строя. Эфоры

Кроме военной славы, которой заслуженно пользовалась Спарта, были еще три обстоятельства, которым она была обязана своим высоким положением. Первое – то, что Спарта именно в то время, когда во всей остальной Греции кипела борьба политических партий (явление, неизвестное на Востоке!), сумела во внутреннем быте примирить все противоречия и оставалась совершенно спокойна. Попытки некоторых более энергичных царей к расширению царской власти привели к полнейшему торжеству аристократии, но при

этом и царская власть не была устранена, а только добавилось новое и в высшей степени своеобразное учреждение – нечто вроде контроля: пять *эфоров* (надзирателей), которые вскоре присвоили себе право наблюдения не только за царской властью, но и вообще за аристократией.

Предполагают, что первоначально эфоры были представителями пяти поселений, из которых вырос город Спарта, или пяти частей (кварталов), на которые он был разделен впоследствии. Достоверно известно, что эфоры выбирались ежегодно и их выборы не стеснялись никакими отягчающими ограничениями, как, например, выборы геронтов; что они в силу принципа, в прежнее время совершенно чуждого этому государству, превратились с течением времени в деятельнейший правительственный орган, и сами цари приносили перед этими представителями народа клятву в соблюдении законов страны, и, в свою очередь, эфоры присягали царям в верности от лица своей общины. Постепенно эфоры от наблюдения за деятельностью царей перешли к наблюдению за деятельностью всех чиновников вообще, и в их руках оказалась уже неограниченная дисциплинарная власть, которой почти добровольно подчинилась спартанская знать, воспитанная в строгих правилах военного повиновения. При часто повторявшихся выборах эфоров постоянно имелось в виду, чтобы в эфоры не попадали лица, принадлежащие к одной и той же фамилии или партии, и вообще старались сделать эту важную должность доступной возможно большему

числу спартанцев. Но это новое учреждение ничего не изменило в древнем, столетиями освященном строе государства, а только еще усилило его незыблемость.

Тирания

Вследствие такой именно незыблемости государственных учреждений Спарты появилось другое условие, усиливавшее ее значение и могущество в греческом мире: все государства Пелопоннеса и многие вне его границ в Спарте видели опору аристократизма, идеал тесно сплоченной большой партии. Этой партии, состоявшей из высшего сословия, исключительно владевшего земельной собственностью, всюду начинала угрожать оппозиция, составленная из самых разнообразных элементов и становившаяся все более и более опасной. Аристократия всюду упразднила царскую власть, которая, главным образом, являлась опорой и защитой для слабых, и в весьма многих местах заменила ее *олигархией*, т. е. господством одного рода или немногих фамилий. В приморских городах, где аристократы первоначально захватили в свои руки и торговлю, вскоре стал развиваться дух независимости, появились чисто демократические стремления, поддерживаемые недовольством низших слоев населения, и аристократия оказывалась бессильной в борьбе с этими элементами, если у народа появлялся вождь. Таких вождей оппозиция нередко находила среди честолюбцев высшего со-

словия, и эти запутанные условия общественной жизни приводили в некоторых местах к новой форме монархии – *тирании*, т. е. к захвату власти одним лицом. Власть этих *тиранов*, поддерживаемая главным образом массой народа, мало походила на прежнюю царскую власть гомеровских времен. Она опиралась на интересы настоящего, и притом не на одни только материальные, но и на духовные, и на идеальные. Писатели и художники всюду находили в тиранах щедрых покровителей, а масса народа – материальную поддержку и постоянную работу в воздвигаемых тиранами общественных зданиях и сооружениях. Эта противоположность между популярной властью тиранов и эгоистическими стремлениями аристократии всюду вызывала сильные потрясения. Спарта, спокойная у себя дома, хотя и поддерживавшая это спокойствие самыми суровыми мерами, относилась к этим внепелопоннесским волнениям вполне своеобразно... Она всюду сочувствовала только аристократическому элементу в связи с крупным землевладением и этим побуждала аристократию остальных греческих государств взирать на Спарту как на незыблемую опору аристократизма и всех консервативных начал.

Дельфийский оракул. Олимпийские игры

Третье важное условие, способствовавшее возвышению Спарты, составляли издавна установившиеся тесные связи

со святилищем и оракулом *Аполлона Дельфийского* в Средней Греции и отношение к *Олимпийским играм* — древнему празднеству Зевса в Элиде, в северо-западной части Пелопоннеса.

Эти игры издавна были приняты Спартой под особое покровительство, и собственная слава Спарты возрастала вместе с блеском и значением этих священных игр в честь Зевса, которые весьма скоро приобрели значение празднества, общего для всех эллинов, съезжавшихся на эти игры из всех стран, из-за моря и со всех концов эллинского мира, чтобы участвовать в состязаниях за награды, выдаваемые каждый четвертый год, или только присутствовать при этих торжественных играх.

Таким образом, спартанское могущество несомненно служило как бы тормозом среди тревожной жизни греческого мира, составленного из множества мелких государств с их беспокойным населением, с их разнородными противоположностями и особенностями быта. Оно до некоторой степени обеспечивало только внешний порядок, но духовного влияния, в высшем значении этого слова, Спарта оказывать на Грецию не могла, т. к. в ее жизни и деятельности все было рассчитано только на поддержание уже существующего. Для этой цели, ради охранения Спарты от иноземного влияния, там были приняты самые радикальные меры: иностранцев прямо выслали из спартанских городов и из пределов государства, спартиатам путешествия за пределы Спарты разре-

шались только с дозволения правительства. Мало того, спартиатам было запрещено держать у себя серебряные деньги и для удовлетворения своих нужд предписывалось довольствоваться деньгами из железа, добываемого в Тайгете, т. е. такой монетой, которая могла иметь ценность лишь в Спарте. Духовный прогресс в Греции был создан другим городом Средней Греции, *Афинами*, которые вполне самостоятельно развили и выработали свой государственный строй на совершенно иных, противоположных началах.

Афины и Аттика

Город Афины возвысился в Аттике, в стране, представляющей наиболее выдающуюся к востоку часть Средней Греции. Эта страна не обширна по размерам, всего около 2,2 тыс. кв. км, и не весьма плодородна; между горами, не слишком богатыми лесом, тянутся равнины, не изобилующие орошением; среди растительности – шелковичное дерево, миндальное и лавровое; страна богата также фиговыми и оливковыми деревьями. Но чудное небо и близость моря придают аттическому ландшафту краски и свежесть, а за мысом Суний, далеко выдающейся юго-восточной оконечностью Аттики, начинается целый мир островов, которые тянутся в виде непрерывного ряда портов и гаваней почти до самого берега Малой Азии, облегчая отношения и торговлю. Аттика не привлекала к себе поселенцев извне, и впослед-

ствии жители Аттики любили хвалиться тем, что они «сыны земли своей», никогда не покидавшие своих пепелищ. По некоторым древним преданиям и сказаниям (например, по мифу о юношах и девицах, приносимых в жертву Минотавру, жившему на о. Крит), есть основание предполагать, что финикийские фактории некогда были и в Аттике, и на прилегающих к ней островах, но недолго.

Древнейшая история Афин

И в Афинах история общественной жизни начинается с царей, которые собрали под своей властью небольшое аттическое государство и основали свою резиденцию в низовьях ручья Кефис – наибольшего в скудной водными источниками стране. Древние сказания восхваляют царя *Тесея*, которому приписывают многие важные заслуги по отношению к культуре страны. Не менее прославляют и последнего из потомков Тесея, царя Кодра, который пожертвовал жизнью за отечество и пал в битве с дорийцами, пытавшимися вторгнуться в Аттику через Истмийский перешеек.

Царская власть; высшие классы и народ

Всюду преобладавший аристократический элемент и в Аттике оказался настолько сильным, что без всякого наси-

лия устранил царскую власть. Около 682 г. до н. э. во главе аттического государства стояло 9 *архонтов* (правителей), избираемых высшим сословием из высшего же сословия на один год. Это сословие – *евпатриды* (сыновья благородного отца) являются исключительными и единственными распорядителями судеб страны. Когда архонты отбывали свой год службы государству, они поступали в состав особого высшего совета – *ареопага*, в котором евпатриды (аристократы и по рождению, и по имуществу) сосредоточили всю свою силу.

Но в этом аристократическом элементе на аттической почве было одно весьма существенное различие по сравнению с спартанской аристократией: низшие слои народа были одноплеменны с евпатридами. Евпатриды были люди богатые, крупные землевладельцы – «люди равнины» (педиеи), как их тогда называли – между ними и низшим классом существовала разница в имущественном отношении, в образовании, одним словом – различие и противоположность чисто социальные. Рядом с евпатридами – еще два класса в аттическом обществе – *мелкие землевладельцы (диакрии)*, которые при общей бедности страны были сильно обременены долгами и потому попадали во все более и более тяжкую зависимость от богачей, и, наконец, *прибрежные жители (паралии)*, люди, всюду по берегам занимавшиеся торговлей и мореходством.

Следовательно, здесь встречаются совсем иные общественные условия, иные потребности, нежели в Спарте; на-

сущнейшей потребностью среди зарождающейся демократии здесь была потребность в писаном законе, который устранил бы произвол сильных и богатых. Попытка основать тиранию, столь обыкновенная в это время, вызванная отчасти личным честолюбием, отчасти желанием удовлетворить потребность массы, в Афинах не удалась. *Килон*, зять мегарского тирана Феагена, захватил было афинский Акрополь (628 г. до н. э.). Но аристократическая партия взяла верх в борьбе: приверженцы Килона должны были искать спасения у подножия алтарей, сдались на обманчивые обещания и были перебиты.

Килон и Драконт

Около 620 г. до н. э. наблюдается первая попытка установления правильного законодательства в лице *Драконта*. Кажется, он уже установил разделение граждан по имуществу, приписываемое Солону: действительным правом гражданства пользовался каждый, кто был в состоянии добыть себе полное вооружение, и эти граждане избирали архонтов и прочие должностные лица, для которых существовал определенный ценз, имущественная квалификация. Совет, состоявший из 401 избранного по жребию сочлена, был представителем всех граждан, за отсутствие в заседаниях совета назначался денежный штраф. Однако это общественное устройство ни к чему не привело, оно не улучшило поло-

жения низших классов, не дало правильного решения социальной задачи, которая была положена в основу аттического общественного устройства. Отношения между бедными и богатыми не улучшились; гнет высших классов, кажется, еще более усилился вследствие попыток установления тирании, сделанной вышеупомянутым *Килоном*. Во многих местах были видны каменные столбы, на которых было написано, сколько тот или другой двор мелких землевладельцев должен был такому-то богачу, который, следовательно, имел возможность продать его в близком будущем, и весьма многие из граждан Аттики были проданы за это время в рабство на чужбину, в уплату долгов своим кредиторам.

Солон

Разумеется, такие печальные условия общественной жизни в стране малоплодородной и не густо населенной, при полной возможности выселения в соседние страны, должны были ощутимей всего сказываться на высшем сословии... И вот из самого сословия евпатридов выискался наконец замечательный человек – *Солон*, сын Эксекестида, потомок царя Кодра, который нашел возможность вернуть благосостояние своей родине, сняв с поработанного аттического населения тяжкий гнет неоплатного долга. С нравственным лицом этого великого человека несколько ближе можно ознакомиться по дошедшим в отрывках нескольким его стихотворениям.

Дух истинного мудреца и вполне правдивого человека выказывается в этих стихотворениях! Не без некоторого юмора он говорит в них, что ему приходилось, как волку между собаками, прокладывать себе путь, не уклоняясь ни в ту, ни в другую сторону и никого не слушая, чтобы прийти к разумному выводу. По этим стихотворениям можно даже проследить переходы в настроении его души. Почти не уклоняясь ни в сторону оптимизма, ни в сторону пессимизма, он всюду выказывает свойственное грекам равновесие духа и, перебирая все возрасты человека и все занятия, сопряженные с его различными положениями, строго для каждого определяет границы доступного и возможного. Собственности он придает цену, как и наслаждениям любовью и вином в пору и вовремя, но с отвращением говорит о ненасытной алчности в обладании. В одном из стихотворений он высказывает желание, чтобы смерть его не осталась неоплаканной. Два личных качества Солона особенно ярко выступают в этих стихотворных отрывках: сильно и ясно высказывающееся чувство правоты (право – божество Солона!) и не менее сильный, прекрасный афинский патриотизм. Читая эти стихотворения, можно подумать, что он провидит великое будущее своей родной страны: «По воле Зевса и по мысли бессмертных богов, наш город еще не погиб!» – так начинается одно из солоновских стихотворений. «Дочь Всемогущего, высокоумная Паллада-Афина, простирает над нами свою руку, нас защищающую!» Надо полагать, что зло, за исправ-

ление которого принял Салон, давно уже было признаваемо многими, поэтому он, едва приступив к своим законодательным реформам, сразу увидел около себя кружок людей, готовых ему помогать и сочувствовать. Салон, родившийся в 639 г. до н. э., приобрел популярность среди своих сограждан весьма важным патриотическим подвигом: он возвратил афинянам остров Саламин, заграждавший выходы из афинских гаваней и по вине правителей отнятый у афинян мегарцами. В 594 г. он был избран в архонты и показал себя практическим государственным деятелем: он сумел избавить государство от страшного вреда, который наносила непосильная задолженность граждан и все ее последствия. Полнейшая амнистия для всех должников, подпавших *атимии*, т. е. лишению гражданских прав, выкуп и возвращение проданных на чужбину должников, сложение долгов, облегчение их уплаты и новые упорядоченные правила залогодательства – вот что составило часть законодательства Салона, за которой и до позднейшего времени сохранилось название «*великого облегчения*» (сисахфии). Остальная часть касалась будущего устройства тех же отношений между бедным и богатым классом: воспрещала займы, обеспечиваемые личностью самого должника, и таким образом уничтожала рабство за долги. Это было прочным исцелением страшного общественно-го недуга, и в последующей истории Аттики нет ни одного такого случая, когда бы спокойствие страны нарушалось какими бы то ни было экономическими смутами, столь обыч-

ными в других странах.

Законодательство Солона

Но этого «великого облегчения» было недостаточно для исправления всех зол, вкравшихся в общественное устройство Аттики, а между тем срок полномочий Солона, как архонта, приближался. Он сознавал, что та *дисномия* (т. е. путаница в законе), которую он видел вокруг себя, составляет великое зло, и легко мог бы захватить власть в свои руки для благой цели – приведения в действие задуманной им законной реформы. Но он не захотел показать своим согражданам дурной пример и сложил с себя полномочия архонта в законный срок. Тогда новые правители, высоко ценя заслуги и скромную умеренность Солона, предложили ему ввести в государственную жизнь ту *эвномию* (равновесие закона), которая была его идеалом, другими словами, предложили ему дать государству новое устройство.

Общественная реформа Солона

Это новое устройство вполне соответствовало условиям аттического общественного быта. Солон отлично сознавал разницу между аристократией в Аттике и тем же сословием в других государствах Греции. Аттическая аристократия

была главным образом аристократией имущественной, а потому законодатель и выдвинул на первый план *имущество* как основной принцип для разделения общества на сословия, при введении в народ новой организации. Он удержал существовавшее до него (вероятно, еще Драконтом введенное) разделение на сословия по среднему доходу с урожая: на *пентакосиомедимнов* (получавших до 500 медимнов зерна от жатвы), на *всадников, зевгитов* (крестьян-собственников, обрабатывавших поле парой волов) и *фетов* (поденщиков). Последние не были обложены никакими податями; первые три класса обложены соответственно своим доходам; но все, и имущие, и неимущие, одинаково были обязаны воинской повинностью на защиту отечества. Очень разумно он распределил каждому честь по заслугам. В архонты (ежегодно избиралось 9 правителей) могли быть избираемы только те, которые были обложены высшим размером податей; им собственно и надлежало руководить делами – политикой, войной и внешними отношениями, культом и судом. Первый из архонтов, *эпоним* (его именем обозначался год его правления), председательствовал в совете и в народном собрании; архонт *полемарх* заботился о внешних отношениях государства; третий архонт, *басилевс* (царь), наблюдал над служением богам; остальные шесть архонтов, *фесмофеты* (законодатели), заседали в судах. Кроме архонтов был образован *совет* из выборных граждан: каждая из четырех *фил* или округов, на которые была разделена страна, ежегодно избира-

рала в этот совет по 100 человек; выборы членов в этот совет четырехсот могли быть производимы только гражданами трех первых классов и только из трех первых классов. Эта корпорация занималась текущими делами и подготавливала дела, которые подлежали решению *эκκλeσιu* — всенародного собрания. Народ в Аттике впервые предстал в виде полновластного правителя, как высшая и последняя инстанция, которой и высшие сановники должны были отдавать отчет в своих действиях.

Сомнительно однако же, чтобы во времена Солона *фeты* уже принимали участие в этих собраниях. В первое время по учреждении *эκκλeσιu* это собрание созывалось нечасто, в среднем раза четыре в год, и это было весьма разумно, т. к. не политика, а работа для приобретения насущного хлеба должна составлять главное занятие и главный интерес народа. Притом вначале эти собрания не носили такого бурного характера, как впоследствии.

О Солоне известно, что он говорил с народом в спокойном положении, до половины укрыв руку одеждой. Собрания эти собирались на особом месте, которое каждый раз особо освящалось для этой цели; открывалось собрание, как и в Спарте и всюду в Греции, жертвоприношениями и молитвой. И старости воздавались почести — глашатай предлагал сначала говорить тем, кому было более 50 лет. По натуре этого живого, легко воспламеняющегося народа ионийского племени и по самому духу подобного рода государствен-

ных учреждений, эти собрания здесь очень скоро приобрели более оживленный характер и получили большее значение, нежели народные собрания в Спарте и где бы то ни было у дорийского племени. Солон считал, что он дал народу достаточно власти; он позаботился и о том, чтобы народ воспитать, и с этой целью предоставил в его руки *судебную расправу* как наиболее близкое народу дело. В этом смысле и ради этой цели ежегодно из граждан, переступивших 30-летний возраст, избиралось по жребию 4 тысячи человек в распоряжение фесмофетов, и большее или меньшее их количество призывалось в суд для присутствия в качестве присяжных при тех судебных процессах, которые были сопряжены с лишением подсудимых жизни, имущества или гражданских прав. Они приносили общую клятву при вступлении в исправление своих важных почетных обязанностей, а те из них, которые были призваны произносить договор в том или другом случае, произносили еще особую клятву перед началом каждого судебного разбирательства. Особенное значение этому народному судилищу, *гелее*, придавало то, что перед его лицом и сами архонты, до своего вступления в должность, должны были выдерживать некоторого рода *испытание (докимасию)*, касавшееся их прав, их нравственной чистоты, оказанных ими воинских заслуг и выполнения ими иных гражданских обязанностей; точно так же и по окончании своего года службы архонты должны были перед тем же учреждением отдать отчет (*эвтину*) в своей деятельности.

Круг деятельности этого суда вначале был не чрезмерно велик, в отдельных общинах страны были свои деревенские судьи для менее важных дел, и все жалобы, касавшиеся решения каких бы то ни было тяжб, должно было всегда приносить сначала перед третейским судом.

Законодатель старался сохранить из старины все, что было возможно удержать. Так, уцелело старое судилище, которому подлежали уголовные преступления – древний *ареопаг*. Архонты, окончившие свою службу, следовательно, люди, занимавшие в государстве высшее положение, вступали в это высшее государственное учреждение, полномочия которого были в значительной степени расширены, так что он получил даже некоторое политическое значение. Современники Солона на общий государственный строй смотрели не как на нечто механически созданное, не как на своего рода страховое общество, а как на нечто жизненное, священное, а потому Солон и его приверженцы, хорошо зная натуру человека, отлично понимали, что для правительства и его чиновников недостижимо многое из того, что может иметь серьезное значение для всего состава населения. Вот почему ареопагу было поручено известного рода наблюдение над жизнью граждан, и притом он был облечен неограниченной карательной властью против всех нарушителей основных нравственных законов – против ленивых, неблагодарных или всяких людей зорного поведения. В то же время ареопаг был и хранителем законов, и члены его – пожизненные, принадле-

жавшие к высшим и богатейшим классам общества, притом независимые от внешних влияний – придавали ему такой авторитет, что он мог, в случае нужды, кассировать решения даже народного собрания, либо отменяя их вполне, либо, по крайней мере, отсрочивая их выполнение на неопределенное время.

Всемирно-историческое значение законов Солона

Вот в общих чертах важнейшее из законодательства Солона. Из вышеуказанного ясно, что в этом народе жил иной дух, нежели в спартанском – дух более свободный и более возвышенный. Это законодательство явилось не как результат недоверия к подавленному народонаселению, оно было свободным и, можно сказать, радостным созданием истинной государственной мудрости. Солону удалось выработать для своего народа надежную законную основу, которая и в дальнейшей истории Афин постоянно оказывала благое влияние на народную жизнь. Для всей дальнейшей истории и для всей жизни народа важное значение имел тот факт, что такая громадная органическая реформа была произведена Солоном законным путем – путем свободного соглашения, без всякого кровопролития, без всякого захвата власти и насилия. В этом смысле Солон гораздо более Ликурга достоин всемирно-исторического имени. В виде дополнения или

прибавления к законодательству Солона приводят известное количество нравственных изречений и поучений, будто бы тоже исходящих от Солона, вроде общеизвестных «не издевайся над мертвыми», «перед лицом народа всегда говори правду» и т. д. Возможно, что среди деревянных таблиц, хранившихся в Акрополе, на которых и было написано законодательство Солона, одна таблица и была посвящена изречениям такой практической мудрости. Но приписываемое Солону известное положение, по которому каждый гражданин при междоусобиях должен был открыто высказаться в пользу той или другой партии, – это положение, конечно, принадлежит более ранней эпохе возрождения демократии.

Тирания Писистрата и его сыновей. 538 г. до н. э.

Хотя Солон и сумел отринуть от себя всякий помысел о захвате верховной власти в свои руки, однако и его государственное устройство не избавило Аттику от временной тирании. Один из молодых евпатридов, *Писистрат* из дома Нелеидов, опираясь на свои военные заслуги в борьбе с мегарцами и поддерживаемый диакриями, еще во времена Солона успел захватить власть в свои руки и дважды утрачивал ее и вновь захватывал, пока окончательно не удержал за собой (538–527 гг. до н. э.). Он утвердился во власти обычными средствами всех греческих тиранов – фракийскими наем-

никами, союзами с другими тиранами, Лигдамидом Наксосским и со знаменитейшим из всех Поликратом Самосским, колонизациями и приобретением новых земель. В то же время он поощрял развитие сельской культуры, любил окружать себя писателями и художниками. Он обратил особое внимание на устройство правосудия в деревенских общинах, которые часто посещал лично, и, по свидетельству Аристотеля, он был очень любим народом как правитель. Законы Солона он оставил неприкосновенными, насколько они не мешали его правлению, которое он удивительно умело и ловко умел примирить с быстро возраставшим могуществом народа. Он и умер правителем, и даже передал свою власть как вполне обеспеченное достояние своим сыновьям. Старший из них, *Гиппий*, пошел по следам отца, вступил в новые союзы, сумел даже поладить со Спартой, но убийство его брата, *Гиппарха*, который пал жертвой частной мести двух граждан, Гармодия и Аристокитона, поколебало спокойствие Гиппия и вынудило его к суровым мерам, которые значительно ему повредили.

Падение тирании. 510 г. до н. э.

К тому же под власть дома *Нелеидов*, к которому принадлежал Писистрат, давно уже подкапывались потомки другого знатного рода – *Алкмеонидов*, который был изгнан после неудачной попытки Килона захватить власть и учредить в

Афинах тиранию. Эти Алкмеониды деятельно работали в изгнании, подготавливая гибель Писистратидам. Они вошли в отношения со жрецами Дельфийского оракула, склонили их на свою сторону, а через них воздействовали и на Спарту. Два раза они пытались свергнуть Гиппия, но безуспешно. На третий раз, когда счастливая случайность предала в их руки детей Гиппия, они добились своей цели, Гиппий бежал, а Алкмеониды возвратились на родину (510 г. до н. э.).

Но случилось совсем не то, чего ожидали все греческие государства. Аристократическая форма правления не была восстановлена. Напротив, наступил резкий поворот в сторону чистой демократии, и главным деятелем в этом смысле явился один из Алкмеонидов, *Клисфен*, способствовавший изгнанию тирана Гиппия. Из каких побуждений он действовал, теперь узнать невозможно. Известно только, что он восстановил солоновское государственное устройство и придал ему новую форму в дальнейшем развитии демократии.

Демократия. Клисфен

План реформ был задуман Клисфеном широко и требовал продолжительного времени для своего осуществления. Вместо весьма древнего деления страны на 4 филы, при котором евпатриды имели полную возможность оказывать сильное местное влияние, Клисфен ввел деление на 10 фил, и каждая из них ежегодно избирала по 50 членов в

совет, по 500 гелиастов в народное судилище, и таким образом совет состоял уже из 500 членов, а *гелиея* из 5 тысяч граждан. За смелым нововведением последовала сильная реакция. Предводитель противной партии, Исагор, призвал спартанцев на помощь; спартанское войско под предводительством царя Клеомена заняло афинский Акрополь. Но самосознание народа за это время успело настолько возрасти, что народ не допустил иноземного вмешательства в свои дела. Произошло общее народное восстание, и небольшое спартанское войско вынуждено было капитулировать. После этого афиняне стали опасаться мести со стороны своей грозной соседки Спарты, и эти опасения были настолько велики, что одно время афиняне стали даже хлопотать о помощи со стороны Персии и обращались за этим даже к ближайшему персидскому сатрапу, в Сарды. Но опасность вскоре миновала: наступавшее на Аттику спартанское войско вынуждено было вернуться, потому что между его начальниками начались раздоры и дело дошло до полного нарушения воинской дисциплины. Однако спартанцы все же не думали бросать дела, и сильная партия между ними домогалась восстановления тирании в Афинах при спартанской помощи.

Многим такая форма правления в соседнем государстве казалась более выгодной, нежели народное правление, при котором ловкий и смелый демагог мог легко увлечь за собой толпу. Гиппий даже был приглашен в Спарту. Но при обсуждении вопроса о вмешательстве Спарты на общем собра-

нии пелопоннесских союзных государств против этого восстали многие, и преимущественно коринфяне. Их оратор начал свою речь горячим вступлением: «Небо и земля – на месте ли вы?!» и доказал всю противоестественность заступничества за тиранию со стороны государства, которое никогда бы не допустило ее у себя. Спартанское вмешательство, таким образом, не состоялось, и демократический принцип окончательно восторжествовал в Афинах.

В отдельных *демах* или деревенских округах Аттики, которых прежде насчитывали 100, а затем уже и 190, развилось самоуправление в самом широком смысле слова. Каждые 10 демов составили филу. Тогда же было допущено еще одно крупное нововведение: архонтов стали замещать не по выборам, а по жребию между теми, кто добивался архонтства или имел на него права. Против попыток восстановления тирании изобрели весьма своеобразную меру – *остракизм* (суд черепков, если можно так выразиться). Ежегодно народному собранию, иногда по представлению совета, иногда по инициативе частного лица, задавался вопрос: «А не имеется ли основание для изгнания такого-то гражданина?», т. е. не питает ли такой-то затаенного желания быть тираном, или даже – не настолько ли он влиятелен, что такой соблазн может прийти ему в голову. Если собрание отвечало на этот вопрос утвердительно, то вопрос пускали на голоса, т. е. выцарапывали имя опасного гражданина на черепках, и если таких черепков набиралось 6 тысяч, то участь гражданина была ре-

шена: он изгонялся из страны, хотя это изгнание не было сопряжено ни с потерей чести, ни с конфискацией имущества. Изгнание остракизмом осуждало на 10 лет пребывания вне страны, но это было простой формальностью, и по решению народа он мог быть в любое время вызван обратно.

Общая картина жизни эллинов около 500 г. до н. э

Эллинская колонизация

Так образовалось в Средней Греции, на бойком и удобном для отношения с соседними странами месте новое государство, выросшее из совершенно иной основы, нежели Спарта, и быстро двигавшееся по пути развития. Образование этого государства было важнейшим политическим событием двух последних столетий. В течение этого времени значительно изменилась и вся жизнь того народа, который уже давно был известен под одним общим названием *эллинов*. С быстротой, беспрецедентной в истории человечества, эллины овладели почти всем Средиземным морем и усеяли его берега и острова своими *колониями*.

Финикийцы, несколько ослабленные уже сложившимися на Востоке историческими условиями жизни, всюду были вынуждены уступать место этому более способному, бо-

лее многостороннему, более энергичному народу; и всюду возникали новые своеобразные города, отличавшиеся таким быстрым ростом населения, что приходилось организовывать новые колонии. В этом величавом, всепобедном шествии одинаково принимали участие все греческие племена, и именно в этих разнообразных поселениях и выросло то общеэллинское национальное чувство, которое обособляло греков от чуждых им или *варварских* племен, среди которых им приходилось селиться. Побуждения к этим беспрерывно возобновлявшимся и громадным выселениям были различны. Одних вынуждала к выселению с родины действительная нужда, других победа противной им партии в сильно разгоревшейся повсюду борьбе партий, третьих увлекала вдаль страсть к приключениям, а иногда и само правительство руководило выселением части граждан, чтобы избавить города от избытка населения. Очень немногие из этих выселений производились вследствие вынужденного, насильственного разрыва с отечеством. Переселенцы обычно захватывали с собой головню из родного очага и ею зажигали свой новый очаг на месте нового поселения, и названия площадей и улиц родного города возрождались в его выселке, и начинались из нового города отправления почетных посольств на празднества родного города, и обратно посольства из старого отечественного города на праздники в честь божеств нового поселения. Но тем и ограничивались обоюдные связи, выселенцы искали на чужбине независимости и всюду находили ее. Что-

бы дать понятие об этих отношениях между метрополией и колониями, припомним, что один город Милет в течение полутора столетий выделил из себя 80 колоний в разные стороны, и эти колонии не составляли ни милетского царства, ни милетского союза городов, и каждая из них существовала сама по себе и жила своей жизнью, хотя и сохраняла дружественные отношения к своим согражданам и землякам.

Крайним пунктом эллинской колонизации на западе была *Массалия* в стране галлов, недалеко от устья Роны. В южной Италии и Сицилии эллинские колонии составляли как бы особую область. Здесь им приходилось соперничать с западными потомками финикийцев (карфагенянами), этрусками на северо-западе Италии и другими различными народами, промышлявшими морским разбоем. Зато уж в восточной половине они были полными хозяевами Средиземного моря и смежных с ним морей. Их колонии восходили до отдаленнейших берегов Черного и Азовского морей, на восток простирались до самой Финикии и острова Кипра и на юге, в Египте, ими была заселена прекрасная местность *Киренаика* — к западу от устьев Нила. Невозможно перечислить все эти эллинские колонии, заглянуть в их историю, любопытную и поучительную; но нельзя не заметить, что последствия этой колонизационной деятельности были в высшей степени важны: новая культура неудержимо пускала свои корни всюду, от Понта Евксинского до отдаленных берегов Иберии, охватывая все обширное пространство берегом Среди-

земного моря.

Народная жизнь. Литература

Как ни разнообразно складывалась жизнь этого народа, связь всех его племен всюду была крепка, поскольку все они в одинаковой степени обладали одним общим сокровищем. Это сокровище был единый, общий для всех *язык*, который, хотя и делился на различные диалекты и говоры, все же был всем одинаково понятен во всех концах эллинского мира, точно так же, как впоследствии всем эллинам доступной и понятной сделалась общая им греческая литература. Гомеровские песни издавна стали всенародным, национальным достоянием, и притом драгоценнейшим, их уже давно закрепили в писаной редакции, и на великих законодателей Греции – Ликурга и Солона – указывают как на ревностных распространителей гомеровской поэзии, а на Писистрата – как на составителя лучшей и наиболее тщательной редакции гомеровских песен. Эти известия важны, потому что доказывают, какая тесная взаимная связь существовала у греков между их литературными и государственными стремлениями и успехами. Несравненные произведения Гомера, в свою очередь, породили богатую *эпическую литературу*, в виде продолжений и подражаний его поэмам, тем более, что для этой литературы уже готов был строго выработанный и как бы созданный для нее размер – гекзаметр. Из эпической

поэзии при посредстве некоторого изменения стихотворного размера появилась новая поэтическая форма – *элегия*, в которую было вложено и новое содержание: в элегии поэт от простого эпического рассказа переходил в область чисто субъективных ощущений, и таким образом открывал поэтическому вдохновению новые необъятные горизонты. Новый элегический размер служил формой то для нежной жалобы, то для спокойного созерцания, то для произведения сатирического оттенка; одной из подобных элегий Солон побудил своих сограждан к завоеванию Саламина. Тот же поэтический размер, несколько сокращенный, послужил современнику Солона, *Феогниду из Мегары*, для эпиграмм, направленных против возникающей демократии. Другой отличный знаток языка и приятный поэт, *Архилох Паросский*, изобрел другой стихотворный размер – *ямбический* стих как форму, удобную для выражения возбужденного чувства – гнева, насмешки, страсти. Этим стихом воспользовались для новых поэтических образов поэты богатого талантами острова Лесбоса *Арион*, *Алкей* и поэтесса *Сафо*, и воспевали им вино и любовь, воинственное возбуждение и страстную борьбу партий. Немногие из поэтов, подобно *Анакреонту Теосскому*, занимались своим искусством под покровительством тиранов. Большинство этих смелых мыслителей были в своих произведениях враждебны тирании, которая опиралась в своих стремлениях на низшие слои народа. Может быть, именно поэтому и поспешили Писистратиды принять под

свое покровительство *драму*, эту младшую, но важнейшую из отраслей поэзии, которая зародилась на почве Аттики, богатой духовной жизнью.

Драма в первоначальной форме развилась из тех хоровых песен, которые пелись в честь бога вина *Диониса* на его веселых празднествах. Предание называет *Феспиду* из аттического демоса Икарии первым виновником появления новой поэтической формы. Ему будто бы пришла в голову мысль внести в хоровую песнь элемент живого действия; для этой цели он стал и хор, и главного запевалу (корифея) хора облачать масками, хоровую песню обратил в песенный диалог между корифеем и хором; в основу же этих диалогов клали одну из множества легенд о Дионисе.

Искусства

Одновременно с литературой стали быстро развиваться и другие пластические искусства, к которым особенно благосклонно относились тираны, помогая их развитию и поощряя художников. Внимание этих правителей было обращено преимущественно на сооружения, пригодные для общественной пользы – дороги, водопроводы, бассейны, но они не пренебрегали и изящными, каждому бросающимися в глаза произведениями. И рост искусств в эту эпоху был так же поразительно быстр, как и рост литературы. С невероятной быстротой освободились они от уз ремесленности и цеховой

ограниченности. Раньше всех развилась *архитектура*, в которой блестящим образом проявился творческий гений эллинов.

Возможно, что до первых греческих зодчих и дошли смутные предания о громадных храмах, дворцах и гробницах египтян, но они не могли взять с них примера и пошли самостоятельным путем. Так, например, очень рано встречаются у греков два совершенно различных типа колонн, в которых восточные формы не только преобразованы и улучшены, но настолько самостоятельно усвоены, что в них проявляются даже характерные особенности двух главных греческих племен в виде двух стилей – *дорического* и *ионического*.

Рядом с архитектурой развивается и скульптура. Уже у Гомера упоминаются скульптурные произведения, изображавшие людей и животных, которые представлялись «как бы живыми». Но, в сущности, это искусство двигалось вперед очень медленно, и резец художника не скоро приучился побеждать технические трудности ваяния; однако даже те произведения греческой скульптуры, которые заканчивают собой ее первый период, например, известная фронтовая группа на храме Афины в Эгине, превосходят по общему духу произведения и по художественной живости своей все, что в той же области искусства успел создать Восток.

Религиозные воззрения эллинов

В религиозных воззрениях и мифах эллинов древнеарийские начала отступили на задний план. Боги обратились в олицетворения людей, которые и ненавидели, и любили, и мирились, и ссорились, и интересы их перепутывались точно так же, как у людей, но только в ином, высшем мире – идеальном отражении низшего. Благодаря такому обороту в понятиях народа появлялась опасность слишком большого принижения, материализации божества, и многие из передовых людей Греции это отлично понимали. Неоднократно проявлялось стремление очистить религию от слишком грубых представлений о божестве, облечь эти представления в некоторый туман таинственности. Именно в этом смысле были важны некоторые местные культы, из которых два имели громадное значение для всей Греции, а именно культ божеств, покровительствующих земледелию, Деметры, Коры и Диониса в Аттике – в *Элевсине*, известный под названием *Элевсинских таинств*. В этих таинствах внушительным образом связывалось мимолетное, ничтожное существование каждого смертного с явлениями высшего порядка, недоступными человеческому знанию и пониманию. Насколько известно, здесь наглядно представлялось в общей картине цветущее время жизни, ее увядание, смерть и пробуждение к новой загробной жизни, о которой, собственно говоря, гре-

ки имели лишь весьма ограниченное представление.

Не меньшее значение имел и культ бога *Аполлона в Дельфах*. Это небольшое местечко, заброшенное в горах Фокиды, в середине VI в. до н. э. прославилось оракулом, прорицания которого почитались за волю вдохновлявшего его бога. Важным шагом вперед по пути развития религиозных верований следует считать уже то, что здесь Аполлон, бог солнца, – следовательно, олицетворявший собой одну из сил природы – в народном представлении обратился в божество, способное к откровению, изрекавшее свою волю устами жрицы, которую сажали на треножник над щелью в скале, постоянно испускавшей серные пары. Отуманенная ими и приведенная в иступленное состояние, жрица становилась действительно произвольным орудием бога или его ловких служителей. Тысячи простолюдинов и небогатых людей постоянно толпились в Дельфах, а цари, правители и вельможи беспрестанно присылали туда своих послов с запросами к оракулу. Впоследствии, когда некоторые города, а потом все большее их число, учредили в Дельфах сокровищницу и надежный склад своих богатств и драгоценностей, этот город обратился в очень важный центр торговых оборотов. Дельфийские жрецы, к которым отовсюду приходили с вестями и запросами, конечно, должны были очень многое знать и пользовались огромным влиянием на народ. Но к их чести следует сказать, судя по их немногим дошедшим изречениям, что они в значительной степени способствовали распростране-

нию в народе более чистых нравственных воззрений. Геродот рассказывает известный случай со спартиатом Главком, который, утаив чужое добро, осмелился обратиться к оракулу с вопросом, может ли он присвоить себе деньги принесением ложной клятвы. Оракул сурово отвечал, воспрещая всякую клятву, и грозил Главку полным истреблением его рода. Главк вернул утаенное им богатство, но было уже поздно: его колебание было вменено ему в проступок, и боги жестоко покарали его, искоренив его род в Спарте. Этот пример, приводимый Геродотом, ясно указывает на то, что нравственные воззрения этого времени были выше, нежели во времена Гомера, который с удивительной наивностью восхваляет одного из князей за то, что выдвинулся «воровским искусством и клятвами, которые внушал ему сам бог Гермес».

Наука

Нетрудно уяснить такой значительный нравственный прогресс, припомнив, что в это время и наука уже заявила о своем существовании и стала, смело минуя мифы, искать начала всему существующему. То был именно век, впоследствии прозванный «веком 7 мудрецов»; история науки указывает в это время на ионийца *Фалеса*, на *Анаксимена* и на *Анаксимандра* как на первых ученых, которые наблюдали природу, разумно созерцая и не уносясь в область фантазии, и стара-

лись заглянуть в самое существо окружающего их мира, отрицая навязываемые преданием религиозные воззрения сограждан.

Пробуждение национального чувства. Олимпийские игры

Все вышеприведенное указывает на значительную общность мысли и ощущения в греческом мире, которая приравнивала до известной степени всех эллинов и придавала им нравственное единство в то время, когда они, стремясь во все концы известного им мира, всюду основывали свои поселения. Но нигде не упоминается в это время ни политического, ни национального центра, к которому бы все эллины тяготели. Даже Олимпийские игры в честь Зевса не служили таким центром, хотя уже успели приобрести большое значение и сделаться достоянием всего эллинского мира. Всем эллинам одинаково доступные, они уже давно утратили свой местный характер; по *Олимпиадам*, т. е. четырехлетним промежуткам между играми, велось летосчисление во всей Греции, и тот, кто хотел посмотреть Грецию или себя показать и прославиться на всю Грецию, тот должен был явиться на Олимпийские игры.

В течение пяти дней праздника на равнине Алфея кипела свежая, пестрая и удивительно разнообразная жизнь. Но и здесь главным оживляющим элементом было соперничество

различных городов и местностей, выказывавшееся в более мирной форме в эти священные дни, тотчас по прошествии их готовое перейти в ожесточенную борьбу. По *амфиктиониям* — довольно оригинальному политико-религиозному учреждению — видно, в какой степени эллины в этот период времени были способны к единению. Это название обозначает «союз окрестных городов» — окрестных по отношению к святилищу, и важнейшей из амфиктионий была та, центром для которой служило святилище Аполлона в Дельфах. Этот союз дважды в году собирался на собрания, и постепенно в его состав вошло довольно значительное количество племен и государств: фессалийцы и беотийцы, дорийцы и ионийцы, фокейцы и локры, сильные и слабые по своему политическому значению. На этих собраниях приходили к общим решениям, которые и выполнялись общими силами, в тех случаях, когда священнослужению грозило какое-нибудь нарушение спокойствия или выказанное кем-либо непочтение святыни требовало мести и искупления. Но участие в этом союзе не препятствовало войнам и раздорам между городами, принадлежавшими к одной из амфиктионий. Для этих войн (а ими переполнена история Греции) существовали, впрочем, известные гуманные правила, по которым, например, нельзя было доводить войну до крайнего разорения входившего в амфиктионию города, нельзя было отводить у него воду и морить его жаждой и т. д.

Эллинская свобода

Итак, главным жизненным элементом этого мира маленьких общин была свобода движения, и любовь к этой свободе была настолько велика, что ради нее каждый из эллинов был готов пожертвовать всем. Восточные соседи греков в Азии, не имевшие понятия о жизни таких маленьких центров, смотрели на них с пренебрежением и смеялись над их постоянными спорами и усобицами. «Чего они ссорятся? Ведь язык у них у всех один – послали бы послов, и те уладили бы все их несогласия!» – думали персы, не постигавшие, какая громадная сила заключалась в этой самостоятельности каждого отдельного гражданина, не терпящей никаких стеснений. Историк Геродот, которому, напротив, была совершенно ясна разница между мировоззрениями эллинов и азиатов, т. к. он родился подданным персидского царя, чрезвычайно высоко ставит то, что он называет *«равенством всех людей на рынке»*, т. е. равенство граждан перед законом, в том виде, как оно установилось после изгнания тиранов. Кому не известен его рассказ о разговоре Креза с Солонем, так превосходно рисующий идеалы эллинов лучшего времени? Крез, показав Солону все неисчислимы богатства, которыми была переполнена его сокровищница, спросил: «Видел ли на свете людей, счастливей его, Креза?» На это великий законодатель Аттики отвечал, что «самых счастливых

людей не бывает между смертными, но, насколько это выражение может быть применимо к смертному, он мог бы указать Крезу на одного из своих сограждан, как на одного из самых счастливых людей на свете», и затем рассказал царю его простую, незамысловатую историю. Таким счастливецом, по мнению Солона, был афинянин Телл, всю жизнь работавший и приобретающий на себя, а не на деспота. Он ни богат, ни беден, у него – столько, сколько ему нужно, у него и дети, и внуки, которые его переживут, в борьбе не за Элладу, а за свой родной город, в одной из небольших усобиц с соседним городом, Телл умирает с оружием в руках, и его сограждане воздают ему честь по заслугам. Они погребают его на том месте, где он пал, и погребают на свой общий счет...

И наступил час, когда эту силу азиатам предстояло испытать в громаднейшей войне – в войне, которую следует признать одной из великих героических эпопей всемирной истории и которая, конечно, представляет совсем иной интерес, нежели опустошительные походы Ашшурбанапала и Навуходоносора.

Книга IV. Век Александра Великого

Глава третья Царство Александра Великого

Новая правительственная система

Немногое известно о тех трех годах, которые Александр провел на отдаленном северо-востоке Азии, более или менее вдали от греков; но и это немногое убеждает в том, что он в это время уже приступил к чрезвычайно важной реформе, которая, при новом положении вещей, была необходима. Нелегко было привести в исполнение задуманное и при этом Александру пришлось выдержать тяжкие испытания и пережить весьма опасные перевороты.

Александр, царь Азии

Проблема заключалась в превращении македонской царской власти в абсолютную монархическую власть азиатского владыки. Государство в том виде, в каком Александр получил его от своего отца Филиппа, несло в себе еще чер-

ты определенной патриархальности. Царь, как первый между равными, принимал участие в пиршествах своих вельмож, носивших даже официальные титулы «товарищей» (*гетайров*) его, среди которых ближайšie к царю лица отличались еще названием «друзей» (*филой*). То, что случайно известно об этом кружке приближенных к царю лиц, удостоверяет, что они на своих сходках проводили время почти так же, как гомеровские герои в своем лагере под стенами Илиона. Все важнейшие дела обсуждались в государственном совете, который носил название «*совета друзей*», и если виден постоянно Александр во время битв на коне и во главе конного отряда македонской знати, то это было не военной случайностью, а установившимся обычаем. Способ обращения царя со знатью был тем более свободным, что Александр был еще молод, а между старшими его военачальниками было много таких, которые отличились еще при Филиппе и потому были твердо уверены, что они необходимы. Надо предполагать, что ввиду общей борьбы с варварским миром, македонский элемент значительно сблизился с греческим. Александр со своей стороны не допускал между ними никакого различия. Но, конечно, в ближайшем будущем можно было ожидать, что этот македоно-греческий элемент придет в столкновение с новой политикой царя, тем более, что он был вынужден необходимостью избирать для управления обширным царством людей из среды покоренных им народов. Он был тем более к тому вынужден, что никто из

македонян и эллинов, видимо, не подумал изучить персидский язык или хоть сколько-нибудь ознакомиться с особенностями покоренных стран и народов.

Александр же, напротив, с самого начала относился к побежденным мягко: он тотчас же привлек варваров – и туземцев различных областей, и персов – к участию в управлении, везде пощадил национальные учреждения, даже сам заботился об их восстановлении, например, вступив в Вавилон, способствовал возобновлению древневавилонского храма Баала. Постепенно македонским сановникам и гордым, вольнолюбивым эллинам пришлось убедиться в том, что дело принимает более серьезный оборот... Уже во время пребывания в *Мараканде*, столице *Дрангианы*, т. е. на крайнем востоке, Александр решил привести в исполнение новую систему отношений к окружающим, состоявшую прежде всего в том, чтобы на больших праздниках и приемах при дворе и македоняне, и греки, и новые его подданные становились вместе. Затем он повелел, чтобы на будущее при всех придворных торжествах, например, во время приема послов, церемониал был для всех одинаков: и греки, и македоняне, приветствуя царя, должны были, по варварскому обычаю, преклонять перед ним колена. Это было необходимо потому, что различие в отношениях царя к его подданным было непостижимо для азиатов, и он, очевидно, должен был бы пасть в их глазах, если бы ближайшие к царю сановники отказались воздать ему эту почесть; но это сильно

возмутило македонян и греков, как и все те внешние формальности, за которыми следовал большой внутренний переворот. Можно себе представить, как невыносимо было это новое требование Александра для македонских сановников! Даже греческие софисты, давно привыкшие ко всем видам лести и всегда готовые кадить власти, все же возмутились против нововведения, которое равняло их с «презренными» азиатами.

Заговоры. Недовольства знати

В войске появилась влиятельная партия недовольных и наступил очень опасный кризис, который выразился в том, что в короткое время обнаружили два заговора против жизни Александра, и в том, что недовольные элементы, проявившиеся в это время, сообщали свою окраску событиям этой эпохи. Все утверждали в то время, что Александр забылся на той высоте, на которую был вознесен своим изумительным счастьем, что он действительно превратился в азиатско-го деспота. Такое заключение совершенно неверно. Результаты, которых до этого времени успел достигнуть Александр, возможны только для ума, способного стать выше всех подобных, низменных увлечений, для ума ясного и холодного, для человека, в высшей степени одаренного самообладанием. А что таким был ум Александра и что он таким оставался до конца жизни – в этом не может быть никакого сомне-

ния. Так, например, всеми уже признано, что в отношениях с женщинами он был полон самообладания и вообще был холоден, и в значительной степени именно на этих свойствах основывалось то беспримерное личное преобладание Александра, которому этот совсем еще молодой человек умел подчинить свое разноплеменное войско. Но в его среде были люди, которым казалось невыносимо, что он первенствовал перед всеми не только как царь, но и как человек; и хотя частности этих отношений не вполне достоверны, однако наверняка известно, что *Фило́та*, сын Пармениона, начальник отборного отряда знати, и греческий философ *Каллисфен*, племянник Аристотеля, наставника Александра, были наиболее выдающимися в среде недовольных царем. Надо предполагать, что Александру в это время грозила большая опасность, и это доказывается тем, что Фило́та был приговорен к смерти военным македонским судом по обвинению в тяжком преступлении: он был уличен в том, что знал о существовании заговора против жизни царя и не донес об этом; а после того, как Фило́та был казнен, Александр приказал тайно умертвить и Пармениона, который находился в Экбатанах при царской казне. Обе эти меры были, очевидно, вынужденными. И еще один из полководцев Александра пал в это критическое время, хотя и не состоял ни в каких отношениях с заговорами. Во время одного из пиршеств в Мараканде *Клит* – тот самый, который во время сечи под Граником спас жизнь своему государю – забылся до такой степени,

что стал громко и оскорбительно обсуждать деяния Филиппа и в личном споре с царем стал грозить ему рукой. Его вывели из зала, но он опять в него ворвался и, разгоряченный вином, в пылу гнева, продолжал свои издевательства. Тогда Александр вышел из себя, вырвал копье из рук ближайшего телохранителя и заколол Клита. В этом факте важен не его почти случайный трагический исход, а то, что ему предшествовало. Человек, поставленный во главе нового громадного царства, должен был полновластно править македонянами, эллинами и варварами, не спрашивая у ветеранов своего отца; другими словами, абсолютная монархия стала для царства Александра необходимостью. Рассказывают, что Александр после несчастного эпизода с Клитом приказал позвать к себе одного из философов, бывших в его свите, Анаксарха, по весьма естественному желанию найти себе утешение при тягостных обстоятельствах жизни в беседе с одним из этих мужей слова. Говорят, что Анаксарх сумел выйти из этого затруднения, дав ответ Александру совершенно в духе его новой монархии. «Не напрасно, – так сказал он царю, – древние ставили статую *дикэ* (права) рядом с тронем Зевса: что от него исходит, от высшего из богов, то и есть право; точно так же следует считать правым все то, что исходит от великого, всемогущего царя; так должен думать он сам, а за ним и все остальные люди».

Поход в Индию

Одно точно выяснилось для Александра из того противодействия, которое он встречал: он понял, что на Мараканде он еще не мог остановиться. Поход в Индию, в который он выступил летом 327 г. до н. э. из Бактр, многие считают фантастической прихотью Александра, а в сущности он был делом политической необходимости. Главным образом он был придуман Александром для персов, войска которых вошли в состав войска Александра. Он решился воскресить перед ними громадные предприятия их древних великих государей, Кира и Дария; завоевание прибрежных областей Инда должно было стать первым общим подвигом победителей и побежденных (30 тысяч персов были двинуты в этот поход), предводимых новым могущественным владыкой Азии, который и на войну, и на военную славу смотрел только как на средства достижения иных высших целей.

Положение Индии

Своеобразный мир, лежавший по ту сторону снежных вершин Гиндукуша, к подошве которого войско прибыло летом 326 г. до н. э., был до этого вовсе чуждым для греков и очень мало возбуждал их интерес. Только в новейшее вре-

мя, и то окольным путем научного исследования, Индия стала оказывать некоторое, впрочем, довольно второстепенное влияние на духовный мир западноевропейских народов. По научным исследованиям оказывается, что веков за двадцать до н. э. в долину Инда были выселены арийские племена. Древнейшие письменные памятники, из которых черпаются сведения об этом народе и его жизни в Пятиречье (Пенджабе) – *гимны Вед* или «Откровений» по своему духу напоминают гомеровский эпос; но там все роскошнее, причудливее и страдает отсутствием чувства меры, все служит живым отражением местной природы, в стране жаркой, обильно орошаемой водами, которые текут с высоких гор, окаймляющих горизонт.

Народ, потом придавший свое наименование всему полуострову, сложился здесь и здесь развил свои особенности: и воинственная знать, и трудолюбивый народ, и жреческое сословие, которое осталось в своих строго определенных рамках. Большая перемена произошла в среде этого народа, когда он, размножившись, перешел в долину Ганга и оттуда стал далее расселяться по полуострову. Противопоставляя себя темнокожему и слабому племени туземцев, которые были покорены без особенного труда, арийцы положили здесь начало резкому разделению на *касты* (*варны*, т. е. цвета), что, в свою очередь, привело к чрезвычайному усилению жреческой, или брахманской касты, которая из зародышей Вед развила свою особую теологию (и догматику, и этику),

представляющую собой смесь глубокомыслия с сумасбродством. Тягостный гнет, наложенный на народную жизнь разделением на касты и брахманской теологией, вызвал в VI в. до н. э. сильный переворот в виде быстро распространившегося учения *Будды* (буддизма). Буддизм вместо запутанного брахманизма, который налагал на человека узы при жизни и потом на бесчисленные мириады лет после смерти, противопоставил новое, правда, не особенно привлекательное, не особенно свежее и утешительное, но, по крайней мере, менее сложное мировоззрение и весьма успешно повел борьбу с грубыми предрассудками каст.

Битва при Гидаспе

Обо всем этом неизвестно из греческих источников ничего, потому что Александр не проник в ту часть Индии, где развивались эти мудреные религиозные учения. Он воспользовался соседскими распрями двух царей северо-западной Индии и при помощи одного из них, *Таксила*, своего сторонника, одолел другого, более могущественного. Этого царя из династии Пауравов – греки называют его *Пором* – он разбил в большом сражении, описание которого у Арриана напоминает яркие краски древнеиндийских героических эпосов; живо рисует этот автор и переправу Александра через реку, разлившуюся от тропических дождей (Гидасп), смерть царевича в схватке между конными разведчиками, выслан-

ными из обоих лагерей, и богатырскую борьбу с Александром этого рослого красавца, храброго царя Пора, который неутомимо мечет дротики в ряды неприятелей с высоты своего боевого слона, и этих громадных слонов, которые, подобно башням, стояли на известных расстояниях между рядами пехоты... Но вот, наконец, царь Пор, раненый и плененный, был приведен к Александру, и на его вопрос «как он желает, чтобы с ним обращались», отвечал с глубоким сознанием собственного достоинства: «по-царски». И он получил, подобно Таксилу, свое царство обратно из рук Александра уже как его вассал.

Установление границы государства

По дошедшим сведениям поход Александра окончился на берегах *Гифасиса*, одного из восточных притоков Инда, произвольно. Дальнейший переход через пустыню, отделявшую долину Инда от долины Ганга, и вообще продолжение войны оказались невозможными потому, что войско отказалось идти далее. Не входя в разбор того, как это могло случиться, заметим только, что Александр не пошел дальше Гифасиса, а затем, утвердив за собой всю страну вплоть до этой реки, исследовал Инд до самого моря, чем и доказал, что он и здесь вполне ясно понял и определил свою задачу. Эту реку он избрал естественной целью своего похода и назначил юго-восточной границей своего царства. Страна, по

эту сторону примыкающая к Инду, была обращена в особую сатрапию, а по ту сторону лежали дружественные Александру царства Таксила и Пора. На берегах Инда были заложены две Александрии, и Александр тотчас позаботился об установлении связующего морского пути между Индией и западными странами, т. к. сухопутное сообщение было и трудно, и медленно. Известно, что по сухому пути были доставлены в Индию весьма значительные транспорты и, между прочим, не менее 25 тысяч полных гоплитских вооружений и большое количество медикаментов, что указывает, как превосходно было при этой экспедиции все военное устройство. Для этих транспортов путь сократился бы втрое и вчетверо, если бы оказалось возможным установление морского пути.

Возвращение. 325 г. до н. э.

Александр поручил решение этой задачи очень способному человеку, одному из своих друзей юности, *Неарху*, начальнику одного из отрядов армии. И с той поры, как Неарх благополучно выполнил это трудное дело, он навсегда остался в его глазах главным авторитетом во всех вопросах мореплавания. Сам же Александр повел свое сухопутное войско обратно, к западным странам царства, через Гедросийскую пустыню, и выдержал 60-дневный страшно утомительный поход, сопряженный с большими потерями людей (325 г. до н. э.). И во всем царстве тотчас же стало ощущаться возвра-

щение царя и принятие им правления в свои руки. Тот зоркий и пронизательный взгляд, от которого ничто не ускользало, которого одинаково боялись и полководцы, и наместники, и слуги, прислуживавшие за царским столом, обратился теперь на своеволия и превышения власти, к которым подало повод двухлетнее пребывание царя на крайнем Востоке. И вот он стал обдумывать лучшие способы к правильному устройству и управлению царством, собранным в его руках завоеваниями.

Правительственная деятельность Александра

Последние три года своей жизни (325–323 гг. до н. э.) Александр почти исключительно посвятил этому славному делу. Несмотря на чрезвычайную скудость известных источников именно в отношении к этой деятельности Александра, все же имеется возможность хотя бы в самых общих чертах набросать то, что можно назвать правительственной системой этого великого государя. Собственно противодействия он не встречал уже нигде. В Греции известие о победе при Гавгамелах произвело двоякое действие: одни пришли к убеждению, что судьба изрекла свой последний приговор над дальнейшей историей Греции, и с этим примирились, другие, наоборот, нашли, что окончательное поражение персов должно повлечь за собой окончательную гибель всякой свободы, и потому восстали. *Агис*, сын Архидама, спартан-

ский царь, человек горячий и увлекающийся, стал во главе этого движения. Но вся затея, которую Александр в шутку называл «мышьиной возней», уже весной 330 г. до н. э. после поражения при аркадском *Мегалополе* была окончательно подавлена наместником Александра Антипатром. С другой стороны, и в самом царстве Александра высшие сановники вскоре на нескольких примерах убедились, что забываться нельзя, что наместник Александра – это не то, что сатрап Дария; и когда некоторые из них дерзнули набрать себе отряды наемников, этим деяниям был положен быстрый конец. Один из них, хранитель государственной казны Гарпал, провинившийся в разных недостойных деяниях, поспешил избежать непосредственно грозившей ему кары и спасся бегством в Грецию со своими сокровищами и отрядом набранных им наемников. Но лишь на весьма короткое время ему удалось найти приют в Афинах, которые в последний раз в этом случае воспользовались своим правом убежища... Последнее, что должен был сделать царь для успокоения царства, это предупредить всякую возможность восстания в войске, которое можно было отчасти совершенно правильно назвать «вооруженным македонским народом». Для достижения этой цели необходимо было соединение той высшей осторожности с непреклонной энергией, которыми отличался Александр, и почти систематически он стал осуществлять план, по которому этот самовольный организм должен был обратиться в деятельнейшее из всех орудий об-

щего, правительственного объединения.

Реформы

Уже в 330 г. до н. э. Александр отдал приказ набрать 30 тысяч мальчиков в Персии и смежных с ней областях для подготовки их к военной службе в будущем. По возвращении из Индии он женился на одной из дочерей царя Дария, Статире. Ближайшего из своих друзей, Гепестиона, он женил на ее младшей сестре, а некоторое количество своих вельмож и 10 тысяч македонских воинов переженил на азиатских женщинах. Этот союз двух наций был отмечен в Сузах блестящим празднеством. Первый шаг был прекрасно обдуман, и Александр с удивительно ясным, вполне реальным расчетом стал стремиться к тому, чтобы связать с новым порядком вещей возможно большее количество интересов. Другим его шагом по тому же пути было обнародованное Александром повеление всем царским кассам уплатить долги царскому войску, полную возможность к чему давало громадное накопление богатств в государственной казне еще со времен царей из рода Ахеменидов. Весьма любопытно известие, что этот царственный подарок пришелся не по душе многим из военачальников: они подумали, и, может быть, не без основания, что царь этой мерой желает только убедиться в том, кто именно из них живет слишком роскошно, и они даже медлили подавать свои счета. Но никто не угадал ближай-

шей цели этого мероприятия: Александр своим царским подарком хотел так повлиять на общее настроение в войске, чтобы задуманные им планы переустройства военной силы не встретили в ее среде слишком больших затруднений. Самой важной мерой в этом смысле была отставка 10 тысяч ветеранов и замена их таким же количеством новобранцев, причем солдаты-персы и другие азиаты были поставлены в ряды фаланги – этого национального македонского войска – и, следовательно, составили с македонянами смешанную военную силу. Когда эту меру предстояло привести в исполнение в Опесе (город на левом берегу Тигра) и об этом было объявлено македонским ветеранам, дело дошло до открытого бунта. Александр усмирил бунтовщиков с обычным своим умением, просто запретив посылать свои приказы в возмущившиеся части войска, и, поручив свою личную охрану и все необходимые служебные отправления азиатским частям войска, стал относиться к своим ветеранам вполне равнодушно, как бы порвав с ними все связи.

Несколько дней спустя бунтовщики уже раскаялись и как милости искали возможности вновь увидеть своего государя. Затем, щедро награжденные деньгами и почетными преимуществами, ветераны двинулись на запад, в отечество, и все остальные македоняне подчинились новым служебным порядкам, благодаря которым войско стало средой, уравнивавшей и сближавшей разнородные национальности, стало деятельным орудием объединения в общем государственном

строе. В то же время Александр позаботился о распространении знания греческого языка, которое, конечно, удобнее всего было совершить путем военной службы.

Положение царя

Царствовать – значит объединять, и невольно изумляешься, видя, как искусно Александр проводил в жизнь то, чего даже величайшие из персидских царей, такие, как Кир и Дарий I, достигали только чисто механически, путем стеснения свободы действий. Первой и важнейшей основой единений в этом царстве была личность самого царя, и в этом всецело выразилось то громадное различие, которое существовало между властью Александра и царственной властью Ахеменидов и всех других восточных владык. Своей личностью он придавал жизненное значение своей власти, в своей личности олицетворял царя. В вопросе о коленопреклонении как соблюдении древнеперсидского придворного церемониала он настоял на исполнении своей воли и сверх того еще приказал, чтобы в будущем эллины посылали к нему своих послов не иначе как в виде феоров, окруженных всей пышностью и облеченных характером посольств, отправляемых для участия в празднествах в честь божеств и храмов. Но он и не помышлял, да и самой природе его было бы это в высшей степени противно, о том, чтобы укрыться в тот мистический полумрак, среди которого персидские цари проводи-

ли всю свою жизнь. Напротив, на высоте величия Александр все же оставался всеоживляющим центром – душой всего государственного организма; он был не только прозорливее всех, но и деятельнее. Вот почему он уже очень рано стал пользоваться огромным авторитетом. Этим он был обязан тому редкому соединению качеств, которые в общем и составляли преобладающее величие Александра, столь неудержимо покорявшее ему всех еще задолго до начала его побед. Он был молод и одарен самой счастливой наружностью и сложением; неутомим в беге и во всех иных упражнениях греческого гимнастического искусства. После всех тягот дня, проведенного в битвах, вечером ли, ночью ли, он уже снова был на коне, чтобы лично руководить преследованием неприятеля. Он, подобно Ахиллу в гомеровских песнях, был и по личному мужеству, и по безумной храбрости первым в рядах такого войска, в котором храбрость и жажда славы были развиты в высшей степени. Зоркий глаз был в то время более необходим полководцу, нежели сейчас, но очень многие зоркие глаза немногое умеют видеть, а этому царю был присущ такой взгляд, от которого ничто не могло укрыться. Известный анекдот из юности Александра об усмирении того дикого фессалийского коня, знаменитого Буцефала, впоследствии несшего его на себе к победам, уже характеризует этот здравый, острый взгляд Александра. Еще будучи юношей, он уже способен был подметить в степном жеребце то свойство, которое было упущено из виду опытными знатока-

ми коневодства. Ту же верность взгляда Александр постоянно проявлял и впоследствии, даже в весьма затруднительных положениях, то в выборе деятелей, пригодных для выполнения его предначертания, то в удачном выборе времени для выполнения каждого задуманного им дела. При своей чрезвычайной храбрости он еще особенно привлекал к себе почти суеверное пристрастие своих воинов тем, что успевал видеть больше, чем все другие, а потому и больше, чем все его окружающие, способен был понимать. Так, например, рассказывают, что после победы он первым являлся осматривать раненых и нередко скорее и лучше самих врачей умел оказать им помощь. Этой зоркости и верности взгляда Александра большой помощью была его замечательная память. Особенно же замечательно, что он, этот юноша, этот «мальчик Александр», как называли его в насмешку эллинские патриоты, пока не показал им своей мужественной силы в полном ее развитии, не подчинился влиянию какой бы то ни было страсти и ни одной из них не дал отвлечь себя в сторону. Казалось, что ему была известна только одна страсть — неутомимая деятельность. Он ощущал потребность в обществе, даже в дружбе, как это доказывается непринужденностью его отношения к своим полководцам, вопреки тому персидскому церемониалу, которого он придерживался только для торжественных приемов. Современники рисуют его обычно мягким, ласковым, занимательным, даже остроумным в беседе, но в гневе он бывал ужасен. Можно себе

представить, как необъятна была подвижность этого человека, который должен был одним взглядом окидывать Афины, Египет, Македонию и Индию и который никогда не отказывался от бесчисленных мелких вопросов, вызываемых внутренним переустройством на этом необъятном пространстве земель. В то же время в своих письмах он не забывает упомянуть о беглых рабах того или другого из своих приближенных или же заботится о посылке своему старому учителю Леониду арабских благовоний, чтобы он не скупился на них при воскурении богам, как в то время, когда Александр был еще мальчиком, а его учитель бранил его за слишком большую затрату благовоний. Особенно плодотворной была его деятельность потому, что он все делал, вникая в суть дела, с полным сознанием цели, к которой стремился, и в этом особенно было заметно влияние его знаменитого воспитателя, грека *Аристотеля*. Известно, что Александр принимал личное участие в естественно-исторических исследованиях своего воспитателя, что он сам в роще при Таксилах собирал сведения об оригинальных воззрениях индийцев на покаяние, что он часто посещал мастерские художников – Лисиппа, Апеллеса, и если искал развлечений, то чаще всего в оживленной беседе, которая, конечно, представлялась ему в таком разнообразии и в таком выборе, как, вероятно, немногим смертным до него и после него.

Аристотель

Весьма уместно будет здесь отклониться от исторического рассказа, чтобы вкратце ознакомиться с личностью и деятельностью знаменитого учителя и воспитателя Александра. Аристотель родился в 384 г. до н. э. в г. Стагире, греческой колонии, основанной во Фракии при устье р. Стримона. Отец Аристотеля, Никомах, был придворным врачом македонского царя Аминты II (393–369 гг. до н. э.) и своему сыну также предназначал быть врачом. Предполагают, что этому первоначальному обучению врачебной науке Аристотель обязан опытным направлением своих позднейших философских исследований и наблюдений. Царь Филипп, младший сын Аминты, был дружен с Аристотелем, почти ровесником ему, и потому впоследствии назначил его воспитателем своего великого сына. Семнадцатилетним юношей Аристотель прибыл в Афины и поступил в школу Платона, ученика Сократа, который был поражен талантом своего ученика и называл его «разумом своей школы». Не вполне согласный с понятиями Платона о происхождении идей, Аристотель еще при жизни своего учителя критически относился к его учению, «с некоторой скорбью принося свою личную привязанность в жертву любви к истине», по его собственному выражению. Однако при жизни Платона он не открывал своей школы и был известен в Афинах только своими уроками.

ми красноречия. Эти блестящие уроки и выказавшаяся в них необычайная ясность и определенность преподавания, как полагают, и обратили внимание Филиппа на Аристотеля как на педагога. Но до сближения с македонским двором Аристотель много путешествовал, долгое время жил в Малой Азии у своего ученика тирана Гермия в Атарнее, потом даже женился на его дочери и переселился в богатый, прекрасный и просвещенный город Митилену, на остров Лесбос. Предание гласит, что царь Филипп вскоре после рождения у него сына Александра писал к Аристотелю: «Извещаю тебя, что у меня родился сын, но я благодарю богов не столько за то, что они даровали мне сына, сколько за то, что они мне его даровали при жизни Аристотеля, ибо я надеюсь, что твои наставления сделают его достойным наследовать мне и повелевать македонянами». После этого в течение четырех лет Аристотель постоянно жил со своим царственным воспитанником то в Пелле, столице Македонии, то в родном городе Стагире, и это воспитание способствовало развитию ума и характера в юном Александре. Главные науки, которым Аристотель обучал своего воспитанника, были нравоучительная философия, политика, риторика и поэтика. Музыка, естественная история, физика и даже медицина также входили в состав преподавания Аристотеля, насколько это было необходимо для пополнения образования Александра. Многие науки Аристотель излагал специально для своего воспитанника, и Александр впоследствии даже

сердился на то, что Аристотель некоторые из этих сочинений обнародовал. С 17-летнего возраста ход учебных занятий Александра часто прерывался, потому что он уже принимал участие в походах отца и даже в битвах; но зато и после вступления на престол он еще три года не переставал заниматься науками под руководством Аристотеля, который, по-видимому, сопровождал Александра в его первых походах. Только с 335 г. до н. э., перед началом похода в Персию, Аристотель переселился в Афины, где и открыл школу философии в Ликее, недалеко от города. Ученики его впоследствии получили название перипатетиков (от *peripateo* – гулять), т. к. Аристотель имел обыкновение преподавать свои уроки на ходу, во время прогулки. В высшей степени замечательно то сочувствие и внимание, с которыми Александр, признательный своему воспитателю, постоянно относился к его трудам и неутомимой деятельности. Зная страсть Аристотеля к изучению природы, Александр приказал нескольким тысячам человек заниматься сбором разного рода животных и растений в Азии и пересылать их оттуда Аристотелю. При таком содействии Александра Аристотель имел возможность составить настолько значительную для того времени естественную коллекцию животных, что ученые и до сих пор еще ценят в этом труде наблюдательность и талант его знаменитого автора. При содействии Александра Аристотель составил и другой объемистый труд: обозрение политического устройства всех известных тогда греческих и

варварских государств. Кроме того, Александр, по одному современному известию, подарил своему наставнику 800 талантов в виде пособия для его ученых трудов и для составления библиотеки.

Деятельность Аристотеля в Афинах как преподавателя и многостороннего ученого составляет эпоху не только в истории философии, но и в истории науки вообще. Весьма любопытны некоторые подробности устройства его Ликейской школы, сохранившиеся в различных записках и сочинениях современников о знаменитом ученом. Подобно некоторым из своих предшественников-философов Аристотель ввел в своей школе известную дисциплину, требуя от своих учеников строгого соблюдения правил и училищного порядка. Для наблюдения за этой дисциплиной в Ликейской школе был поставлен особый начальник (архонт), который через каждые десять дней чередовался с двумя другими архонтами. Преподавание Аристотеля распадалось на две резко отличные половины: до полудня он занимался с лучшими из своих учеников объяснением труднейших частей науки, после полудня преподавал более обширному кругу слушателей, допуская даже посторонних лиц и выбирая для своего преподавания вопросы, касающиеся общественной и обыденной жизни, стараясь при этом говорить доступным и понятным для всех языком.

Аристотелю было уже за 50 лет, когда он начал свое преподавание в Ликейской школе и внес в него богатый опыт

своей разнообразной и плодотворной жизни и деятельности. Он первым из философов и ученых Древнего мира мог служить образцом универсального знания, мог делать выводы из обширного круга наблюдений, доставляемых ему основательным знанием нескольких наук, и в течение 30 лет, проведенных в Афинах, создал и написал все те большие творения, которые дошли до наших времен.

После смерти Александра дальнейшее пребывание Аристотеля в Афинах оказалось невозможным. Вожди антимакедонской партии, Демосфен и Гиперид, опасаясь обширного государственного ума и связей Аристотеля, стали преследовать его на все лады и способы. Вероятно, не без их участия Аристотель был обвинен в богохульстве жрецом Евримедонтом и гражданином Демофилом и поспешил удалиться из Афин, остроумно заметив при этом, что «он хочет избавить афинян от вторичного преступления против философии». Он переселился с большей частью своих учеников в Халкиду на о. Эвбея к своим родственникам со стороны матери, предоставив управление Ликейской школой ученику Теофрасту. В Халкиде он и умер в 322 г. до н. э. незадолго до плачевной кончины Демосфена. Последние свои распоряжения он поручил передать Антипатру, и знаменитый полководец и наместник Александра свято исполнил волю великого ученого. Надо добавить, что при своей жизни Аристотель не забывал родины и постоянно заботился об улучшении участи своих земляков, стагиритов, так же, как и об украшении

самого города. При своей жизни он завел в Стагире гимназии и училища, и даже во время Плутарха путешественникам еще показывали в Стагире общественные бульвары с каменными скамьями, устроенные Аристотелем.

Весьма поучительна участь, постигшая драгоценные рукописи, оставшиеся после смерти Аристотеля. Писал он невероятно много, но при жизни обнародовал лишь немного. Затем рукописи перешли к Теофрасту, его ученику и преемнику в Ликейской школе. От Теофраста эти рукописи перешли к Нелею, наследники которого не соглашались их продать ни за какие деньги Птолемею Филадельфу, желавшему поместить их в Александрийскую библиотеку; точно так же не согласились они уступить их и пергамским царям, когда те задумали превзойти Птолемея в щедрости и любви к собиранию памятников литературы и науки. То, что нельзя было приобрести покупкой, пергамские цари предполагали отнять силой. Тогда владельцы рукописей Аристотеля стали укрывать их в тайных хранилищах, в погребках, и драгоценные рукописи сильно пострадали за это время от сырости и червей. Затем они были куплены Апелликоном Теосским, а от него опять-таки перекуплены потомками Теофраста; Сулла же после завоевания Греции взял и привез их с собой в Рим. Здесь они были рассмотрены и приведены в порядок ученым греком Тираннионом, однако, судя по сохранившемуся каталогу всех сочинений Аристотеля, оказывается, что теперь не сохранилась даже их треть.

Не вдаваясь в перечисление сочинений Аристотеля по логике, физике, в самом общем смысле как науки, занимающейся исследованием физического мира, метафизике и практической философии, извлечем из обширной области его научных исследований те немногие выводы, которые указывают, как быстро и далеко пошли в это время умозрительные и опытные науки. Вся сущность учения Аристотеля главным образом выражается в его учении о душе, ее свойствах и положении, занимаемом в природе человеком.

«Органическая природа от неорганической отличается жизненной силой, или, – как выражается Аристотель, – душой, в которой заключается внутренняя причина и конечная цель всякого органического движения и развития. На этом основании степень телесного совершенства в каждом органическом существе обуславливается степенью совершенства жизненной силы или души, а не наоборот, как это утверждали некоторые из прежних греческих мыслителей (например, Анаксагор). Образование органических тел идет последовательно, по трем степеням, от общего к особенному, к видовому, разрушение же происходит в обратном порядке – от особенного к общему, к элементарному». В органической природе Аристотель видит как бы оборот, в котором восходящее течение жизни и бытия переходит в нисходящее, но и в неорганической природе Аристотель допускает некоторую степень жизни. «Степеней души», от которых зависит известная степень совершенства в развитии органической приро-

ды, Аристотель различает три, а именно: *душу растительную, душу животную и душу разумную, или человеческую.*

Высшей ступенью в развитии органической жизни Аристотель почитает человека. Что остальная природа есть как бы приготовление к происхождению человека, что ее цель в человеке, доказывается, по мнению Аристотеля, отчасти тем, что все в природе служит человеку, преимущественно же – совершеннейшей формой его жизни, к которой, видимо, стремится вся органическая жизнь по предыдущим ступеням живых существ.

Высшим свойством человеческой души Аристотель признает *разум, или душу разумную.* Это высшее свойство человеческой души, по отношению к проявлениям в жизни и действительности, Аристотель подразделяет на *разум страдательный* и *разум деятельный.* Толкователи Аристотеля не без основания полагают, что под «страдательным» разумом следует понимать низшую познавательную деятельность души (в воззрении, представлении, и воображении), имеющую дело только с чувственными предметами и их образами; а под «деятельным» – чистое мышление, вполне сознающее гармонию жизни со своими собственными законами. В разуме «деятельном», как соединенном с божественной жизнью и сознающем это единство, Аристотель полагает *бессмертную часть нашей души.* А затем совершенно правильно и верно рассматривает душу, как *микроскоп, в котором отражается весь мир.*

Своим учением о душе и ее бессмертном начале Аристотель более всего повлиял на современников и нашел себе сочувствие в позднейших поколениях ученых и мыслителей, даже в учителях возникшего впоследствии христианского учения.

Управление государством

Весь внешний механизм управления – дороги, укрепления, почтовые учреждения, финансовое устройство для сбора податей и тому подобное – был уже завещан Александру персидскими царями, и весь этот механизм нуждался только в улучшении, подновлении и усовершенствовании; но для того, чтобы воспользоваться этим механизмом и доставить населению на всем необъятном пространстве царства великие блага порядка и благоустройства государю приходилось со строжайшей последовательностью добиваться одного – объединения власти. Независимые горные племена, самым тягостным образом препятствовавшие свободе и безопасности отношений в государстве, получили весьма внушительное напоминание о том, что они – царские подданные; даже скорбь, вызванная смертью его единственного друга, Гестифона, не удержала его от такого грозного разгрома племени коссеев, грабивших на пути из Мидии к побережьям Евфрата, что некоторые историки, гоняющиеся за эффектами, решаются видеть в этом разгроме даже нечто вроде кро-

вавой тризны над прахом Гефестиона. Сатрапы по-прежнему оставались царскими чиновниками, главноуправляющими, но рядом с ними при новом устройстве стояли еще два чиновника, назначенные царем – для управления военной частью и финансами. Развивалась письменность. Известно, что Кратеру, которому было поручено отвести отставших ветеранов на родину, была дана весьма подробная письменная инструкция; и, кроме того, существуют царские приказы, рассылаемые всем сатрапам, царские журналы и иные письменные документы. Самостоятельность македонской знати отошла в область минувшего; она сама собой с течением времени обратилась в обычную сановную и придворную знать, и ее прежнее независимое положение было уже так поколеблено, что она должна была добиваться почестей и влияния, соперничая с вельможами весьма различных национальностей. Прежний «совет друзей» обратился теперь в совет царский, или государственный, в котором, по воле государя и желанию, мог временно или постоянно принимать участие каждый сведущий человек. Вскоре и грекам пришлось убедиться в том, что Александр уже не тот полноправный стратег, который был возведен в этот сан Коринфской конвенцией, не главнокомандующий созданного некогда военного союза, а действительный их повелитель на суше и на море. Случай с Гарпалом, которого афиняне укрыли и отказались выдать по требованию Александра, хотя он постоянно относился к Афинам благосклонно, ясно указал, какого пути следует дер-

жаться по отношению к грекам. Пока сохранялась в прежнем своем значении автономия этих старых греческих городов, каждый мятежник мог найти в них убежище, и, кроме того, Александр не был бы в состоянии так полновластно распорядиться богатыми силами эллинского мира, столь необходимыми ему в интересах его нового царства. Вот почему он, вслед за первым своим декретом, устанавливавшим церемониал для посольств, издал еще один. В нем Александр просто приказывал эллинам вновь принять в их города всех граждан, бежавших оттуда по политическим причинам. Их оказалось не менее 20 тысяч человек – цифра весьма внушительная. И все они, конечно, подкрепили собой ряды македонской партии. Но декрет этот имел значение не простой временной меры: он подрывал весь строй этой жизни, устарелой и утратившей всякий смысл.

Этот правительственный механизм и каждому частному лицу представлял некоторое возмещение за безвозвратно утраченные положения выдающихся глав в политических партиях греческих городов, или за титул мелких владетельных князей Македонии, Фессалии и Фракии. Это возмещение представлялось всем в виде государственных и дворянских почестей и знаков отличия и в виде всем открытой и быстрой, блестящей служебной карьеры.

Строительство новых городов

Но этот правительственный механизм был лишь орудием для осуществления дальнейших, более обширных предначертаний. Великий государь вполне сознательно заботился о том, чтобы всеми мерами установить глубокую и прочную связь между частями царства, и ни одной из этих мер не пренебрегал. Он всячески поощрял смешанные брачные союзы между македонянами, греками и азиатскими уроженцами. Планы о переселении азиатских племен в Европу и европейских народов в Азию были найдены после смерти Александра в его бумагах. Он поощрял и введение больших общественных игр на греческий лад, что для восточных народов было новостью и именно потому казалось привлекательным. Но особенно были важны для обоюдного приравнения и сближения задуманное Александром построение новых городов и новое устройство войска. Древние насчитывали около семидесяти таких Александрий, воздвигнутых на пространстве обширного царства в важнейших пунктах, выбранных с величайшей прозорливостью и военным расчетом; той же цели должна была служить новая организация войска, законченная Александром в Вавилоне в 324 г. до н. э., где он поселился на более долгое время.

Значение армии

Еще никогда до этого времени войску не бывала вручена столь великая политическая миссия: оно было предназначено служить делу распространения однородной цивилизации, быть главным орудием тесного сближения национальностей. Само собой разумеется, что эта цивилизация носила на себе греческий отпечаток. Сам Александр сознавал себя эллином, и греческому языку и всему, что на этом языке написано, предстояло занять выдающееся место в новом царстве. Ему предстояло быть языком правительственным, языком военного быта и особенно языком торговли, и таковым он действительно был впоследствии даже несмотря на то, что после смерти Александра поддержка единства в царстве сильно поколебалась. Торговле по преимуществу Александр мог бы предоставить завершение начатого им великого дела, ибо для нее открывались теперь невероятные пространства и нескончаемые торные и мирные пути, в нее вносились теперь капиталы в виде денег и новых человеческих сил, прибывавших отовсюду... Нисейские кони и индийские быки уже проложили себе дорогу в Македонию, и точно так же эллинские произведения искусства и творения писателей нашли бы возможность проникнуть в далекую Индию...

Преждевременная смерть Александра. 323 г. до н. э.

Этой цели – увеличению и обеспечению безопасности торговых путей – были посвящены последние труды Александра. Внезапно заболев на одном из пиров, в те дни, когда усиливавшийся недуг начинал одолевать его, он еще выслушивал подробные доклады о морском плавании вокруг Аравии, об основании новой Финикии, о значении прибрежий водного пути, который, по его предположению, должен был соединить Вавилонию с Египтом, об огромных постройках судов для будущих флотов, предназначенных плавать в Финикийском, Гирканском морях и близ Вавилона. Как изумителен образ этого гениального монарха, который в победоносном шествии прошел от Коринфа до Гифасиса и затем с той же неутомимой энергией и непрерывной деятельностью объезжал свое необъятное царство, всюду создавая или вызывая новую жизнь, где бы он ни являлся – в Вавилоне или в Сузах, в Тире или Александрии, в Афинах или в Пелле! Наиболее изумительная черта этого единственного человека в том, что он сам создал себе почву для своей цивилизаторской деятельности, что он своими победами положил основу своей правительственной деятельности.

Александр скончался в самый славный период расцвета своих жизненных сил. Едва переступив грань мужественного

возраста, он уже увидел себя на краю гроба. Острая болезнь в несколько дней свела в могилу 32-летнего государя, который скончался в Вавилоне в первой половине июня 323 г. до н. э.

Книга V. Италия и Запад

Глава первая

Население Италии. – Основание Рима и первые века его существования

Запад

Древнее сказание передает, что Александр на смертном одре на вопрос, кому он завещает свое царство, отвечал: «Сильнейшему». В самом деле, тотчас после его смерти поднялись продолжительные войны из-за громадного наследства, оставленного без главы и без прямого наследника. Во всемирно-историческом смысле наследование великому человеку было представлено целому государству, которое образовалось на западном берегу Средней Италии. Во время неожиданной кончины Александра оно переживало уже четвертый век своего существования и готовилось распространить свою власть на все государства Средней Италии, лежавшие между Тирренским и Адриатическим морями.

Страна и население

Сомнительно, чтобы название этого государства, *Рим*, когда-либо дошло до сведения Александра. Лишь незадолго до его времени впервые упоминается о Риме у одного из греческих писателей. Средний из трех полуостровов, заканчивающих Южную Европу, уже издавна заселенный постепенными переселениями племен с севера, получил свое общее название *Италии* довольно поздно и притом совершенно случайно, от имени маленького народца, жившего на юге полуострова. Различают три главных племени среди народов, заселяющих полуостров: *япигов* – на юге, находившихся в ближайшем родстве с греками; *этрусков* – на севере и западе, до самого Тибра; и третье, важнейшее, которому обычно придают название *умбро-сабельского*. Ему-то и обязана страна своим развитием и объединением различных племен в один народ. Его проникновение в восточную часть полуострова составляло лишь одно звено в общей цепи тех великих, целыми веками длившихся выселений из восточной Азии, которым и европейская Греция, и греческая часть Малой Азии, и острова между ними были обязаны своим заселением. Племена или толпы, из которых в Италии произошли отдельные народы умбро-сабельского племени, были родственны грекам по происхождению, насколько можно судить по родству языков и по общности известных элементов развития. Как у тех, так

и у других земледелие и виноделие были главными основами жизни, и те, и другие почитали ту же богиню очага, *Гестию* или *Весту*, и, в общих чертах, даже изображали ее одинаково; почитали того же бога неба и богиню неба; и тут и там были те же меры длины, то же вооружение и одежда. Даже условия жизни были у них, отчасти, те же самые. Местность Италии, как и Греции, гориста и в равной степени с Грецией способствует дроблению на малые области, и только в своей восточной части представляет достаточный простор для образования больших государств; и, вообще говоря, развитие народной жизни шло здесь иным путем, нежели в западной части. При своем первоначальном поселении на Италийском полуострове поселенцы не встречали следов какой бы то ни было древнейшей культуры, вроде, например, финикийской, которую нашли в Греции древнейшие поселенцы арийского племени. Мореплавание не получило здесь никакого распространения, т. к. на восточном берегу Италии мало хороших гаваней и нет больших рек, и широкое, не покрытое островами водное пространство Адриатического моря отделяло их от соплеменников, с которыми они, наконец, и утратили всякое отношение.

Средняя Италия; латиняне, сабиняне

В Апеннинских горах, где благодатная почва вознаграждает труд земледельца даже на высоте тысячи метров над

уровнем моря, а в тогдашних лесах и на луговых склонах удобно было заниматься разведением скота, эти переселенцы разрослись в небольшие народцы, которые, подобно всем пастушеским и земледельческим народам, тщательно хранили древние, завещанные стариной обычаи и лишь весьма медленно достигали высших ступеней культуры, с особенным отвращением относясь к городской жизни и предпочитая ей привольное житье в отдельных широко разбросанных хуторах и поселках. Иначе шло развитие культуры у *латинян*, т. е. тех пришельцев, которые ранее других пришли на полуостров и заняли или вынуждены были занять наиболее обширную равнину Италии, у западных ее берегов, на юг от Тибра. Эта страна не может быть названа ни особенно плодородной, ни особенно здоровой, ее берег однообразен по очертаниям, не имеет гаваней, покрыт сыпучим песком. Но дело-то в том, что поселившиеся здесь пришельцы подвергались нападениям с различных сторон – из-за гор с востока и со стороны моря на западе, а вскоре после того и с севера, и с юга, – и благодаря этим условиям появилась необходимость в защищенных стенами городах, которые постепенно превратились в городские центры маленьких общин, образуя нечто вроде греческих городов-государств (полисов). Таких общин в отдаленнейшую эпоху известной истории Италии (в VIII в. до н. э.) насчитывалось уже около тридцати.

Начало Рима

Среди этих городов, тесно связанных между собой общим языком, обычаями, государственными учреждениями, общими святынями и общей враждой с соседями, главным, преобладающим городом был *Альба Лонга*, построенный на высокой меловой скале, господствовавшей над обширной равниной. Уже по своему положению город естественно должен был получить значение столицы. Однако на самой северной оконечности той же территории, в низовьях Тибра, милях в пяти от его устья вскоре стало возрастать и достигло самостоятельного значения латинское местечко *Roma* (Рим). В позднейшие времена, под греческим влиянием появились всевозможные рассказы о первоначальном зарождении этой городской общины, которой было предназначено такое великое будущее, и о *Ромуле* и *Реме*, братьях-близнецах, сыновьях бога войны, и об их дивном детстве и юности, и о том, что случилось при самом основании города... Указывали даже день его основания – 21 апреля, в 4 году VI Олимпиады, т. е. 753 г. до н. э.

Гораздо более правильно рассуждает об основании этого города римский историк Ливий, вкладывая в уста одному из своих героев следующие слова: «Не без основания избрали себе боги и люди это место для постройки на нем города: благоприятные для здоровья холмы, река, способствующая

удобному подвозу хлебных запасов изнутри страны и товаров с моря, и к морю, доставляющему всякие удобства, город лежит близко, хотя и не настолько, чтобы должен был опасаться нападения чужеземных флотов; притом же местность находится в центре Италии и как бы предназначена заранее для того, чтобы на ней вырос большой город». Вначале, однако, это было поселение, ничем не отличающееся от других поселений латинян, с населением преимущественно земледельческим, вполне схожее со всеми остальными городами Лация в общем строе внутренней жизни. Поселение состояло из определенного числа семей, при строжайшем соблюдении единобрачия. Глава семьи – отец – правит семьей, ограничиваемый не законоположениями, а только религией и обычаем в применении своей власти, которая оканчивается только с его смертью, так что ей подлежит и женатый уже сын. Жена является хозяйкой дома, хотя и подчиненной мужу, но все же равноправной с ним; древние надгробные надписи в качестве женских добродетелей восхваляют нравственную чистоту, повиновение, прямоту, домовитость, умелость в обработке шерсти. К кругу домашних принадлежат в каждой семье рабы, которые могут быть отпущены на волю, и подлежащие защите домохозяина, подчиненные ему *клиенты*, происхождение которых объяснить довольно трудно. Народная община образуется из совокупности самостоятельных или взрослых членов этих старых родов, из *отцов* (*patres*) и *отческих детей* (*patricii*). Во главе общины яв-

ляется избранный «отцами» правитель, царь или «владыка народа» (*magister populi*). Он не наследственный царь, как отец семейства в своем доме; он назначает чиновников, созывает общину на собрание и предлагает вопросы, касающиеся народа; он начальствует и войском в случае войны. Посредствующим звеном между этим главой народа и всей народной общиной служит совет старцев, *сенат*, в состав которого первоначально входили только «отцы», т. е. самостоятельные представители семей или родов. Но и те могли только отвечать на вопросы, заданные царем, и так совершалась эта внутренняя жизнь общины, проявляясь в простых и вполне ясных правовых формах. Царю надлежит повелевать; высшая правительственная связь есть совет старцев, всякое же исключительное определение – все, что не подходит под установившийся правовой порядок, должно быть предоставлено на одобрение всенародной общины, которая, собственно говоря, и есть представительница высшей решающей власти. Эта община разделена на 30 курий, и во главе каждой из них стоит особый курион; по куриям община и собирается, созываемая на собрания царем или от имени царя.

Условия древнейшей государственной жизни

Средний из трех прилегающих к реке холмов, *Палатинский*, был местом древнейшего поселения, и первым шагом к дальнейшему росту этого поселения было соедине-

ние палатинской общины с другой самостоятельной общиной, образовавшейся на противоположном, *Квиринальском*, холме. Последняя, как предполагают, была основана *сабинянами*, которые, хотя и были родственны латинянам, однако сумели придать своему греко-италийскому характеру особое, отличающееся от латинян развитие. К трем древним коленам, или подразделениям народа, которые носили загадочные имена *Рамнов*, *Тициев* и *Луцеров*, прибавились еще «вторые Рамны, Тиции и Луцеры». Благодаря такому соединению, состав войска увеличился. Некоторые жреческие должности были удвоены. Вообще говоря, это соединение двух общин было таким шагом, который придал всей жизни оживление и освежающе воздействовал на все ее стороны.

Времена царей

По другую сторону Тибра простиралась область этрусков (*тусков* или, как они сами себя называли, *разенов*), которые поселились здесь, постепенно подвигаясь с севера, еще во времена, ускользающие от исторического наблюдения. Этот народ и по обычаям, и по языку, и по государственным учреждениям был совершенно чужд латинянам и сабинянам и всем их родственным племенам, которые начинали даже опасаться возрастающего могущества этрусков. Этот загадочный народ, язык которого до сих пор не поддается еще изучению несмотря на то, что так много сохранилось этрусских

надписей, широко раскинул свои поселения: они простирались от р. По до Тибра и даже в нескольких милях выше Рима у них на левом берегу Тибра был город Фидены. И во внешних средствах, во внешних проявлениях цивилизации этруски стояли гораздо выше и сабельских народов, и латинян, т. к. городская жизнь в Этрурии уже давно была преобладающей формой быта, и, благодаря мореплаванию и местной промышленности, которыми этруски занимались издавна, эта жизнь этрусских городов представлялась более богатой, чем жизнь городов латинских.

Эта более богатая, более роскошная жизнь обязательно должна была возбуждающе действовать на население ближайших южных местностей, и древнее название одной из улиц Рима – «Улица тусков», указывает на довольно развитые торговые отношения с Этрурией. Однако влияние этрусков было далеко не в такой степени глубоким и сильным, как это предполагали долгое время, и главным образом ограничивалось только чисто внешними сторонами быта. Дух обоих народов был совершенно различен, и это различие никогда не могло изгладиться, да и с других сторон тоже не проявилось никакого настолько сильного влияния, чтобы оно могло серьезно воспрепятствовать своеобразному развитию новой общины. *Финикийцы*, правда, имели свою факторию около этрусского города *Цере* (они на своем языке называли его *Агиллой*, т. е. круглым городом, по виду города с моря) и занимались здесь торговлей. Колонии же эллинов, уже начи-

навших вступать в западных морях в конкуренцию с финикийцами и этрусками, едва только соприкасались с берегом Кампании и пределами Лация. И вот Рим, благодаря своему благоприятному положению, вскоре из простого земледельческого поселения превратился в центр отношений всех соседних народов и в важный торговый город.

Позднейшие римские писатели чрезвычайно преувеличивают в своих рассказах о *временах царей* (753–510 гг. до н. э.) значение крошечного государства. Эти рассказы называют семь царей: Ромула, Нуму Помпилия, Тулла Гостилия, Анка Марция, Тарквиния Приска, Сервия Туллия, Тарквиния Гордого, и каждому из этих семи царей приписывают особые заслуги по отношению к расширению города, к преобразованию его внутреннего строя, упорядочению богослужения и т. п., и многое в этих рассказах картинно, ярко и привлекательно.

В действительности же по отношению к этим первым векам Рима оказывается возможным установить лишь очень немногие события, а развитие политической и общественной жизни Рима можно проследить только в самых общих чертах.

Расширение Рима и его пределов

Несомненно, что город стал быстро расти и крепнуть и вскоре захватил все семь холмов, которые вслед за этим и

были обнесены одной общей стеной, так что составили одно целое. Город присоединил к себе многие из окрестных сел и для этого в случае нужды прибегал даже к оружию. Возникающий Рим быстро занял преобладающее положение в Лации, далеко обогнав в развитии старую столицу страны Альба Лонгу, а затем вступил с ней в борьбу и разорил ее. Тогда уже Рим стал во главе союза латинских городов, и только тут эта связь, до этого времени слабая, стала крепкой и прочной. Союз предоставлял всем его участникам право водворения в Риме, и это особенно благоприятно повлияло на рост новой столицы, население которой в самое непродолжительное время возросло до весьма значительных размеров.

Патриции и плебеи

Это привело к противоположному явлению, которое повлияло на всю дальнейшую историю государства и обусловило все его политическое развитие. К древним, первоначальным поселенцам Рима, к *патрициям*, примкнули новые поселенцы – *плебеи*. Это приращение города значительно возвысило могущество древних, основных родов римских граждан. Каждый из новых поселенцев становился к тому или иному из старых граждан в отношения *клиентства* или покровительства. *Патрон* или защитник был представителем своих клиентов, которые не обладали никакими политическими правами по отношению к государству, причем кли-

ент, конечно, должен был оказывать известные услуги патрицию, под покровительством которого он состоял. Вскоре однако стало ощущаться то несоответствие, которое существовало между численностью, собственностью и действительным влиянием плебеев и их правовым положением в государстве. Внутренний строй маленького городка оказывался уже непригодным для разросшейся столицы Лация, и сильным царям, которых стесняло могущество и притязания старых граждан, должна была показаться очень удобной возможность опереться на эти новые элементы населения из переселенцев-плебеев. Военские успехи не однажды приводили Рим к массовым пересадениям населения из окрестностей в город, к вступлению целых поселений в среду плебеев, и потому уже в скором времени положение древних родов граждан, которые обладали правами и несли на себе все обязанности, должно было измениться в неблагоприятную сторону. Это вынудило прибегнуть к преобразованию древнего государственного строя, которое в позднейшем Риме приписывали шестому из вышеупомянутых царей, *Сервию Туллию*; ему же приписывалось и обнесение города стенами.

Реформа Сервия Туллия

Это преобразование состояло в новом разделении и расчислении пришлой части населения. Весь народ – патриции трех древнейших триб и плебеи – был подразделен по иму-

щественному положению, т. е. по количеству земли и скота, находившихся во владении, на *пять* классов, а в составе этих классов на *центурии* (сотни). Это была реформа, подобная той, которую приблизительно в это же время удалось провести Солону в Аттике, но только эта реформа гораздо более солоновской была пригодна для военных целей. Первый класс составляли покрытые броней тяжеловооруженные воины, из которых состояли четыре первые шеренги; второй и третий класс – в неполном вооружении – составляли следующие, средние ряды; в задних шеренгах становились легковооруженные из четвертого и пятого классов. Две центурии состояли из ремесленников, в состав других входили трубачи и музыканты, игравшие на рогах, одна составила из людей, предназначавшихся для всех остальных потребностей и для пополнения войска. Из людей наиболее богатых было сформировано 18 центурий всадников. В войске различались два комплекта: первый и второй, или центурии *молодые* (от 17- до 46-летнего возраста) и центурии *старые* (от 46- до 60-летнего возраста). Расширение обязательной службы, которое и дало, собственно говоря, первый толчок к этой важной реформе, привело к необходимости еще одного подразделения всего народа без различия происхождения на *трибы* (части, соответствующие месту жительства). В самом городе насчитывались трибы, а в ближайших его окрестностях 26 таких же выборных округов, и по числу этих триб не без основания предполагают, что во времена этой реформы

римская область равнялась по своему пространству приблизительно 20 квадратным милям и, следовательно, по размерам представлялась весьма небольшим государством.

Быстрые успехи

Единственная выгода этого «государственного строя *Сервия Туллия*» заключалась в том, что плебеи были при этом привлечены к военной службе вместе со старыми гражданами, рядом с ними стояли в строю и, таким образом, добились некоторого политического значения. Это было важно не только в том смысле, что город, который они призваны были защищать оружием, уже становился их отечеством в политическом смысле слова, но еще и потому, что известного рода вопросы и решения сами собой представлялись всенародному собранию по центуриям, и вследствие этого оказалось для других различных условий необходимым дать народу возможность собираться еще и по округам (*comitia tributa*). В числе прав, которыми пользовался народ в своих собраниях по центуриям (*comitia centuriata*), было одно право, важное по принципиальному и политическому значению: это было *право помилования* преступника, осужденного царскими судьями, если только царь позволял преступнику представить произнесенный над ним приговор на суд народного собрания, которое могло этот приговор утвердить или отвергнуть. О происхождении права рассказывали трогательную легенду.

ду, восходившую к временам третьего из баснословных римских царей. Давний спор между двумя могущественными латинскими городами – Римом и Альбой – по этой легенде должен был разрешиться единоборством трех братьев Горациев и трех братьев Куриациев, избранных в Риме и в Альбе из двух семейств, связанных между собой узами родства и дружбы. Двое братьев-римлян, сыновья Горация, уже пали; третий, оставшийся в живых, убил всех троих Куриациев и тем утвердил право господства за своим родным городом. В то время, когда он возвращался победителем в Рим, в воротах его повстречала сестра, обрученная с одним из убитых им Куриациев, и осыпала проклятиями убийцу своего жениха. Тогда ее брат, упоенный победой и пылающий гневом, заколол свою сестру. Этот поступок привел его перед судьями, поставленными царем для разбора уголовных дел, и те приговорили его к смерти. Тогда царь, проникнутый состраданием к победителю и вместе с тем жалея отца, который должен был потерять в тот же день и своего третьего сына, дозволил Горацию обратиться к народному суду, и народ помиловал его. Так произошло важнейшее из прав римских граждан, *право провокации*.

Положение народа

Реформа Сервия Туллия была вовсе не так демократична, как это может показаться с первого взгляда. Были приня-

ты меры к тому, чтобы центурии первых трех классов, безусловно многочисленнейшие, вместе со всадниками (следовательно, патриции и богатейшие землевладельцы из плебеев), постоянно имели при голосовании перевес даже в тех редких случаях, когда центуриатным собраниям в древнейшую эпоху приходилось принимать важные решения. При этом же все права старых граждан оставались неприкосновенными, и корпорация «отцов», составлявшая сенат, сохраняла свой прежний авторитет, хотя во времена царей плебеи являлись в сенат в качестве приписных его членов или призывались к участию в его заседаниях. Особенно ошибочно было бы думать, что политика в это отдаленное время уже играла важную роль в римской жизни. Римская почва требовала старательной и тщательной работы, и эта работа земледельца придавала особый отпечаток всему течению римской жизни. Умение обращаться с землей составляло красу и честь каждого римлянина. Более богатый землевладелец дробил свою землю на мелкие участки, предоставляя их обработку своим подчиненным; семьянин обрабатывал свою землю сам со своими сыновьями и немногими наемниками. Все то, что в позднейшую эпоху составляло особое ремесло, как, например, печение хлеба, обработка шерстяной пряжи, врачебное искусство, – все это в древнейшую эпоху еще относилось к обычным занятиям домашнего обихода. Остальными промыслами и ремеслами занимались преимущественно переселившиеся в Рим иноземцы, и этим объяс-

няется то некоторого рода пренебрежение, с которым римляне относились к этого рода деятельности. Не развилось здесь и такое сословие купцов, которое способно было бы стоять на одной ступени с сословием земледельцев. А между тем в Лации всегда существовали богатые *торжки* (*mercatura*), посещаемые и римскими гражданами, и поселянами. Предметы роскоши привозились с Востока, через посредство греков. Но средства обмена были еще очень первобытными, ограничивались рогатым скотом и овцами, а настоящая торговля, подобная той, что была у этрусков и привела тех к обогащению и роскоши, была еще совсем не развита. Меры и числа были внесены в Италию уже древнейшими поселенцами; весьма древними были и некоторые условные знаки, как, например, вытянутый палец, обозначающий единицу, рука с пятью пальцами, обозначающая *пять*, две сложенные руки – *десяток*. Есть основание, по некоторым выражениям (например, древнейшее название плебеев *приписными* (*conscripti*)), что и само звуковое письмо, по утверждению некоторых исследователей появившееся к 1300 г. до н. э., здесь было введено очень рано. Понятия о законе были очень строги, более же всего строги в тех случаях, где речь шла о нарушении прав собственности. Взыскание долгов, в конце концов, приводило к тому, что кредиторам приходилось делить между собой «самого должника», или точнее вырученную от его продажи сумму. Все гражданские отношения совершались на широкой и либеральной основе: собствен-

ность свободно переходила из рук в руки и договоры заключались без особых формальностей. Исполнительная власть была очень сурова, расправа производилась быстро. Каждый пользовался своим правом без снисхождения, но зато и произвол был невозможен. Искусство и поэзия еще не украшали жизнь в эту отдаленную эпоху, и во время празднеств пляски предпочитались пению, как это можно видеть из одного драгоценного отрывка древней римской песни, которая состоит из простейших взываний к ларам и Марсу и заканчивается триумфом («прыжком» – *triumpe*).

Главным украшением жизни, главной прелестью и оживлением ее простейших форм была религия. В круг религиозных понятий, однако, не вносилось еще ничего ни поэтического, ни художественного, и духовная деятельность в создании мифов и образов выражалась очень слабо. Даже в названии месяцев или в подыскании имен детям не хватало изобретательности, и после четырех первых начинались уже повторения: *Quintilis, Quintus, Sextilis, Sextus*. Будничная трудовая жизнь поселянина прерывалась только жертвоприношениями и празднествами: в честь Юпитера, Марса и его, быть может, сабинского – двойника Квирина; богини Земли (Теллус), богини жатвы (Цереры), богини домашнего очага (Палее); *сатурналии* – празднества сева, *терминалии* – празднества межевых камней, *луперкалии* – празднества волков, и другие подобные.

Один из новейших историков очень верно отмечает «от-

части весьма почтенную, отчасти же очень странную прямолинейность римской теологии», которая доходит даже до того, что создает «бога всяких начинаний, бога отверзающего» – Януса – и, придавая ему значение божества, соблюдающего вхождение в дом, с него и начинает придавать пластические изображения богам, изображая его двуликим. Служение этим богам, во главе которых стоит «высший и превосходнейший Юпитер» (Jupiter Optimus Maximus), носило преимущественно веселый, светлый, не мрачный характер.

Едва ли правы те, которые в некоторых обрядах римского богослужения видят остатки будто бы существовавших некогда человеческих жертвоприношений. В служении богам видна чрезвычайная точность в соблюдении мелких обрядовых подробностей с некоторой примесью наивного страха, причем, однако, довольно ясно выказывается желание провести, перехитрить божество. Чтобы выполнять все сопряженные с богослужением обряды правильно, необходимо было прибегать к посредству сведущих людей, и потому в жрецах не было недостатка. Первоначально существовало два разряда таких сведущих людей: пятеро священнослужителей-*понтификов* (pontifices) с одним высшим представителем во главе (pontifex Maximus), и *авгуры*, умевшие отгадывать волю богов по полету и крику птиц. К этим двум разрядам жрецов примыкал еще третий – *фециалы* или *вестники*, на которых было возложено решение вопросов о войне и мире, а также любые внешние отношения; им до тонкости

были известны те точные формы, в которых, согласно исконному обычаю, следовало требовать или давать соседям удовлетворение, объявлять войну или заключать мирные договоры между государствами. Несмотря на то значение, которым жрецы пользовались в римской жизни, они никогда не достигали в римском государстве значения самостоятельной силы, и даже частные лица – при всем своем желании и готовности всегда и везде воздавать «божье богу», не попадали в зависимость от жрецов. Религиозные потребности большинства вполне удовлетворялись служением домашним богам – *пенатам* или *ларам*, благоволение которых приобреталось простыми жертвоприношениями: горстью муки, щепоткой соли, небольшим количеством вина, которое выплескивалось на огонь очага.

Замечательно было то, что именно этот недостаток в творческой, образной жизни фантазии, который не давал латинянам возможности создать свой яркий и вполне определенный мир богов, делал их чрезвычайно восприимчивыми ко всяким религиозным влияниям из чужбины и ко всяким иноземным богослужениям. Так, например, вполне чуждаясь и не понимая жизни этрусков в ее различных проявлениях, латиняне, однако, до некоторой степени поддались влиянию их мрачных и запутанных религиозных обрядов: они заимствовали от этрусков различные способы предсказания будущего или предупреждения всякого рода бедствий, например, *ауспиции*, или искусство гадания по внутренне-

стям животных, и умение отклонять молнии при посредстве особых ям или колодцев, выложенных камнем. Но уже издревле гораздо более глубокое впечатление производили греческие религиозные воззрения, занесенные в Лаций греческими купцами и корабельщиками. Эллины прекрасно понимали свою выгоду: они вместе со своими товарами занесли сюда и рассказы о дивных прорицаниях и откровениях своих оракулов, и вероятно, что к знаменитейшему из них – Аполлону Дельфийскому – уже во времена царей правительством отправлялись посольства.

У римлян этой отдаленной эпохи не было, конечно, той глубокомысленной и благородной житейской мудрости, которая сквозит в каждом отдельном изречении Дельфийского оракула, которым местное греческое сословие умело придавать формы, соответствующие религиозным верованиям народа. Древняя римская религия не была нравственной силой в высшем значении этого слова, хотя, конечно, и она, точно так же, как и другие, менее ее развитые религии, противопоставляла пошлой действительности идеальный мир, хотя и она освещала своими скудными лучами душу человека и делала ее восприимчивой к откровениям из круга более чистой духовной жизни.

Несомненно то, что во времена двух последних царей, следовательно, в III в. от так называемого основания Рима, жизнь в столице Лация уже была не та, какой жили латиняне полтора века назад: она была и богаче, и привольнее. На

это влияла, конечно, быстро распространившаяся колонизация эллинов, которая именно в этот период времени дала такой сильный толчок развитию народной жизни в Сицилии и Южной Италии, да и вообще во всем западном мире. Может быть, некоторое значение в этом оживлении имело и то соревнование, которое проявилось между эллинами и преобладавшими на западе этрусками и финикийцами, которые в своем «новом городе», Карфагене, в северной Африке, тоже заняли выдающееся положение.

Устранение царской власти

По весьма маловероятному и позднее сложившемуся сказанию кроткому и правдивому царю Сервию Туллию наследовал жестокий Тарквиний Гордый, который будто бы заставил трепетать и этрусков, живших по ту сторону Тибра, и равно теснил под игом своей власти и латинян, и некоторые соседские племена (герников и вольсков на юге), и даже собственный народ, в лице патрициев и плебеев. Далее предание гласит, что около 510 г. до н. э. дерзкое насилие, совершенное сыном Тарквиния над благородной римлянкой, послужило поводом к восстанию, которое в один день покончило с жестоким правлением Тарквиния и обратило римскую общину в свободное государство – *в республику*.

Глава третья

Положение дел на Востоке после смерти Александра Великого. – Война между Римом и тарентинцами

Восток после Александра Великого

Та трудная и продолжительная борьба, при помощи которой Римская республика добилась господства над большей частью Италии и укрепила его за собой, совпадает с периодом времени, в течение которого совершился и другой важный переворот по ту сторону Адриатического моря: царь Филипп Македонский добился гегемонии в Элладе, а затем Александр Великий совершил завоевание своего громадного царства. Эти события в такой степени приковывали к себе внимание греческого мира, что они очень мало заботились обо всем, что совершалось в Италии, и даже самые выдающиеся из их политических деятелей не имели понятия о значении возрастающего римского могущества. Со своей стороны, и римляне мало внимания обращали на победоносное шествие македонского героя, хотя римские правители и знали о том, что происходило на Востоке. Сохранилось известие о том, что Александр Великий, возвратившись в Ва-

вилон из индийского похода, принимал многие посольства при своем дворе и в том числе римское посольство. В этом нет ничего невероятного или невозможного, тем более что посольства не всегда отправляют ради важных политических интересов, а и по другим поводам. Неизвестно, простирали ли Александр свои планы на Запад; всегда занятый ближайшим, подлежащим немедленному исполнению, едва ли он строил какие-нибудь планы относительно Запада и говорил об этом. Тем не менее, тот оборот, который приняли дела вскоре после смерти Александра (323 г. до н. э.), имел очень важное значение и для западного мира, для Италии и Рима.

Насмешливые афиняне тотчас же нашли удачное сравнение для выяснения того в высшей степени необычного и странного положения, в котором оказалось царство Александра после его внезапной смерти. Афиняне сравнивали это царство с гомеровским великаном, циклопом Полифемом, которого какая-то таинственная и враждебная сила лишила единственного глаза... По другим рассказам, и сам Александр, проникнутый воззрениями «Илиады», много раз вспоминал воинские игры, которые совершались в честь героев над их прахом, и говаривал, что и над его прахом тоже разыграются «большие воинские игры».

Положение после смерти Александра

Александр действительно не оставил никаких распоряже-

ний о наследовании, да если бы даже и оставил, то едва ли мог бы этим воспрепятствовать естественному течению событий. У Александра было две жены арийского племени и высокого происхождения: Роксана, дочь бактрийского владетельного князя, и *Статира* – дочь царя Дария. От Роксаны ожидали рождения наследника, который, однако, еще не родился, когда Александр умер. Ближайшее решение вопроса о наследовании, конечно, находилось в руках македонской части войска и его вождей. Вожди, принадлежавшие к македонской знати, более склонялись на сторону ожидаемого наследника и управления царством от его имени. Македонское войско (фаланга), сообразно с исконными национальными обычаями, твердо держалось династии и, не придавая особенного значения законности прав наследника, требовало царя. Таким царем оно хотело видеть незаконного сына Филиппа, побочного брата Александра *Филиппа Арридея*.

Наконец македонское войско и знать сошлись на двух царственных именах – слабоумного Филиппа Арридея и того младенца, который родился несколько месяцев спустя и был назван *Александром IV*. От имени этих царей царством стал править один из именитых македонских генералов, *Пердикка*, который по праву или без права присвоил себе царский перстень с печатью. Он раздавал сатрапии, распределял начальство над войском между военачальниками и тем самым открыл поприще для беспощадной игры честолюбия. И греческий, и восточный элементы царства, которые великий го-

сударь умел подчинять общим интересам своей империи, были оставлены в стороне.

Греческие дела

Но на первых порах идея царства Александра держалась прочно, и прежде всего в этом должны были убедиться греки. Недаром Фокион сказал, когда получил известие о смерти Филиппа: «Сила, победившая нас при Херонее, уменьшилась только одним человеком». Точно так же и теперь – монарх скончался, а его монархия стояла твердо. Но в Афинах вообразили, что теперь настало время вновь возвратить себе прежнюю свободу, и Демосфен, незадолго до того принесенный в жертву политической необходимости, возвратился из своего изгнания в Афины. Афинский военачальник *Леосфен* успел еще заблаговременно собрать около 8 тысяч воинов из тех наемников, которые на основании приказа Александра сатрапам были оставлены без хлеба и слонялись без дела в спартанских владениях близ мыса Тенар. К этому наемному войску примкнули этолийцы, фессалийцы и др., и образовалась коалиция, с которой царский наместник в Македонии *Антипатр* не решился вступить в битву ввиду численного превосходства ее сил и заперся в крепости Ламии. Война, из-за этой крепости получившая название *Ламийской*, затянулась, но вскоре на подмогу из Азии явилось войско ветеранов под началом Кратера, и в то время как значительная

часть греческого войска разошлась по домам, македонские полководцы собрали сильное войско, в котором насчитывали до 40 тысяч гоплитов, 3 тысяч легковооруженных и пращников, 5 тысяч конницы. В 322 г. до н. э. при *Кранноне* в Фессалии это войско сошлось с эллинским, в день Херонейской битвы. Эллинское войско все еще поджидало подкреплений и уже действовало несогласованно. Греки потерпели поражение, и когда на следующий день в македонский лагерь прислали уполномоченное для переговоров лицо, Антипатр заявил ему, что он вступит в переговоры не с союзом городов, а с отдельными городами. Следствием этого поражения было то, что Афины должны были принять македонский гарнизон, изменить свой демократический образ правления на тимократический, при котором богатые граждане, призванные к участию в правлении, целым рядом новых учреждений обеспечили македонянам спокойное обладание Афинами. Последний из афинских государственных людей Демосфен покончил с жизнью, отравившись ядом в храме Посейдона на островке Калаврия, где он искал себе убежища. Он только смертью мог избежать унижительной казни или еще более унижительного помилования, которых мог ожидать от Антипатра.

Немудрено предположить, что согласие недолго продержится между полководцами Александра, взаимная зависть которых и при его жизни сдерживалась только мощной волей царя. А после его кончины, когда они получили возмож-

ность выражать и проявлять свои чувства, дело очень скоро дошло до вооруженного столкновения между ними. Провинции царства были поделены между знатнейшими из полководцев, причем Македония и Греция достались Антипатру и Кратеру, Египет и Ливия – Птолемею, Памфилия, Ликия, Великая Фригия – Антигону, Фракия и Вифиния – Лисимаху. Но этот раздел, конечно, не удовлетворил никого из этих деятелей, т. к. все они были обыкновенными честолюбцами, и это их честолюбие тотчас побудило Антипатра, Антигона и Птолея заключить между собой союз против Пердикки, которого они считали равным себе, а между тем он задумал ими повелевать. Азиатский наместник Пердикка выступил с войском против правителя Египта, Птолея, сына Лага, и против Антигона, между тем как сторонник Пердикки грек *Эвмен Кардийский* обратился против Кратера и Неоптолема, сатрапа Армении. Эвмен одержал победу, но когда известие об этом громком успехе достигло берегов Нила, куда Пердикка уже успел передвинуться, катастрофа уже совершилась: известие о победе не застало Пердикку в живых, он был умерщвлен. Но единство царства еще признавалось всеми, и Антипатр – старейший и именитейший из полководцев Александра (диадохов) – заменил Пердикку в качестве наместника царства от имени царей Филиппа и Александра. В *Трипарадисе* в Верхней Сирии был проведен новый, второй раздел провинций (321 г. до н. э.).

Борьба диадохов

В 318 г. до н. э., когда Антипатр умер, поднялись новые волнения. По его завещанию регентство над государством было передано *Полисперхонту*, одному из старейших полководцев Александра, уроженцу Эпира, а сыну Антипатра *Кассандру* отводилась второстепенная роль. Полисперхонт, мать Александра Великого Олимпиада, которая только теперь добилась желанной роли, и Эвмен объединились в союз против Кассандра. В этой борьбе единство царства все более и более отодвигалось на задний план, и уже в этом втором периоде войны за наследие Александра сходят со сцены некоторые из тех лиц, в некотором роде имевшие право заявить свои претензии на престол, а именно: Арридей, брат Александра, и Олимпиада. И тот, и другая кончили насильственной смертью. Характерным по отношению к тому времени был конец Олимпиады, на голову которой пало ею же совершенное преступление. После того, как она долго отсиживалась в Пидне, она попала в руки Кассандра. На нее подали жалобу войску – высшему народному судилищу по древнемакедонскому обычаю, и войско приговорило ее к смерти. Но исполнение приговора встретило затруднения, т. к. из 200 человек, избранных в войске для этой цели, ни один не решился поднять руку на мать своего обожаемого царя-героя. Нашлись, однако, люди, которые охотно взялись за ис-

полнение приговора: родственники тех, кто год тому назад были казнены по приказанию Олимпиады. В том же 316 г. до н. э. пал и умный, изворотливый Эвмен Кардийский, доверенный секретарь Александра, который дольше всех стремился к поддержанию целостности и единства царства. В то время, как он задумал еще раз попытать счастья и собрал большие силы против Антигона, правителя Великой Фригии и Ликии (который уже решил распространить свою власть на всю Азию), македонское войско, ненавидевшее Эвмена как грека, выдало его врагам. Тогда уже открылся полный простор для борьбы честолюбцев, которые смело могли снять личины. О подъеме какой бы то ни было нации, о какой бы то ни было идее не было уже и речи, мир принадлежал хитрому и храброму, и даже последняя тень высшего вида честолюбия – желание обладать всем нераздельным царством Александра – постепенно исчезло. Честолюбие этих воинов-выскочек уже удовлетворялось возможно большим куском добычи.

Битва при Ипсе. 301 г. до н. э.

Высшее положение между диадохами принадлежало в это время *Антигону*, стремившемуся приобрести то значение, которым пользовались до него Пердикка и Антипатр. Его многолетний военный опыт (он был уже стар) дополнялся гениальной смелостью и изобретательным умом его сына *Де-*

метрия. Против него, естественно, образовалась коалиция из остальных полководцев – Кассандра, Лисимаха, Птоле-мея и Селевка, и эта борьба составляет третий акт неутешительной драмы (315–301 гг. до н. э.). Душой этой коалиции был умный Птолемей, по титулу правитель, а на самом деле уже несомненный победитель Египта, раньше всех постигнувший неизбежную судьбу царства Александра, которое не могло сохраниться в целостности и должно было распасться на известное число независимых государств.

Правителя Вавилонии *Селевка* Антигон вооружил против себя, потребовав от него отчета по управлению. Селевк резко ответил ему, что не намерен давать отчета по управлению страной, которую ему дали македоняне за его службу при царе Александре. С ним соединились и *Кассандр*, повелевавший Македонией, и *Лисимах*, утвердившийся на Геллеспонте в Вифинии. Для всеобщей истории не имеют ни малейшего значения последовавшие за этим борьба на суше и на море, победы и поражения, обманчивые заключения мирных договоров и бесконечные интриги. В этом третьем периоде борьбы пали от рук убийц и Роксана, и юный царь Александр (311 г. до н. э.), и Клеопатра, сестра Александра Великого, и Геракл, его второй сын. После одной из побед в 307 г. до н. э. Деметрий провозгласил своего отца царем и, следуя этому примеру, все его противники с этого времени стали также величать себя царями. Окончательное решение борьбы последовало в сражении при фригийской деревне *Инс*, летом

301 г. до н. э. Войско союзников было значительно сильнее войска Антигона (между прочим, Селевк, благодаря своим связям с Индией, мог ввести в битву и громадную силу – 400 военных слонов). Счастье изменило 80-летнему царю Антигону, и он пал в общей сече смертью солдата.

Государственная система Востока

Постепенно установился новый порядок. 20 лет спустя после смерти Александра его монархия распалась на три больших царства и на несколько меньших владений. Тремя большими царствами были *Египет* под властью династии *Птолемеев*, *Азия* (от Геллеспонта до Инда) под властью *Селевка Никатора* и его наследников, *Селевкидов*; и *Македония* под властью *Антигона Гоната*, внука Антигона (с 278 г. до н. э.) и его наследников. Вскоре становится известно о дальнейшей судьбе этого третьего царства, т. к. она оказалась тесно связанной с историей Запада и Рима, который был его центром. Наиболее цветущим из этих трех царств был *Египет*, для которого первый Птолемей оказался самым подходящим правителем. Династия Птолемеев сроднилась с народом и со всей страной, которая больше, чем все другие, была способна удовлетворять всем потребностям.

Резиденция Птолемеев – этот первый из городов, заложенных Александром, придала и всему тому веку прославленное имя «*Александрийского*». Замечательно умно и ловко

сумели первые цари из династии греческих фараонов (31-й по местному египетскому счету) – Птолемей I Сотер, Птолемей Филадельф и Птолемей Эвергет – слить воедино давно уже укоренившийся греческий элемент с элементом туземным. Путем торговли за счет своего господствующего положения в восточной части Средиземного моря, Египет достиг необычайного богатства, и здесь, в Александрии, среди полного мира и безопасности, каких нигде не было в окрестных странах, наука свила себе гнездо, стала собирать и разрабатывать сокровища греческого ума и, по крайней мере, сохранила хотя бы немного из того, что некогда представлялось великому завоевателю конечной целью его жизни.

Рядом с тремя большими царствами остается еще только припомнить в Азии небольшие государства: *Армения, Каппадокия, Понтийское царство, Вифиния*. Между всеми этими владениями греческие владения были не более чем игрушкой, зависевшей от прихоти более крупных и могущественных государств. Никто не хотел их уступить и все желали овладеть этими издревле прославленными городами, местностями и островами, утратившими всякое политическое значение, тогда как с другой стороны самим грекам, их образованию и способностям всюду открывалось обширнейшее поприще. Дух греческой, эллинской или, как ее правильнее называют вследствие различных примесей, эллинистической цивилизации стал господствующим на всех побережьях Средиземного моря и распространился отсюда вширь

и вдаль; но этот дух совершенно утратил ту творческую силу, которая некогда вызывала к жизни государства на родной почве Греции, и те блистательные царства, которые произошли из Александровой монархии, должны были пасть перед Римом, более односторонне, но зато и более прочно развившимся из твердой национальной основы. А Рим именно теперь впервые вступал в непосредственное политическое соприкосновение с эллинским миром.

Италийские греки. Тарент

Римское правительство вскоре после окончания последней Самнитской войны вошло в пререкания с могущественнейшим из нижеиталийских греческих городов богатым торгово-промышленным городом Тарентом или Тарантом, как он назывался среди коренного населения, состоявшего из пелопоннесских дорийцев.

Эллинское гордое сознание свободы и стремление к независимости, воодушевлявшее все эти колонии, преобладало и здесь; так же, как и везде, между греческими городами здесь не существовало никакой прочной политической связи. Внутреннее устройство в Таренте носило чисто демократический характер. Успехи римского могущества в борьбе против италийских народов возбуждали опасения тарентинцев, но они все же не решились оказать непосредственную и сильную поддержку самнитам, которые могли положить ко-

нец этим успехам. Так же равнодушно отнеслись они и к другой, более близкой задаче: не оказали помощи и соседнему городу Фуриям против нападений со стороны луканцев. Трудно даже определить почему. Действовала ли в данном случае близорукая племенная или даже торгашеская зависть против соседской ионийской колонии, или просто распущенность, т. к. древнеэллинская энергия была усыплена в тарентинцах богатством и удобствами жизни. И вот г. Фурии обратился к тому же средству спасения, к которому некогда прибегла Капуя: он отдался под покровительство Рима. Это, конечно, должно было дурно настроить тарентинцев по отношению к Риму, и в 282 г. до н. э. это настроение, по совершенно случайному поводу, привело к такому насилию, которое должно было немедленно вызвать войну.

Первое столкновение в 282 г. до н. э.

Римская эскадра, состоявшая из нескольких военных кораблей, на обратном пути из Адриатического моря направилась к тарентской гавани, по-видимому, случайно вынужденная или побуждаемая временно в этой гавани остановиться.

Один вид римских кораблей уже раздражил население и вызвал с его стороны подозрение, а т. к. городское управление было построено на весьма либеральной демократической основе, то никто и не думал сдерживать свои чувства. Граждане тотчас собрались по греческому обычаю в театр,

и ораторам-демагогам немудрено было внушить толпе, что римские корабли пришли недаром, и что сверх того явно нарушенным оказывается старинный договор, по которому «варвары» обязались не заплывать в тарентских водах далее мыса Лациний. Разгоряченный этими речами народ бросился в гавань и без всяких дальнейших переговоров и предупреждения вступил в бой с римскими судами, из которых очень немногим, и притом лишенным своего вождя, убитого во время схватки, удалось уйти в открытое море и тем спастись от гибели.

Внутреннее состояние Рима

До сих пор еще весьма распространенное мнение приписывает римскому народу и его вождям какую-то ненасытную алчность к завоеваниям. При более точном исследовании фактов это воззрение по отношению ко всему дальнейшему периоду великих внешних войн Рима оказывается неосновательным, а по отношению к первому столкновению с эллинским миром (столь важному по своим последствиям) даже совершенно невероятным. Но прежде чем доказать это, необходимо остановиться на мгновение для обзора последних событий внутренней жизни Рима.

Полное и окончательное приравнение прав патрициев и плебеев произошло именно во время большой среднеиталийской войны. По закону *Публилия Филона*, проведенному

в 339 г. до н. э., было решено, чтобы *плебисциты*, т. е. решения общин, были одинаково обязательны для «всех квири-тов» – для всего народа. По другому закону того же Публилия, всякие постановления центуриатных комиций (например, выборы должностных лиц) не могли быть кассированы патрицианским *veto*, прежде чем вопрос о том или другом предложении будет решен в комициях. По третьему закону в это же время было положено, чтобы один из двух в пяти-летний период выбираемых цензоров непременно был плебеем. Долгая и тяжелая италийская война, не раз принимавшая такой опасный для Рима оборот, более чем всякая иная из прежних войн заставила римлян весьма осмотрительно относиться к своим силам и потому побудила руководящие кружки римского государства отодвинуть на задний план вопрос о различии патрициев и плебеев, старых и новых граждан, утративший уже всякий смысл и значение. Вот почему именно в 300 г. до н. э. удалось провести закон *Огульниев* (двух народных трибунов, Квинта и Гнея Огульниев), закончивший собой долгую борьбу. По этому закону *жреческие должности*, на которые, естественно, патриции дольше всего отстаивали свои права, стали доступны и плебеям. Было решено, чтобы к четырем патрицианским авгурам избиралось еще пять плебейских, а к четырем *высшим жрецам* (*pontifices*) из патрициев – четверо же плебеев. Этим все было закончено. Неценено было то, что такое полное преобразование первоначального устройства в существеннейших

чертах было произведено законным путем, правда, медленно, но без насильственных правонарушений, без революционных переворотов. Это тем более должно было придавать Риму громадное преимущество над другими государствами, что подобное развитие государственного организма весьма редкое в истории человечества явление.

Внешняя политика

После покорения Этрурии и всех соплеменных Риму народов власть римского государства распространилась на всю Среднюю Италию, и в Риме были озабочены тем, чтобы обеспечить за собой это господство – плод долгой и тяжелой борьбы. Уже во время войны была дополнена система колоний или укреплений: в 314 г. до н. э. была основана Луцерия в Апулии, в 313 г. до н. э. – Суесса, Понтии; в 303 г. до н. э. – Карсеолы; в 299 г. до н. э. на границе Умбрии Нарния; десять лет спустя, в 289 г. до н. э. – Сена Галльская, Каструм и Адрия у Адриатического моря, где незадолго до этого (291 г. до н. э.) был основан очень важный и крепкий пункт *Венусия*, далее всех продвинутой в южном направлении. В то же время все еще продолжались войны с галлами, которые в 285 г. до н. э. в союзе с некоторыми этрусскими городами, еще сохранявшими свою независимость, собрались отомстить римлянам за свое поражение при Сентине. И действительно, в 284 г. до н. э. они при Арреции нанесли римскому войску

страшное поражение, вследствие которого война на севере опять разгорелась. Только в следующем году (283 г. до н. э.) римлянам удалось одолеть оба галльских племени, сенонов и бойев, и бывших с ними в союзе этрусков.

Рим и Тарент

Что же касается отношения Рима к греческому миру, то они до этого времени были дружественными. Эллинская образованность и утонченность нравов стали в это время более и более проникать в Рим. Тем более неприятно было римлянам кровавое столкновение, произошедшее в тарентских водах, и римляне всеми силами старались уладить это дело любовным соглашением, зная, что война с Тарентом, как и полвека тому назад, привлечет из-за моря какого-нибудь честолюбца, который может задаться мыслью завоевать Италию.

Римское посольство явилось в Тарент требовать удовлетворения, и у тарентинцев было решено отнести к этому случаю как к несчастному недоразумению. Рассказывают, что посольство прибыло в Тарент не вовремя – во время празднования Дионисий, и население города, как и всегда в эти дни, предавалось шумному разгулу и веселью; что одному из римских послов было нанесено грубое оскорбление, а когда он в здании театра, в народном собрании стал излагать требования своего правительства, то был осмеян. Тарентин-

цы наотрез отказали в требуемом от них удовлетворении, и римляне двинули войска в их область. Тарентинцы в ответ на это напали на Фурии, состоявший под покровительством Рима, и нанесли ему значительный ущерб. Тогда римляне еще раз предложили мир, с тем, чтобы Фурии был приведен в свое прежнее состояние, римские пленники были отпущены на волю, и Риму было дано серьезное удовлетворение. Римляне надеялись на перемену направления политики в городе, где богатые граждане с досадой смотрели на эту войну, которая свалилась как снег на голову. Но никакой перемены *не произошло, а случилось именно то, чего более всего опасались: эпирский царь Пирр*, с которым тарентинцы вели переговоры, решил предложить Таренту свои услуги, чтобы вести войну с Римом.

Царь Пирр Эпирский

Этот царь уже успел приобрести себе известность в тех непрерывных войнах, которые бушевали в странах, лежащих за Адриатическим морем. Его первоначальное наследственное владение состояло из небольшого Эпирского царства, которое со своими «пеласгическими» порядками представлялось совершенно отсталым по сравнению с блестящим государственным строем окружающих стран.

Но и этого небольшого владения он лишился, когда его отец Эакид стал на сторону одного из диадохов Александра.

Это не понравилось могущественнейшему из эпирских племен, и оно царя Эакида сместило, а его сына Пирра, тогда еще мальчика, добрые люди едва успели спасти от преследования враждебной партии. Впоследствии много раз призываемый на царство и вновь изгоняемый Пирр наконец удалился к Деметрию, сыну Антигона, знаменитому и гениальному современному полководцу, с которым состоял в родственных отношениях. В решительной битве при Ипсе он сражался с ним рядом, затем попал заложником к египетскому двору, где своей прямоотой и рыцарским характером приобрел благосклонность умного царя Птолемея, который выдал за него замуж дочь и относился к нему, как к своему сыну. В 296 г. до н. э. он возвратился в Эпир, несколько лет спустя ввязался в войну со своим бывшим покровителем Деметрием, который с 294 г. до н. э. был македонским царем, и некоторое время, в 287 г. до н. э., был даже царем Македонии. Когда до него дошло воззвание тарентинцев, он опять сидел на своем родовом престоле и правил своим царством, которое узкой полосой тянулось вдоль берегов Адриатического моря. А это царство было слишком тесным поприщем для такого энергичного и сильного деятеля, для его тревожного духа, постоянно и неутомимо строившего все новые и новые планы. Предложение тарентинцев вызывало его на Запад, где тотчас же представлялся Пирру целый ряд новых комбинаций. Может быть, он льстил себя надеждой на то, что в странах Запада явится тем же, чем Александр Великий явился на

Востоке. К тому же, вероятно, ко двору Пирра уже проникли посланцы от побежденных в последней войне самнитов и этрусков, а также галльские предводители наемников. И соседние правители, вероятно, поощряли Пирра в выполнении его плана, т. к. этим путем надеялись надолго избавиться от беспокойного соседа или противника.

Пирр в Италии

Один из подчиненных Пирра, некто Киней, осенью 281 г. до н. э. переправил в Италию отряд в 3 тысячи человек. Весной 280 г. высадился там же и он сам с 20 тысячами гоплитов, 2 тысячами стрелков и 500 пращников, 3 тысячами конницы и 20 слонами, никогда еще не виданными здесь. В Риме вполне понимали опасность и весьма деятельно готовились к войне. Одно войско направилось в Этрурию, в столице был оставлен запасной отряд, а один из консулов 280 г. до н. э., Публий Валерий Левин, с главными силами двинулся в Луканию, где город Фурии вновь был отнят у тарентинцев. А между тем эпирский царь распорядился в Таренте по-солдатски и возбудил сильное неудовольствие среди граждан роскошного торгового города, которых он, не стесняясь, привлекал к исполнению воинских обязанностей самыми энергичными мерами. Ему нужна была битва, потому что нужна была победа, чтобы поднять на ноги итальянских врагов Рима и утвердить свое значение в Италии. И вот бит-

ва не замедлила. Римляне не избегали ее, т. к. они и своему народу, и своим врагам хотели показать, что они не боятся заморских врагов и их знаменитого вождя. Они перешли через небольшую речку Сирис, впадающую на юг от Гераклеи в Тарентский залив. Эта переправа была совершена на виду у неприятеля и в отличном порядке. Говорят, что сам Пирр не мог при этом удержаться от замечания: «Это не варварский военный строй».

Битва при Сирисе. 280 г. до н. э.

Римское войско выступило против македонской фаланги в своем древнем боевом порядке, по которому легион делился на три рода оружия (*hastati*, *principes*, *triarii*) с добавлением небольшого числа легковооруженных (*velites*) и 300 тяжеловооруженных всадников; в связи с легионом действовали отдельные когорты союзников, почти в таком же вооружении. Каждая когорта носила название той общины, которая ее поставила. Две первые шеренги (*hastati* и *principes*), в каждом легионе по 1200 человек, были вооружены исключительно римскими метательными копьями *пилумани* (*pilum*). Когда все эти дротики были выпущены в противника, эти передние ряды выхватывали свои короткие мечи и устремлялись на неприятеля. Если их натиск не сокрушал неприятельского строя, то следом вступал в битву третий ряд воинов легиона, триарии (их было по 600 в каждом легио-

не), опытные воины, вооруженные длинными копьями. Таков был римский способ наступления, испытанный на войнах против самнитов и галлов. Но на этот раз все усилия римлян, пытавшихся пробить фалангу эпиротов – в бесчисленных боях Востока испытанный боевой порядок македонско-греческой тактики, – оказались тщетными; а когда атака римской конницы оказалась удачной, Пирр выдвинул против нее слонов, которые произвели величайшее смятение в конном строю, лошади не выносили крика этих животных. Итак, после мужественной борьбы битва закончилась поражением римлян, которые потеряли 7 тысяч убитыми. Пирр приобрел этой победой значение. Южные греческие города примкнули к нему, а самниты, луканцы, бруттии приободрились и стали присылать ему подкрепления. Но важнейшая в этой местности римская крепость Венусия не думала сдаваться, и среди городов древнеримской области не выказывалось ни малейшего стремления примкнуть к неприятелю. Пирр задумал напугать римлян, вступил в Кампанию, переправился через р. Лирис и дошел до Анагнии (в 8 милях от Рима). Однако он был достаточно прозорлив, чтобы сознавать, что здесь он имеет дело с силой, гораздо сильнее сплоченной, чем представлялось в рассказах тарентинцев о Риме. И вот он отправил в Рим своего доверенного советника, Кинея, с предложением мира.

Мирные предложения

В Риме поражение при Сирисе произвело очень сильное впечатление, и среди правителей нашлись люди, которые были бы не прочь принять снисходительные условия мира, предложенные царем. Еще не все в ту пору, особенно в массе народа, успели сродниться с мыслью, что Рим предназначен быть столицей всей Италии, что он, в сущности, уже и есть столица. Рассказывают, что даже в сенате только энергичная речь знаменитого старца Аппия Клавдия Цека (Слепца) внушила всем твердость и устранила колебания. Старый и слепой сановник на этот раз приказал принести себя в курию на носилках и заявил, что он «желал бы, сверх слепоты, еще оглохнуть, чтобы не слышать речей о мире, нашептываемых трусостью». Нашлись, однако, кроме него люди, которые припомнили многовековую историю города Рима и нашли невозможным переговоры о мире с царем, который, по выражению Аппия Клавдия, «был не более, как оруженосцем одного из телохранителей Александра Великого». Ответ Пирру, принесенный Кинеем из Рима, с полной ясностью выказывал великий политический замысел: «Никакой мир невозможен до тех пор, пока Пирр не покинет Италии».

Битва при Аускуле

Римское государственное и военное устройство произвело глубокое и сильное впечатление на Кинея и на самого Пирра, который, будучи мужественным и проницательным воином, сумел оценить воинскую готовность Рима и вывел из этого свое заключение. Римские писатели с понятной гордостью передают речи посла Пирра, в которых он сообщал царю вынесенные им из Рима наблюдения и, между прочим, выразился, что «римский сенат показался ему собранием царей». И сам царь был немало поражен: римские пленники, которых он под честное слово отпустил в Рим на празднование Сатурналий, все вернулись в его лагерь в назначенное время. В этом факте, впрочем, скорее следует изумляться чрезмерному рыцарству Пирра, допустившего такой отпуск для военнопленных, если только факт не был вызван тем, что он очень хлопотал в это время о мире с Римом и некоторое время мог даже питать основательные надежды на его заключение. В действительности его положение уже становилось весьма шатким, т. к. война быстро истощила его средства и он не имел возможности пополнить их в достаточной степени ни из казны своего маленького царства, ни из богатств Тарента, которому от войны уже солоно приходилось, ни поборами с италийских областей, страшно истощенных и доведенных до полнейшей крайности. Однако для

похода 279 г. до н. э. ему еле удалось собрать достаточное войско, в котором насчитывалось 70 тысяч человек. Театр войны был перенесен на самый юг Италии, т. к. он вынужден был отступить. При *Аускуле*, на самнитской земле, он сошелся с римским войском, почти равнявшимся войску Пирра по численности (в том числе было 20 тысяч римских граждан, т. е. 4 легиона). Благодаря своему воинскому искусству, после двухдневной битвы, он еще раз одержал победу, которая, однако, была недостаточно решительной и полной, чтобы существенно изменить его весьма шаткое политическое и военное положение. Эта слабость в значительной степени зависела от неудовлетворительности его операционного базиса, и он вдруг задумал, совершенно в духе своего учителя Деметрия и борьбы диадохов, разом оборвать свою войну в Италии и обратиться предварительно к завоеванию Сицилии, чтобы придать хоть какую-нибудь прочную основу своим действиям.

Пирр в Сицилии

Остров Сицилия, расположенный между Европой и Африкой, в самой середине Средиземного моря, которое он разделяет на две половины – восточную и западную, от природы чрезвычайно плодородный и изобилующий превосходными гаванями, казалось, предназначен быть повелителем и владыкой всего Средиземного моря. Но именно вследствие это-

го слишком выгодного положения остров Сицилия никогда и не мог добиться независимого национального существования. Отовсюду открытый для колонизации, он во все времена привлекал к себе переселенцев, и эти переселенцы постоянно боролись между собой за господство над всем островом. Древнейший слой туземного населения состоял из сикулов или сиканов, которые, как предполагают, переселились сюда из Италии. Затем явились финикийцы, и когда их время миновало, дело колонизации продолжали их естественные преемники, карфагеняне (пунийцы или североафриканские финикийцы), и прочно основались на западной стороне острова, начиная от Лилибея (т. е. «к Ливии обращенного»), который был их важнейшей колонией в Сицилии. Немного погодя, в цветущий период эллинской колонизации, быстро заселился греческими колониями восточный берег острова: здесь появились Мессана, Сиракузы (735 г. до н. э.), Катана, Леонтины, Мегара, Гела, Селинунт, Акрагант (580 г. до н. э.), и все они быстро достигли цветущего состояния и, в свою очередь, образовали новые поселения.

С тех пор нескончаемая борьба между пунийцами и греками составляла главную основу их истории; и рядом с этой борьбой шли неизбежные раздоры между различными племенами эллинов, поселившихся в Сицилии, и внутренние усобицы и перевороты в греческих городах. В их среде уже очень рано дорийский город Сиракузы приобрел выдающееся положение на юго-восточном берегу, как опорный пункт

борьбы против карфагян; а для карфагян он стал главной целью их военных предприятий. Внутренняя история Сиракуз представляет собой непрерывную цепь переворотов, при которых демократия и тирания чередуются. Так, вскоре после того, как город отстоял свою независимость против нападений ионийских Афин (415—413 гг. до н. э.), наступила тирания двоих *Дионисиев* (406—343 гг. до н. э.), а затем с 315 г. тирания *Агафокла*. Борьба с пунийцами постоянно вынуждала сосредотачивать все силы в руках одного правителя. И после смерти Агафокла пунийцы опять стали одолевать сиракузян, и посольство от них явилось к Пирру и пригласило его вступить за эллинов против их исконного врага. Он охотно взялся за это дело, тем более, что был женат на дочери умершего сиракузского тирана, да притом вынужден был искать выхода из своего неловкого и не особенно почетного положения в Италии.

Союз Рима с Карфагеном

В то время как карфагяне уже приступили к осаде Сиракуз, Пирр (278 г. до н. э.) еще раз попытался вступить с римлянами в переговоры, но получал такой же ответ, как и раньше. В Риме уже и слышать не хотели ни о каком вмешательстве или посредничестве эпирского царя, который был уже не страшен римлянам. Естественным следствием нового положения было заключение оборонительно-наступатель-

ного союза между обеими республиками, Римом и Карфагеном, против их общего врага царя Пирра. По этому союзному договору оба государства обязывались не заключать с Пирром отдельного мира, и, в конечном итоге, договор должен был привести Рим к обладанию Тарентом, т. е. всей Италией, а карфагенян к обладанию Сиракузами, т. е. Сицилией.

Возвращение Пирра

Царь Пирр приплыл в Сиракузы (278 г. до н. э.), и война тотчас охватила широкое пространство. Пунийцам тотчас пришлось почувствовать на себе, что за дело взялась сильная и умелая рука. Они должны были снять осаду с Сиракуз и вскоре были доведены до того, что, несмотря на договор, заключенный с Римом, предложили Пирру мир, отказываясь от всяких притязаний на Сицилию и удержав за собой только Лилибей, важнейшее из своих владений, в котором преобладал пунийский элемент в населении (277 г. до н. э.). Но Пирр, ободренный быстрым успехом войны, пришел к убеждению, что война, веденная им, не достигнет существеннейшей своей цели, если пунийцы не будут окончательно изгнаны с Сицилии, и мир с Карфагеном не состоялся. Притом Пирр собрал сильный флот, который мог оказать ему важные услуги при возобновлении войны в Италии, и летом 276 г. до н. э. он более чем когда-нибудь был близок к достижению своей цели, если только вообще ее можно считать достижи-

мой. Но и среди сицилийского населения ему пришлось испытать то же, что он уже испытывал в отношениях с италийскими греками. Греки, призвавшие его на помощь и больше всего на свете ценившие свою свободу во внутреннем городском управлении, неохотно подчинились правлению Пирра, сильному и энергичному, поставленному на военную ногу. Притом невозможно было надолго соединить под одной властью эти греческие города, вечно враждовавшие между собой. Началось понемногу их отпадение от общего дела. Карфагенское войско снова пришло на остров и стало довольно успешно действовать, и поэтому Пирр, уже не вполне добровольно, должен был решиться на возвращение в Италию и на возобновление там войны, которая тем временем успела принять весьма неблагоприятный для его итальянских союзников оборот.

Поражение Пирра при Беневенте и его смерть

Рим еще в 280 г., в год первого поражения, заключил мир с этрусскими городами. В 278 г. тарентская колония *Гераклея* заключила мир с Римом. В следующем году Кротон и Локры склонились на сторону Рима, во власти которого и так уже находился весь южноиталийский берег, за исключением самого Тарента и г. Регий, который вследствие солдатского бунта в рядах римского войска попал в руки возмущившейся его части, именно кампанского легиона. Самнитская область

находилась в полной зависимости от расположенных в ней римских войск, и ее население даже не помышляло о каком бы то ни было восстании. Единственным успехом, которого мог добиться Пирр после возвращения в Италию, было завоевание города Локры, в то самое время, когда все сделанное им в Сицилии рухнуло и разбилось в прах. Еще раз он задумал попытать счастья в битвах: поход 275 г. до н. э. он начал с того, что устремился с войском в Самний, и на самнитской территории, на полпути от Тарента до Рима, наткнулся на римское войско при *Беневенте*. Войском предводительствовал плебейский консул того года, *Маний Курий Дентат* – ветеран самнитских войн. В последовавшей битве счастье покинуло Пирра. На этот раз римские легковооруженные воины (велиты) сумели даже справиться с его слонами, которые пугались их стрел, обернутых горячей паклей, и, поворачиваясь в тыл неприятеля, распространяли смятение в рядах войска Пирра. Потеряв сражение, Пирр поспешил закончить и войну. Покинув Италию, он оставил в ней только одного из своих военачальников, *Милона*, с 3 тысячами гарнизона в тарентской цитадели. Напрасно он взывал к восточным дворам, прося о помощи. Едва вернувшись на родину, он тотчас же вступил в новую борьбу, и во время одного похода в Пелопоннес пал в битве у ворот Аргоса (272 г. до н. э.).

Характеристика Пирра

Один из талантливых писателей древности изображает воинственного и благородного эпирского царя идеалистом и удивительно верно замечает, что он «постоянно расточал в упованиях то, что успевал приобрести деяниями». Между историческими героями ему нельзя указать место, т. к. весь его поход на Запад был вопиющей несправедливостью. В этой войне все симпатии, несомненно, должны быть на стороне Рима, который тщетно требовал от тарентинцев удовлетворения за грубое правонарушение и затем мужественно сумел отстоять свое веками приобретенное положение и свою свободу против иноземного воителя... В этой борьбе он, наконец, осознал и проявил свое истинное призвание – быть руководителем судеб Италии.

Италия под властью Рима

Милон, узнав о кончине своего царя, не замедлил сдать тарентскую цитадель римскому консулу Луцию Папирию Курсору (272 г. до н. э.). Очевидно, это произошло если не по предварительному распоряжению Пирра, то совершенно в его духе. Его военачальник передал цитадель римлянам, врагам, которые до конца честно воевали с Пирром, а не карфа-

генам, как того желала некоторая часть тарентских граждан, опасавшихся возмездия римлян. С этой целью карфагенская эскадра даже зашла в тарентскую гавань, но тотчас после заключения Милоном договора с римлянами направилась обратно восвояси. Древний дорийский город был обезоружен, его корабли были уведены римлянами, укрепления скрыты, а управление оставлено неприкосновенным. После этого те немногие города и местности Италии, которые еще были готовы обороняться, были вынуждены или сложить оружие перед Римом, или добровольно его сложили. В 271 г. до н. э. *Регий*, все еще находившийся в руках кампанских мятежников, был взят штурмом, и остальные из этих кампанцев (еще около 300 человек), уцелевшие после отчаянной обороны, были отведены в Рим и там обезглавлены на форуме. После этих событий римляне не замедлили закрепить за собой территорию, приобретенную такими тяжелыми усилиями, и для этой цели прибегли к испытанному уже средству повсеместного распространения своих колоний. В 273 г. до н. э. были основаны Пестум и Коза в Лукании, в 268-м – Беневент в Самнии, Аримин на берегу Адриатики для обороны от галлов, затем в течение двух лет Фирм, Каструм Новум и Эзерния в Самнии.

Общее политическое положение

Повсеместное распространение этих колоний, предназна-

ченных не только для военных целей, но и служивших рассадником римской цивилизации посредством населяемых в колонии и прикрепляемых к земле римских граждан, служит лучшим доказательством того, что промежуток времени от 343 до 264 гг. до н. э. был для Италии не только эпохой опустошений и насилий, но и эпохой прогресса и дальнейшего преуспеяния. То же самое можно сказать и о Востоке в период, последовавший за смертью Александра Великого: с первого взгляда видна только спутанная борьба разнузданного себялюбия, смешение эллинских и восточных пороков при новых царственных дворах, падение идеалов и условий народной жизни, напоминавших о лучшем и более здоровом времени. На самом же деле это было не совсем так. Немногих лет завоевательной и правительственной деятельности Александра Великого было достаточно, чтобы уничтожить преграды, существовавшие между народами, чтобы проложить во все стороны новые пути для торговли и международных отношений, и особенно для того, чтобы открыть весь мир как громадное торжище и поприще для развития бесконечной деятельности эллинского духа, до того времени находившего себе применение только в ничтожных усобицах, внутренних смутах, племенной ненависти или борьбе политических партий. Бесчисленные походы, битвы, разорение городов и опустошение областей в течение 40-летней борьбы диадохов не способны были изгладить то, что пробужденное к энергичной деятельности человечество, поднятое в

царствование Александра на высшую ступень культуры, было способно произвести в один год путем частной предприимчивости и трудолюбия. Об этой деятельности – об усердном труде миллионов безымянных людей – история не может ничего сообщить. В сохранившихся летописях отдаленного прошлого лишь изредка, и то случайно, луч света освещает эту сторону исторической жизни. Можно, однако, представить ее себе во всей полноте, если вспомнить, сколько новых городов в сравнительно короткий промежуток времени было основано на громадном пространстве царства Александра. На нем возросло теперь несколько больших и много маленьких самостоятельных государств, которые при всем своем разнообразии должны были во всяком случае не препятствовать, а, наоборот, способствовать распространению известного рода одинаковой эллинистической культуры, с ярко греческой окраской. Распространению этой культуры должен был в значительной степени способствовать и тот монархический характер, который носили на себе все новые возникшие на Востоке государства. Если эта эллинистическая культура и для самого Александра являлась одним из средств объединения, одним из способов управления его обширной монархией, то тем более она должна была иметь значение для новых монархов, которые и для войны, и для мира, и для пополнения войска, и для украшения своих резиденций нуждались во всякого рода «технитах» – наемниках и ученых, художниках и ремесленниках, и находили их

преимущественно на древнегреческой почве. Частые войны также вызывали потребность в своих специальных техниках, в виде наемных и постоянных войск, и благодаря именно таким войскам эти войны не прерывали мирных занятий граждан, как это бывало во время войн между греческими городами. То отвращение от политической деятельности, которое можно уже заметить в афинском обществе демосфеновского времени, еще сильнее проявилось в новейших эллинистических монархиях. Та нравственная сила, которая обращалась на политическую деятельность и часто расточалась на нее впустую, теперь обратилась на более производительную частную деятельность. Люди стали гораздо более своекорыстными, материальными, более пристрастными к наслаждениям, но зато и более старательными и более искусными в своей трудовой деятельности.

Запад и эллинское влияние

В противоположность этому монархическому и космополитическому развитию в восточной части современного исторического мира, на Западе из основ строго замкнутой народности возникал республиканский Рим и возрос до значения державы, которая, особенно со времени последней войны, все больше и больше начинала привлекать к себе внимание всех царей и народов. И сам город Рим, и римское государство в последние полвека успели существенно пре-

образиться. Жизнь среди стен, которыми царь Сервий Туллий обнес семь римских холмов, приняла совсем иной характер с тех пор, как Рим стал столицей союза областей и городов, простиравшегося от северных отрогов Апеннин до Регийского пролива на юге. Этот характер жизни был в зависимости, главным образом, от двух начал: от религиозного культа и от политики. Праздничные богослужения и процессии, жертвоприношения перед алтарями быстро выраставших в Риме святилищ, совещания жрецов, вызываемые какими-нибудь явлениями, требовавшими тщательного обсуждения с религиозной точки зрения, – и рядом с этим деловая, гражданская жизнь в виде заседаний сената, народных собраний, торжественных вступлений в должность или сложения с себя должностей высшими сановниками; или же военная жизнь – набор войск и торжественное принесение присяги новобранцами, выселения из Рима военных колоний... Изредка же радостное и трогательное зрелище триумфального вступления в Рим полководца-победителя, за колесницей которого следовало его торжествующее войско, – вот те впечатления, которые являлись в Риме ежедневными, происходили на глазах у всех граждан и у постоянно возраставшего наплыва заезжих иностранцев. Под этими же впечатлениями вырастало и римское юношество. В городе в это время все улицы были вымощены, два водопровода уже проводили в него воду. Особенно изменился форум – этот главный центр города: статуи именитых мужей, в том чис-

ле и греческих знаменитостей, украшали его, здесь же находилась особая трибуна, которая называлась *грекостасис* и предназначалась для именитых гостей из иноземцев, которым почему-либо было интересно взглянуть на форум и послушать, что на нем говорилось.

На этой трибуне появлялись и иноземные послы. Так, например, здесь в 273 г. до н. э. все видели послов, присланных в Рим из Александрии, от двора Птолемеев. Греческое влияние в это время начинало возрастать. С 269 г. до н. э., с введения ценности на серебро, Рим вступил в круг эллинской монетной системы, и в то же время монетным дворам в союзных и подвластных Риму общинах было дозволено чеканить только разменную монету.

Даже и в области народных нравов и народных увеселений подражание грекам становилось все более и более заметным: возлежание за столом вместо сидения, надгробные надписи, бег колесниц во время главного празднества «римских игр»; и уже с 364 г. до н. э. явились на площадях Рима деревянные подмости для всякого рода свободных художников (*spatiatores, grassatores*), выступавших для забавы народа. Эти забавы вскоре были сначала дополнены, а потом и вытеснены настоящими театральными зрелищами. О поэзии, да и вообще о литературе, еще почти не слышно. Из поэтических форм известен только один в высшей степени однообразный размер, который был уместен только на надгробных надписях, для придания им большей торжественно-

сти, но не годился для поэтического вдохновения, например: «Cornelius Lucius Scipio Barbatus».

Жалки были и начинания исторического повествования, которые относятся именно к этому времени, когда и народ, и его руководители дожили до полного государственного самосознания и вместе с тем до убеждения, что божество удостоивает их родной город своего особого благоволения. Эти начинания не заслуживают даже и названия литературы, т. к. и они находились на той ступени развития, когда еще не могли служить для чтения или для целей внутреннего развития, а только для удовлетворения непосредственно практических потребностей. Писали в Риме много и писать стали очень рано. Так, например, неизбежно приходилось вести списки должностных лиц, и они послужили основанием краткой хроники, ведение которой входило в круг обязанностей греческого сословия. Но этого было недостаточно, чтобы сохранить в народной памяти сведения о древнейшем периоде его истории, который и тогда уже заслуживал серьезного исследования. О таком исследовании и помину не было, но зато не было недостатка в литературном усердии греков, которые охотно принялись за пополнение римской истории своими троянскими легендами и родословными таблицами, своими истолкованиями и измышлениями смелой фантазии. В 296 г. до н. э. на форуме было выставлено медное изображение обоих богов-близнецов (Ромула и Рема) с волчицей, будто бы вскормившей их. Следовательно, леген-

да об основании Рима в эту пору получила уже известного рода значение. Она тотчас же глубоко укоренилась в народе, т. к. была вызвана к жизни греческим искусством и стояла в полном соответствии со всеми веяниями времени, отовсюду наносившими семена эллинской культуры. Несколько лет спустя, в 293 г. до н. э., из расплавленного оружия и доспехов самнитов на Капитолийском холме было отлито колоссальное медное изваяние Юпитера, которое видно было даже с окрестных высот. В это же время художник из патрициев, принадлежащий к древнейшей патрицианской семье Фабиев, берется за кисть, чтобы расписать стены одного из капитолийских храмов – ясное доказательство того, как сильно уже действовало греческое влияние на высшие слои римского общества. Что же касается греческого языка, который приобрел в то время всемирное значение и был понятен всем от Геркулесовых столпов до устья Инда, то потребность в нем уже в такой степени ощущалась в Риме, что сюда стали стекаться греческие преподаватели (*grammatici*) для обучения римлян греческому языку. Об одном из них, некоем Андронике, известно даже столько, что в общих чертах можно проследить его жизнь. Этот Андроник находился в числе тех военнопленных, которых в 272 г. до н. э. римляне увели из Тарента. В качестве раба он попал в дом весьма значительного человека, Марка Ливия Салинатора (о нем еще придется говорить впоследствии), обучал детей и, когда был отпущен на волю, то принял имя своего господина. Марк Ливий

Андроник и после своего освобождения от рабства жил на средства от преподавания греческого языка, как, вероятно, и многие другие. В виде пособия к своему преподаванию он составил учебную книгу, нечто вроде перевода Одиссеи сатурнинским стихом; кроме того, он был и актером, и автором произведений для сцены. И, несмотря на то, что он, по-видимому, был человеком необширного ума и весьма ограниченного образования, ему все же выпало на долю быть первым посредником в пересажении произведений греческого духа на римскую почву.

Римская своеобразность

Но как глубоко ни проникало в римскую жизнь греческое влияние, оно все же не касалось внутреннего существа римской народности. И в порывах радостного чувства, и в минуты серьезного, сосредоточенного созерцания римляне проявлялись совсем иначе, нежели греки. На форуме не слышно было оживленного говора, не видно было возбуждения и быстрой жестикуляции, как на эллинских рынках, на народных собраниях, даже там, где не принималось никаких решений, имеющих законную силу, а речь шла только о домашних делах, председательствовал непременно чиновник, который один только и мог руководить обсуждением поднимаемых на собрании вопросов, и ни тот, кому он дает слово, ни слушатели не предаются сильному волнению. В зако-

нодательных собраниях, в комициях, ни о чем не спорят, а только подают голоса – отвечают на вопросы, которые ставит председатель власти, консул, претор, трибун, и ставит ясно и определенно: «Хотите ли и приказываете ли, квириты?» Дело в том, что этот представитель власти накануне ночью совещался в Капитолии с авгуром, и авгур, по его желанию делавший наблюдения над полетом птиц, удостоверил его, что со стороны богов не встречается препятствий к выполнению важного дела, задуманного на завтра. Этот римский народ, который во всем привык опираться на надежный авторитет, еще очень твердо придерживается своей религии, хотя служение богам, и общественное, и домашнее, представляется чисто внешним, обрядовым. Если сенатор возвращается с заседания или приезжает с выборов в свое имение, то, вступив в атриум своего дома, он прежде всего идет к тому углу, где стоит небольшое изваяние домашнего божества (*lar familiaris*), и кланяется ему; точно так же и дневная работа, и простая обыденная трапеза начинается с того, что ларам возносится курение или в честь их на огонь очага бросают щепотку соли или горсточку муки.

Праздников, т. е. дней, посвященных служению богам, было еще немного, и они еще редко прерывали строго распределенную работу. Воля отца преобладает безусловно, и рядом с отцом в своем особом круге деятельности и мать пользуется почтением, т. к. положение женщины еще не поколеблено каким бы то ни было влиянием греческой испор-

ченности нравов. Взаимные отношения супругов между собой и детей к родителям подчинены известным правилам, известному церемониалу твердо установленных форм, которые римский народ вносит всюду.

Таким образом, серьезное отношение к работе, спокойное послушание являются в этом народе как бы прирожденными или воспитанием привитыми качествами, и это воспитание заканчивается в военном лагере обязательной воинской службой, через которую пролегает путь к государственным почестям и которая придает свой особый отпечаток даже жизни самого простого смертного. Без всякого ропота подчиняется римлянин государственной власти, и в противоположность грекам, он с глубоким уважением взирает на представителей власти – чиновников. Строгий полицейский надзор обуздывает все проявления обыденной жизни и зорко следит за проникающими в Рим греческими искусствами. Уже законы 12 таблиц запрещают смехотворные и волшебные песни и многое другое, т. к. на римской почве все определено и ничто не предоставляется на произвол судьбы. В 275 г. до н. э. Публий Корнелий Руфин подвергается взысканию и вычеркивается из сенаторского списка за то, что он обладал серебряным сервизом, а это по древнеримским понятиям превышало меру дозволенной роскоши. Несмотря на подобные строгости, благосостояние народа все же, видимо, возрастает, хозяйство начинает приобретать значительные размеры, внутренняя торговля Италии поднимает-

ся точно так же, как и городские ремесла, которыми занимается множество рабов и вольноотпущенников. Во всей Италии уже совершился переход от обмена к денежному обращению.

Государственная система

Римское государственное устройство в существеннейших своих чертах уже было закончено. Немного позднее рассматриваемого времени один из именитых государственных римских людей, хваля это устройство, говорит о нем, что «оно не было делом одного законодателя, какого-нибудь Миноса или Солона, а скорее делом многих поколений и медленно назревающего опыта». Из трех элементов – демократического, монархического и аристократического, о которых греческие теоретики справедливо говорят, что эти элементы в разумном смешении дают главную суть хорошего государственного устройства, демократический элемент, на первый взгляд, как бы преобладал в Риме. Это можно заключить из того, что каждый совершеннолетний гражданин имел право избирательного голоса и доступ к почетным должностям, и в комициях все голоса были равны, по крайней мере в комициях по трибам, т. е. собраниях по месту жительства, в силу принадлежности по рождению к одной из 35 триб. Из двух других форм подачи голосов наиболее благоприятная для патрициата подача голосов по куриям утратила всякое значение, а по-

дача голосов по центуриям, в которой имущественный ценз давал большие преимущества, уже близилась к преобразованию в демократическом смысле и, более того, по отношению к внутренним вопросам положительно уступала место демократическим комициям по трибам. Во всяком случае, и самый ничтожный из граждан участвовал в избрании высоких сановников и мог себе сказать, что у него для защиты от этих сановников есть свой сословный сановник, трибун его общины. Таким образом, каждому римскому гражданину было вполне присуще сознание того, что он свободен и составляет часть правящей народной общины, и это сознание особенно возросло с той поры, как римский гражданин по отношению к союзникам и подданным Рима увидел себя членом господствующего народа, привилегированной части населения Италии. Так, например, право обращения ко всему народу по поводу каждого произнесенного должностным лицом приговора (провокация) тем более способствовало подъему его демократического сознания, что он пользовался этим правом наравне с самыми знатными и богатыми согражданами, между тем как и самый выдающийся из союзников этим правом не пользовался.

Своеобразие римской политической жизни

Но, несмотря на все это кажущееся преобладание, демократический элемент не был особенно силен. Так, например,

трибунство с течением времени обратилось в орудие имени-ных плебеев, плебейской аристократии, которая имела гораздо больше общих интересов с патрицианской аристократией, чем со своими менее зажиточными собратьями. В сущности же монархическое начало осталось в римском государстве не нарушенным, если под этим разуместь силу правительства, единство и настойчивость исполнительной власти. Это начало яснее всего высказывалось в том полновластии, которое народ вручал своим чиновникам. Большой политический смысл народа доказывается именно тем, что он допустил временные восстановления монархической власти в виде диктатуры, да и вообще все должностные лица в Риме в течение их должностного года были в своей законной сфере до такой степени независимыми, как ни в каком ином государстве. Смещение сановника в течение его служебного (должностного) года было немыслимо, а вынужденное, вследствие морального давления, насильственное удаление его было величайшей редкостью, т. к. от всякого злоупотребления служебной властью оберегал своеобразный принцип коллегиальности: то, что один из консулов, преторов, цензоров всегда мог парализовать деятельность своего товарища, сделав противоположное его мероприятиям распоряжение (каждый из них обладал полным и нераздельным правом по своей должности). К ответственности каждый чиновник мог быть привлечен не раньше, чем после окончания его должностного года. То высокое положение, которым пользо-

вались в Риме все должностные лица, наглядно выразалось и внешними признаками отличия: при появлении их в народе у всех высших чиновников одежда была обшита пурпурной каймой по краям (*toga praetexta*), консулы же во всех торжественных случаях являлись в пурпурной одежде.

По креслу, выложенному слоновой костью, по ликторам с их пучками прутьев и топорами можно было издали узнать претора, консула римского народа, и этому внешнему почету соответствовали знаки уважения, изъявляемого сановнику со стороны встречных прохожих. Перед сыном-консулом старик-отец поднимался с кресла или сходил с коня. Само собой разумеется, что значение консульской власти еще более возвышалось правом в течение должностного года быть и главнокомандующим. Все эти почести, конечно, были очень желательными, были приманкой для молодых честолюбцев, но до консульства было нелегко добраться: надо было пройти через квестуру в эдилы, а из эдилов попасть в преторы, и только после претуры можно было добиваться консульства. И далеко не все могли питать эти честолюбивые мечты в римском государстве, которое на вид казалось таким демократическим, потому что аристократический элемент больше по форме и на словах, чем на деле, утратил свое прежнее значение. Насколько известно, общественная жизнь носила еще на себе аристократический отпечаток. Патрицианские фамилии, тесно сплоченные, сохранили еще за собой некоторые особые права и особые почести: из патрициев выби-

рался один из ежегодных консулов, один из цензоров, двое из четверых эдилов. Им же принадлежала почетная должность *старейшего из сенаторов* (princeps senatus) – первого подававшего голос – и некоторые жреческие должности. И в сенате, и на улице сенатора из патрициев можно было тотчас узнать по пряжке из слоновой кости в виде полумесяца (lunula), которой были скреплены черные ремни его красной обуви. Но еще более важно было то, что к старому патрициату – благородным по рождению – присоединилось потом знатное плебейство, приобретающее видное положение в обществе посредством службы. Плебей, добившийся консульства, вступал уже в круг прирожденной аристократии. Также и его семейство наследовало и его положение в обществе, и все преимущества, и все притязания высшего сословия. И немало было уже в Риме семейств, которых интересы положения, интересы благородного сословия, выросшего рядом и почти вместе с патрицианским сословием, связывали в очень тесный и строго замкнутый круг. Аристократизмом отзывалось и то, что все курульные должности были должностями почетными, не сопряженными ни с каким жалованьем.

Сенат

Но самым своеобразным явлением в этом своеобразном государственном организме был, конечно, его сенат – учреждение, которому во всем свете нельзя было найти подобно-

го.

Не будучи представительным учреждением, римский сенат был полнейшим воплощением нации, какое когда-либо существовало у народа. Учреждение было древнейшее, сросшееся с жизнью народа, в основе своей демократическое, никогда оно не переживало никаких насильственных преобразований, и все же шло вперед вместе с народом, благодаря своевременному привлечению плебейского элемента в среду *приписных* (*conscripti*) членов, рядом с *отцами* (*patres*). Первоначальная форма обращения к Сенату: «отцы, приписные члены» («*patres, conscripti!*») слилась потом в не совсем понятную для позднейших поколений формулу: «*Patres Conscripti*». Его состав, впрочем, теперь действительно стоял в зависимости от чисто демократического принципа народных выборов, хотя и производившихся косвенным образом: каждое пятилетие цензоры пересматривали списки сенаторов и дополняли корпорацию сенаторов бывшими сановниками, следовательно, такими людьми, которые были удостоены общественного доверия, уже избраны народом, уже указаны общим голосованием и которые притом способны были подать дельный совет, т. к. сами уже занимали некогда важную и ответственную должность. Таким образом, это собрание «отцов» соприкасалось с народом, который многим своим избранникам открывал путь для вступления в эту высшую корпорацию, и в этом именно смысле сенат можно было назвать демократическим учреждением, хотя, в общем, он и

носил на себе отпечаток аристократизма. Сенат состоял из бывших сановников, и сенаторы даже садились и голоса подавали по совершенно определенному порядку чинов: сначала – бывшие консулы, за ними преторы и т. д. Заседали они в сенате пожизненно, ответственности никакой не подлежали, корпорация сама соблюдала известного рода дисциплину в среде своих членов, и прения сената хотя и не были публичными, однако не составляли тайны. И постепенно обстоятельства сложились так, что корпорация сената представляла собой монархическое начало в государстве – единство и непрерывность высшей государственной власти. История средних и новейших времен повествует о столкновениях и борьбе совещательных собраний и учреждений, облеченных исполнительной властью. Ничто подобное в римском сенате было немыслимо: здесь и совещательные, и исполнительные органы государства действовали заодно. Собрание сенаторов, составленное из действительных и бывших чиновников, с уважением относилось к власти и праву чиновников, состоявших при должности, а тем более консулов, которые были постоянными председателями сената, и консулы, в свою очередь, подумать не могли коснуться прав корпорации, в среде которой они должны были вновь вступить по истечении своего должностного года. Притом для предупреждения каждого превышения власти существовало весьма острое орудие: право цензоров исключать недостойных или обходить их при пополнении списков сената, а это

право доверялось цензорам именно потому, что цензорами могли быть только бывшие консулы, следовательно, лица, закончившие свою государственную карьеру и вполне независимые от расположения или нерасположения народа. В быстром потоке событий и явлений политической жизни это собрание осталось непоколебимым и собиралось по-прежнему в старой курии на форуме. Оно было главой государства и в нем сосредотачивалось все, что государство имело лучшего в смысле деловитости, любви к отчизне, энергии и осмотрительности.

Союзники и подданные Рима

Союзное царство, во главе которого стоял Рим, было таким способом сплочено или сращено, что можно было только с почтением отнести к созидательному смыслу господствующего римского народа, насколько созданное им могло быть приписано мудрости отдельных деятелей. На первом месте в этом союзном царстве стояли *общины полноправных граждан*, из которых большая часть (начиная от Цере на севере до Формий на юге) составляла как бы одну область, а многие другие были разбросаны на территории всей федерации. Среди *союзников*, следовательно, среди подчиненных Риму общин, некоторыми преимуществами пользовались союзники *латинского племени*, которые в области частного права были приравнены к римлянам; к то-

му же и в их внутренние дела римляне не вникали. Весьма мудрой мерой было то, что всем лицам, занимавшим общественные должности в латинских городах, давались права полного римского гражданства, которых в рассматриваемую нами эпоху нелегко было добиться. Таким образом, и само римское гражданство постепенно пополнялось лучшими элементами латинской нации. Второе место занимали *граждане без права голоса и права быть избранными* – формальные подданные Рима, у которых посланный из Рима префект чинил суд и расправу, хотя они в управлении частными делами своих общин особенно не были стеснены. Третье место занимали *союзники нелатинского племени*. Их положение было неодинаковым: оно основывалось на первоначальном союзническом договоре, согласно которому каждая из этих городских общин более или менее добровольно или не добровольно вступала в союз, поэтому одному городу (например, Неаполю) было дано очень много прав и вольностей. Отдельные союзы народов или федерации городов, которые, при прежнем положении дел, играли такую важную роль в Италии, были, конечно, уничтожены. И те контингенты солдат, которые должна была поставлять в войско каждая союзная община, держались порознь и, не сводились в более крупные части войск. Из них не составляли цельных легионов. При этом, однако, всюду старались очень ловко связать с Римом интересы руководящих и богатых классов общества, благоприятствуя по мере возможности переустрой-

ству италийских общин в аристократическом смысле. Военное преобладание в стране, которая, конечно, лишь постепенно привыкала к одному общему названию Италии, обеспечивало Риму большие военные дороги, которые, начинаясь у римского форума, шли и на север, и на юг, от крепости к крепости. Между этими дорогами первой была проложенная в 312 г. до н. э. гениальным цензором Аппием Клавдием так называемая *Аппиева дорога*, которая шла в южном направлении к Капуе и дальше к Беневенту, к Венусии, Таренту и Брундизию. Сенат, однако, пользовался этим военным могуществом весьма умеренно. Римские полноправные граждане несли на себе главную долю тягостей, возлагаемых на это сословие господствующим положением, и можно точно сказать, что римское господство, внесшее мир и порядок во всю Италию и избавившее ее население от нескончаемых усобиц городов и племен, было истинно благотельным для страны. Нельзя, однако, не заметить, что это благодеяние, ощущаемое весьма многими, в действительности признавалось лишь очень немногими. Ни одна великая нация никогда не возникала по добровольному соглашению вошедших в ее состав элементов.

Книга VI. Рим и Карфаген

Глава первая

Первая Пуническая война (264–241 гг. до н. э.). – Восстание карфагенских наемников; Истрийская и Галльская войны. – Вторая Пуническая война (218–201 гг. до н. э.)

Положение на побережье Средиземного моря

В то время, когда Милон сдал римлянам тарентскую цитадель, установилось нечто вроде политического равновесия между великими державами, образовавшимися на берегах Средиземного моря. Можно было подумать, что мир надолго установится именно на основе системы равновесия между этими государствами, ни одно из которых не в силах было одолеть противника и которым мешало известное число малых и средних государств. Соглашение между этими двумя государственными общинами теперь установить было бы легче, чем когда-либо, несмотря на разнородность наци-

ональностей, входивших в их состав: греческий язык и образованность с каждым днем скрепляли связи между культурными народами того времени, а быстро развивавшиеся торговые отношения и невероятно возрастающая промышленная деятельность, все шире распространявшаяся во множестве городских центров, вызывали потребность в мире и мирных, вполне упорядоченных отношениях. Надежды на такой мир, по-видимому, возросли с тех пор, как римская федеративная держава окончательно округлилась. Теперь на западе Европы преобладали два государства, управляемые двумя большими республиканскими городами: Рим – на западном берегу Италии и Карфаген – на северном берегу Африки. Интересы обоих государств до этого времени еще никогда не приводили их к враждебным столкновениям. Многие торговые контракты (348, 306 гг. до н. э.), составленные, по-видимому, без всякого затруднения и на довольно либеральной основе, указывают на дружеские отношения, и среди посольств, присланных дружественными державами в 340 г. до н. э. в Рим с поздравлениями по поводу окончательного приобретения Капуи, было также карфагенское посольство. И в только что законченной войне с Пирром общая опасность даже побудила Рим и Карфаген к заключению союза. Несмотря на все это, дело приняло совсем иной оборот, неожиданный для всех. Вместо прочного мира между Римом и Карфагеном последовало целое столетие почти непрерывных войн, которые создали всемирную монархию, дале-

ко превышавшую все самые смелые замыслы Александра. Ее центром явилась та самая курия, в которой близ форума соби-рался на совещания римский сенат.

Мессенская коммуна

Событие, по-видимому, имевшее местный характер, как оказалось, носило в себе зародыши этого губительного буду-щего. В 282 г. до н. э. шайка кампанских наемников (сыновей Мамерта, бога войны по их понятиям), *мамертинцев*, состо-явших на службе у сиракузского тирана Агафокла, захватила Мессану при Сицилийском проливе, перебила всех жителей мужского пола, а женщин, детей и их имущество присвоила себе.

Здесь, подобно состоявшему на римской службе кампан-скому легиону, захватившему Регий (279 г. до н. э.), и в связи с ним, мамертинцы завели разбойничье гнездо, которое да-же помимо своего преступного происхождения оказалось в высшей степени тягостным для соседей. Хозяйничанью мя-тежного легиона в Регии римляне положили суровый конец, но вступаться в сицилийские дела они не имели ни малей-шего права. Итак, мамертинцы в Мессане продолжали раз-бойничать. Это привело к войне с Сиракузами. Талантливо-му молодому человеку, *Гиерону*, сыну Гиероклеса, удалось нанести им тяжелое поражение. К тому же, вскоре после это-го победитель мамертинцев был провозглашен царем, и они

поняли, что при всеобщей ненависти, с которой относились к ним все соседние законные государства, они не в силах будут бороться против Сиракуз. Они стали искать себе союзников, сознавая, что положение занятого ими города очень важно и что именно поэтому такой союз не лишен некоторого значения. Долго колебались они между союзом с Римом или с Карфагеном, и бурные споры происходили между ними на собраниях, где решался этот вопрос. Римская партия одержала верх, и в Рим было отправлено посольство с униженной просьбой защитить своих соплеменников от враждебных им сицилийцев.

Кажется, что более веский вопрос внешней политики никогда еще не был предложен на разрешение сената и римского народа. Положение само по себе было достаточно ясно: оказать помощь значило вступить в войну с карфагенянами, потому что вмешательство в дела Сицилии было бы в Карфагене принято за вызов. Не помочь – помогут карфагеняне, и станут близкими соседями, да еще в опасном месте.

Посольство мамертинцев. Совещания в Риме

Уже события последней войны вынудили римских правителей обратить внимание на сицилийские дела, а также на само значение Карфагена как державы и на средства, которыми он обладал. Говорят, что уже царь Пирр указывал на Сицилию как на будущий театр войны между Римом и Карфаге-

ном, и в Риме не заблуждались насчет намерений, с которыми флот карфагенян явился в воды Тарента в 272 г. до н. э., хотя и притворились, что считают эти намерения вполне дружескими, во избежание дальнейших осложнений в отношениях с пунийцами. И вот, при изображении всемирно-исторического столкновения этих двух держав – в некотором смысле второй борьбы между Востоком и Западом – оказываешься в таком же неблагоприятном положении, как и при описании Персидских войн, первого подобного столкновения. История Пунических войн написана победителями, а от побежденных не дошло никаких оригинальных источников, только весьма жалкие обрывки. Следовательно, лишь немногие заметки могут ввести в круг представлений, настроений и правовых убеждений противоположной, пунической стороны. Однако не может быть сомнения в том, что как в первой, так и во второй борьбе Востока с Западом высшее право, право лучшего было на стороне западной державы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.